РАЗДЕЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ

Дети войны вспоминают: Быхов, Шклов

В двух книгах
Книга 1

Могилев
2014

УДК 94(476.4)»1941/1945»
ББК 63.3(4Беи-2Мог)622
Р17

Составители:
И. М. Шендерович, А. Л. Литин

Вступительная статья:
И. Н. Романова, И. М. Шендерович

Фотографии из семейных альбомов респондентов,
коллекции О. Лисовского,
Могилевского областного краеведческого музея,
Федерального архива Германии,
сайта http://panzerregiment35.blogspot.com/2011/05/70-jahre-stary-bychow-austausch-von.html,
А. Литина, И. Шендерович

Р17 Разделенные войной. Дети войны вспоминают : Быхов, Шклов. В 2 кн. Кн. 1 / Сост. : И. Шендерович, А. Литин. — Могилев : 2014. — 184 с. : фот.

В первой книге собраны воспоминания уроженцев Быхова, Шклова и окрестностей о войне, том времени, когда они были детьми и подростками. Это исповеди евреев, русских и белорусов, которые вместе жили, играли, учились, и чья прежняя жизнь была разрушена в одно мгновение. Это истории тех, кого называют простыми мирными гражданами, о том, как и благодаря чему они выжили. Истории о жизни как таковой, несмотря ни на что, вопреки…

УДК 94(476.4)»1941/1945»
ББК 63.3(4Беи-2Мог)622

© Шендерович И. М., 2014
© Литин А. Л., 2014
© Романова И. Н., 2014

Предисловие

Пять вопросов, которые могут возникнуть перед чтением этой книги

Все больше забытого, и все мы беднеем от этого забвения. Кроме большой истории, которая сохраняет даты и события, важные для страны, есть и «малая» история каждой семьи.

Людмила Улицкая

1. Что это за книга?

Эта книга — сборник воспоминаний. Мы собрали около 60 воспоминаний евреев и белорусов из Могилева, Шклова и Быхова и окрестностей, которые в детском возрасте вместе жили, играли, учились, и которых война и нацистский оккупационный режим зачастую ставили в разные жизненные условия. Их воспоминания — это рассказы о трагедии Холокоста, спонтанной эвакуации мирного населения и его бегстве от войны; о самоотверженной борьбе с врагом, как в целом в Беларуси, так и в ряде ее конкретных регионов.

Собранный нарративный материал позволяет лучше понять отношение разных групп населения Беларуси к оккупационной политике, ее особенностям в отношении евреев, коммунистов, военнопленных и других групп населения; подробности быта и психологического состояния людей.

Три города с богатой еврейской историей: Могилев, Быхов, Шклов — выбраны потому, что территориально находятся недалеко друг от друга. Это позволило осуществлять поиск и опрос информантов не только местным, но и могилевским

интервьюерам. Исследование дополнено иллюстративным материалом: фотографиями из государственных, музейных и семейных архивов.

Прошлое никуда не уходит, оно в свернутом состоянии живет каждый момент моей жизни.
Карл Густав Юнг
Только правда сделает нас свободными.
Вся правда целиком, которая всегда ужасна.
Фридрих Хеер

2. Почему нужна еще одна книга о войне в Беларуси?

Потому что эта тема по-прежнему актуальна.

Актуальна для мира: его современный облик в основном определили итоги Второй мировой войны и развал социалистического лагеря.

Актуальна для Беларуси: катастрофические последствия в экономике и демографии, которые стали результатом военных действий и политики оккупационного режима, а также влияние пропагандистских идей того времени и пережитые потрясения, которые все еще во многом определяют менталитет и самоощущение жителей нашей страны всех поколений. А значит, тема войны актуальна для каждого из нас.

За годы, прошедшие после Второй мировой войны, о «героическом подвиге советского народа в борьбе против немецко-фашистских захватчиков» написаны и изданы тысячи книг всевозможных жанров, форматов и объемов. Начиная с 90-х годов, стали появляться статьи и книги о реальной цене Победы в миллионы жизней, поломанных судеб, уничтоженных городов и деревень. Затем — «сенсационные публикации», развенчивающие образ идеального «воина-освободителя

Красной армии» и компрометирующие «всенародное партизанское движение».

Неизменные затертые штампы идеологической пропаганды под наплывом фактов, противоречащих однозначной официальной версии истории войны, перестали вызывать доверие. И значимость невероятных страданий и потрясающего мужества тех, кто сражался против оккупантов, и тех, кто просто пытался выжить, для многих тоже была нивелирована.

Мы думаем, что искренние и откровенные рассказы очевидцев и участников событий помогут читателям приблизиться к более объективному и многогранному пониманию нашей истории.

Нити судьбы не должны повиснуть в пустоте. Они должны быть вплетены в ковер истории. И только когда они окажутся на своем месте, мы сможем оставить историю в прошлом. Только тогда мы обретем свободу, необходимую для чего-то нового.

Бернхард Шлинк

3. Как мы выбирали информантов и почему в книгу вошли воспоминания именно этих людей?

Мы вовсе не претендуем на статистически верную выборку. Никакого специального отбора информантов не было. Мы беседовали со всеми ветеранами, которых «выявили», преимущественно родом из Могилева, Шклова, Быхова, и которые были в состоянии и имели желание поделиться своими воспоминаниями о событиях 70-летней давности, рассказать нам о войне и своем детстве. С большинством из них мы согласовали распечатанный текст, удалив из него те сведения, которые люди по личным причинам не хотели бы обнародовать.

Истина о войне складывается из различных правд. Она у каждого своя. У кого — радостная, у кого — трагическая, у кого — полная божественного смысла, у кого — банально пустая.
Михаил Пиотровский

4. Насколько объективны воспоминания о событиях 70-летней давности?

Наши информанты к началу войны были детьми или подростками. И хоть многие из них утверждают, что помнят все, «как будто это случилось вчера», не следует сбрасывать со счетов, что память прихотлива. На собственные воспоминания пожилых людей наслаиваются эмоции, весь жизненный опыт, рассказы родных и знакомых, информация, полученная из материалов СМИ, и многое другое. Все это нисколько не умаляет значимость и достоверность этих свидетельств в целом, ведь люди рассказывают о себе самих и своей жизни, т. е. о том, что они знают лучше всего. Более того, отношение их, теперешних, к своим детским поступкам и событиям военной поры может быть особенно интересным.

5. Кто собирал эти воспоминания и благодаря кому этот проект смог осуществиться?

Воспоминания, фотографии и архивные материалы собирали волонтеры ОО «Могилевская еврейская община».

Спонсоры проекта

Мемориальный комплекс Яд Вашем при поддержке благотворительного фонда «Генезис» и Европейского Еврейского Фонда

Неоценимую помощь в работе над сбором материалов и работе над книгой оказали:
Александр Грудина, Александр Сомов, Семен Двоскин, Инна Соркина, Олег Давид Лисовский, Нина Соломяникова, Ольга Серякова, Ирина Заикина, Анатолий Черных, МОЕБЦ «Хэсэд Барух», Могилевский областной краеведческий музей.

Воспоминания, объединенные войной

Перед нами около 60 воспоминаний пожилых людей о том времени, когда они были детьми и подростками. Это исповеди евреев, русских и белорусов, которые вместе жили, играли, учились, и чья прежняя жизнь была разрушена в одно мгновение. Это истории тех, кого называют простыми мирными гражданами, о том как и благодаря чему они выжили. Выжили в условиях, когда смерть и предательство стали повседневностью, а взаимопомощь и взаимовыручка — подвигом. Истории о жизни как таковой, несмотря ни на что, вопреки…

Свидетельства детей войны во многом схожие: ужасы оккупации, расстрелы, бомбежки, пылающие дома, гибель близких, голод и страх… Но в то же время это и разные воспоминания. Война действительно была для каждого своя. Для тех, кто остался в оккупации или оказался в эвакуации; для тех, кто добровольно или в силу обстоятельств, несмотря на юный возраст, пошел на службу к оккупантам или помогал партизанам; для тех, кто был в гетто, концлагере или на принудительных работах в Западной Европе; скрывался в лесах или оставался дома. Но это была одна война для всех — война, которая отняла детство, разрушила прежний мир, сломала жизнь.

Выжившие вольно или невольно интегрируют свои воспоминания в широкий советский нарратив о Великой Отчественной войне, и, как это ни парадоксально звучит, одновременно ломают его. Пример тому — воспоминания Лукиных Валентина

Дмитриевича из Быхова, который, среди прочего, рассказал: «Первое, что я запомнил, когда война началась, — как палили дома… Поджигали комсомольцы, коммунисты… Потом бежали наши солдаты. Перекинули нам через забор свои трехлинейки. Куда ж они со штыком на немецкие танки пойдут?»

В рассказах есть место для тех, кто сотрудничал с немцами, стал полицаем по принуждению или наивности, или потому, что «думали, что надо будет ходить по деревне, командовать мужиками, выбивать из них что-то, пить горелку и все»; для «партизан-садистов»: «Немцы застрелят, и все. А эти закапывали в землю и мочились на голову, пока человек не замерзал, и половые органы отрубали»; грабителей-односельчан, которые «под видом партизан с красными ленточками на шапках» приходили по ночам и «забирали, что хотели»; для «хороших полицейских и старост», которые прятали молодежь от угона в Германию; и даже для «хороших немцев», которые подкармливали и спасали.

Пережившие войну свидетельствуют: партизанская война — это и провокация дополнительной жестокости оккупантов в отношении мирного населения. «Мы ж никогда не разувались, не раздевались! …Через нашу деревню партизаны часто ездили… и у нас они часто останавливались, отдыхали. А то немцы с самолетов по деревне стреляли — партизанская зона…»

Дети и подростки в годы войны быстро взрослели, становились кормильцами, защитниками, брали на себя не свойственные им прежде функции. Не только партизаны, но и родные матери в случае необходимости послать кого-то из семьи в логово врага могли отправлять детей, надеясь, что юный возраст убережет их. Т. е. именно дети выступали

в роли буфера, посредника между семьей и внешним миром. 11-летняя Франя Федоровна Цодова, выполняя семейную трудовую повинность, возила полицаев на места боев. 15-летний Герасим Борисович Береснев и 18-летняя Валентина Павловна Низовцова (Москалькова) стали партизанскими связными.

Учитывая, что в изучаемом регионе была проведена мобилизация в Красную армию, в полицию могли попасть те, кто смог ее избежать, например, в силу возраста. Т. е. значительная часть партизан и подпольщиков, а также «прислужников фашизма» — очень молодые люди, воспитанники советских школ…

Пережившие Катастрофу евреи — это в большинстве случаев те, кто находился в эвакуации. В книге множество ярких описаний бегства: пыльные дороги, товарные вагоны или открытые платформы под бомбами и обстрелами, бесплатный суп на станции, помощь и забота совершенно незнакомых людей — с одной стороны, а с другой — антисемитизм больше не носит характер отдельных оскорблений, теперь это вопрос жизни и смерти: «Нам сказали, что если мы жидам дадим попить, то нас расстреляют»... Закончилось время, когда «с гордостью носили это своеобразное звание — «еврей»… ни грамма не стеснялись национальности, своих имен и фамилий…»

Жизнь в эвакуации — это тяжкий труд на промышленных или военных предприятиях, на колхозных полях, это бытовые лишения, недоедание. По воспоминаниям эвакуированных, нередко там было ужасно! Но они имели больше шансов выжить, чем белорусы, которые остались в зоне оккупации. Однако и у белорусов в зоне оккупации

были шансы на выживание, в отличие от евреев, которые не смогли эвакуироваться.

Свидетели уничтожения евреев вспоминают нашитые на одежду звезды, колонны людей, которых гнали на расстрел, убитых соседей и одноклассников. Узнаваемые символы Холокоста Западной Европы (вагоны, газовые камеры, колючая проволока) в советском опыте отсутствуют. Здесь евреи – жертвы Холокоста — были убиты возле дома, в оврагах, на кладбищах, на окраинах городов. Убийства совершались открыто, причем не только немцами, но и теми, кто по разным причинам пошел на сотрудничество с ними, т. е. вчерашними соседями и на глазах у соседей. Очевидцы свидетельствуют, что именно те, кто жил рядом, еще до расстрелов евреев, но уже в ситуации паники и неопределенности, воспользовались возможностью присвоения их имущества, нередко с использованием насилия, т. е. открытого и откровенного грабежа и разбоя.

Возможность избежать смерти для евреев была лишь при условии, что найдется человек, готовый рисковать жизнью своей и жизнью своих близких ради спасения другого. Дора Мироновна Гехт отметила: «Рассказывали, что горожане выкупали детей из гетто, выдавали их за своих». Однако, к сожалению, не эксклюзивны и истории о том, как «спасители» наслаждались своей властью над спасаемыми: женщины становились объектом домогательств, в еще более страшной ситуации оказывались дети. Пожалуй, одним из самых впечатляющих рассказов из всей коллекции является рассказ Клары Захаровны Альтшулер, еврейской девочки, которая осталась без родных и близких. Бродяжничество свело маленькую Клару с людьми разного возраста, которые, в зависимости от фантазии и подручных

средств, по-всякому издевались над еврейским ребенком.

О возможности спасения или не спасения евреев в годы войны белорусы отмечали: «Их всегда кто-то выдавал». Говоря о сталинских репрессиях, также отмечают: «Свои же и писали доносы».

И вместе с тем, тема жертвенности, самоотречения, героизма, безусловно, имеет место в нарративах. Информанты рассказывали не только о себе, но и о людях, которые были рядом: о врачах, которые в невероятно сложных условиях творили настоящее волшебство; о машинисте поезда, который, благодаря своему мастерству, спас от бомбежек сотни человек.

Разной была не только война, но и долгожданная победа. Фашизм был побежден, в свои права на освобожденных территориях снова вступал сталинизм. Есть среди историй и такие: отец и дядя, которые возвращались один с фронта, а второй из немецкого плена, оба сразу же были отправлены в сталинские лагеря. Шестнадцатилетняя Неся Абрамовна Мендельсон, которой удалось бежать от нацистов, в эвакуации попала в руки НКВД, которое пыталось сделать из нее, как это ни парадоксально звучит, немецкую шпионку.

Послевоенное торжество антисемитизма в значительной степени было подготовлено нацистской пропагандой. Но он возник не на пустом месте. История о том, как уже в эвакуации в глубине России евреи столкнулись с тем, что местное население ожидало увидеть вместо человека-еврея нечто более соответствующее сформированному у них пропагандой образу — рогатое чудовище, — не выпадающая из ряда картинка, а лишь яркая иллюстрация. И почти логичным, в таком случае,

выглядит умозаключение: «Если евреев убивали, то их убивали за что-то».

Послевоенную атмосферу передают слова Яковлевой Муси Марковны: «Боялась, что будут претензии, что работала в Германии, что осталась жива, что еврейка»…

Значительная часть тех, кого мы называем «советские люди», — это те, кто сформировался в условиях травматичного военного опыта, неважно на момент войны им было пять или двадцать пять лет. Страх, страдания, унижения, голод, боль, непосильный труд, потери родных, близких, разрушение социума, утрата доверия ко всем и всему — это то, что не могло не оказать влияния на их мировоззрение, не могло не наложить отпечаток на всю оставшуюся жизнь, на все общество в целом.

Ценность воспоминаний не в их стопроцентной фактологической точности, но в том, что они являются живыми свидетельствами эпохи, свидетельствами того, как сложно оставаться человеком в нечеловеческих условиях, а также того, что человечность всегда имеет место быть. Особенно пронзительны эти истории в случае трансляции детского опыта. Аутентичность историй значительно важнее их точности в деталях. Собранные вместе, они не только дополняют друг друга, создавая сложную и многомерную картину трагических событий и вносят существенный вклад в формирование наших знаний о той войне, но и, что не менее важно, являются важными источниками для верификации ее интерпретаций. А последние, к слову сказать, не выдерживают проверки этими воспоминаниями.

Ирина Романова
Ида Шендерович

Быхов

1089 дней оккупации

В 1939 году в городе Быхове проживало 11 тысяч жителей, в том числе 2295 евреев (20,8% населения).

4 июля 1941 года город был захвачен германскими войсками.

Находился в зоне военной оккупации. Территория района контролировалась при помощи военных гарнизонов в крупных населенных пунктах, участков, постов и гарнизонов в волостных центрах и других населенных пунктах.

За годы оккупации было уничтожено 9158 мирных жителей, в том числе около 5000 евреев из Быхова и окрестностей, беженцев из Польши и Западной Белоруссии. На фронтах войны погибло около 3000 уроженцев Быховщины. На принудительные работы за пределы Белоруссии было вывезено 1889 человек, в основном молодежь.

28 июня 1944 года Быхов освобожден войсками 2-го Белорусского фронта.

Бобцова (Суренкина) Таисия Никитична, 1934 г. р.

Я родилась в деревне Сухари 10 октября 1934 года. Мама — Ксения Парфеновна Андреева, 1907 г. р. Папа, Суренкин Никита Митрофанович, 1906 г. р., был директором школы. В семье было пятеро детей: Саша (1929 г. р.), Люда (1932 г. р.), Оля (1937 г. р.), Люба (1944 г. р.) и я.

Через несколько лет после моего рождения папу перевели в Хацковичи. Там я помню школу, большой сад и бульвар через него. Рядом и наш дом стоял.

Для меня начало войны связано с воспоминанием о полете самолета над деревней, который что-то сбрасывал. Потом говорили, что летчик из Хацкович сбрасывал письма. Папу, как учителя, сразу не призвали. Он сам пошел в военкомат в Чаусы и ушел на фронт добровольцем.

Потом деревню бомбили. Мы взяли с собой только самое необходимое и ушли пешком за 20 километров в Благовичи к папиной маме (эту бабушку в семье называли «красненькой», потому что она рыжая была, а вторую бабушку, Евдокию Федоровну, — «беленькой»). Она прожила много лет и воспитала 19 детей — 13 своих и 6 приемных. Была она третьей женой деда. Первые две его жены умерли при родах. Все ее мальчики окончили ленинградские институты и военные училища. С бабушкой жила папина сестра, тетка Хадора, с четырьмя детьми.

Дедушка Митрофан был такой мудрый, он выкопал блиндаж-землянку с ходом в ней под прямым углом. Сверху, чтобы дышать, он поставил

чугун, у которого выбил дно. Немцы, когда начали стрелять со стороны входа, до нас не доставали, потому что мы были за углом. И сверху стреляли, но тоже никого не ранили. Еще они хаты жгли, я сама видела. На палку наматывали тряпку, поджигали и к соломенной крыше подносили. Если видели кого из мужчин, забирали просто так, ни за что. Привязывали к мотоциклу и тащили.

Потом кто-то сказал, что в лесу лежат убитые советские солдаты. Дедушка надел новые лапти и пошел. Мы ждали-ждали, а его все нет. Пошли искать и нашли его без головы. Наверное, на мину попал. Отпели его в церкви (она здесь все время действовала) и похоронили.

Тетю Хадору с детьми и «красненькую» бабушку забрали в Германию. Бабушка всю жизнь никуда из Благовичей не выезжала и умерла по дороге. Остальные, кроме двух хлопцев, умерли в Германии. А хлопцы потом уехали куда-то в Прибалтику.

Мы до осени побыли в Благовичах и ушли к маминым родственникам в Заболотье, в трех километрах от Чаус. Дядя Павел ушел на фронт, а здесь жили «беленькая» бабушка с тетей Ниной с четырьмя детьми. В Заболотье открылась школа. Нас поселили в учительской, и мама стала работать учительницей. Было четыре класса. Училось человек сто. Занимались по старым учебникам, только портреты Сталина и Ленина заклеивали. Кроме мамы, еще одна учительница была, соседка наша.

Мы в то время жили спокойно. Фронт отошел, немцы нас не трогали. Наш дом был на краю деревни, и у нас квартира явочная была. Партизаны приходили, и мама с моим братом Алесем

распределяли, к кому идти и какие продукты брать. Есть-то нечего было. Наутро соседи говорили нам: «У нас партизаны были. А у вас?» А мы говорили, что у нас никого не было.

Немцев у нас не было, только полицаи и староста. Но староста у нас неплохой был. После войны он просил маму за него заступиться. Говорил: «Мы же вас не трогали, хотя знали, что вы были связаны с партизанами». Но его все равно расстреляли.

Жила у нас семья Масловских. Мама, бабушка и четверо детей. Они волосы перекрасили в светлый цвет. Говорили, что они евреи были. Кто-то их все же выдал (всегда кто-то выдавал), их арестовали и повезли в Могилев. А там была учительница немецкого языка Харчинская из Хацкович, которая сказала, что они не евреи. И их отпустили. Что с ними потом было, не знаю.

Помню, как мы по очереди собирали сережки, которые росли на орешнике. Потом крутили их на жерновах, из муки замешивали тесто и пекли в печке. Получалось что-то типа хлеба. И вкусно было. Я как-то гляжу, на березе тоже такие сережки растут. Ну, я их и насобирала, домой принесла. Сделали из них тесто, а оно горькое, в рот нельзя взять. А мама все поела. Еще ели прошлогоднюю картошку, щавель.

Когда в 1943 году фронт пришел на Проню, начались облавы. Ходили по всем домам, искали мужчин. У нас за домом были ямы — остались, когда глину забирали. Над одной из ям мы сделали шатер и в ней часто пережидали облавы. Как-то пришли с облавой, и мама положила в яму Алеся, а сверху наложила кочаны капусты. Там больше полицаев было, чем немцев. Один шомполом

начал тыкать, и Алесь застонал. Его вытащили, привязали к мотоциклу и в Тимоховке повесили. Ему было только 14 лет. Мама после этого положила его фотографии в сундук и больше никогда их не вынимала. Говорила, что не хотела больше жить. Только детей нужно было поднимать.

Немцы изнасиловали и убили Веру Шкредову, которая пасла коров. Я когда пришла на нее посмотреть, удивлялась, что у нее только маленькая дырочка во лбу была, а она была неживая.

Нас потом выгнали в беженцы в Акулинцы. Нас 48 душ жило в одном доме. Мы с торбами ходили и собирали, кто что даст. Кто моркву даст, кто бураков, кто бульбу. Потом страшный тиф разразился. Даже не знаю, сколько людей умерло, половина точно. А мы все выжили, никто не заболел. Мама постригла всех наголо, засыпала в чугун пепел и тем пеплом мыла нас. А вещи все проваривала в печке.

Освободили нас 28 июня 1944 года.

Папа, как оказалось, под Смоленском попал в плен и его увезли в Германию. Когда он возвращался домой после войны, из Орши дал телеграмму, что скоро встретимся. Но в Орше его арестовали и отправили в Сибирь. Попал он в Комсомольск-на-Амуре и вернулся лишь в 1953 году после реабилитации. Но он уже больной был. Совсем немного поработал директором школы и быстро умер. То же самое было и с мужем маминой сестры тети Паши, Максимом Парфеновичем Богдановичем, который был до войны директором школы. Его после немецкого лагеря отправили в Норильск. После возвращения в 1953 году он рассказывал, что наши надзиратели издевались больше, чем немцы. Немцы

застрелят и все. А эти закапывали в землю и мочились на голову, пока человек не замерзал, и половые органы отрубали.

А вдова папиного брата (он погиб на фронте) с тремя детьми умерла от голода в Благовичах уже после освобождения. В нашей семье всего 32 родственника погибли — кто от голода, кто на фронте.

Гехт Дора Мироновна, 1923 г. р.

Я родилась в Быхове. По документам я Дебора. Дедушка, Григорий Иосифович, был в Быхове общественным раввином. Он еще перед войной уехал в Одессу и там умер. Мой отец, Гехт Мирон Григорьевич, 1891 г. р., быховчанин, до революции работал в городской управе писарем. У него был прекрасный почерк, который знал весь город. Потом он работал бухгалтером-кассиром в лесхозе.

Мама, Мария Ефимовна Фрумкина, 1898 г. р., родилась недалеко от Быхова в деревне Золотва. До войны она работала заведующей в детском саду.

У нас в семье было пятеро детей. Самый маленький, Гриша, 1936 г. р., умер во время эвакуации. Я была старшая, за мной родились: Соня, 1926 г. р., потом Мария, 1927 г. р., Ефим, 1928 г. р., Галя, 1930 г. р.

Мы жили в старом доме бабушки. Бабушка, Дыня Ефимовна, мамина мама, помогала нас поднимать и воспитывать. Двор дома был большой, и там стоял второй, более новый дом, где жил мамин брат Борис.

Жили мы небогато, но дети все очень красиво были одеты, потому что мама умела шить. Все перешивалось из старых одежд, из тряпок.

Питались более-менее. Держали корову. Были куры, утки, гуси. Огородик у дома был, небольшой, но был.

До войны я успела окончить семь классов в еврейской семилетке и русскую школу № 2. Туда брали хороших учеников, как сейчас в гимназию. Я училась на «отлично», была активной комсомолкой.

Война началась на следующий день после нашего выпускного вечера. Утром я услышала, как папа заплакал: «Война, доченька!»

Вообще-то к 4 июля немцы взяли военный городок, стрельба прекратилась, и мы решили, что уже и война закончилась. Думали, что немцам уже и Быхов не нужен. Тем более бабушка говорила, что они с немцами в Первую мировую так хорошо и мирно жили. Немцы у них дома тогда квартировали.

Фрумкина Мария Ефимовна, мама Доры Гехт, с сестрами Фаней и Гисей, Быхов, конец 1910-х гг.

С 3 на 4 июля 1941 года я, как комсомолка, дежурила в райкоме партии. Мое дежурство заканчивалось в 4 часа утра. И мы с братом Ефимом рано утром пошли в магазин Аляра, в котором заведующим был Аляра Иоффе. Мы стояли в очереди за хлебом. Очередь была большая, но моя уже подходила, четвертая или пятая была. Аляра впускал в маленький магазин по два человека. Мы как раз зашли в магазин, когда началась стрельба. Мы даже ничего не успели увидеть. Аляра открыл входную дверь, впустил всех и сказал, чтобы все выходили через заднюю дверь во двор и прятались в бульбе. Оказывается, в город въехали немецкие танки и открыли стрельбу по окнам. Мы с братом окольным путем по молочному переулку побежали домой. Мама с папой нас уже ждали на улице. Сестер я не видела, они, оказывается, выпускали скот: корову, кур, уток...

Когда мы подошли, у нашего дома уже начала проваливаться крыша. Самолет сверху поджигал

Фрумкина Мария Ефимовна, мама Доры Гехт, с сестрами Фаней и Гисей, Быхов, 1950-е гг.

дома. Говорили, что это наши делали, чтобы не оставлять ничего врагу, но я этому не верю. Мне кажется, это немецкий самолет был. Мы стали быстро уходить, потому что все стало полыхать, и мы думали, что уже не выйдем оттуда. Напротив нас было братское кладбище. Я туда глянула и увидела, как по одной из огромных лип побежал ленточкой живой огонек снизу вверх. Больше мы ничего не видели, бежали, только бы выскочить из этого огня.

Пошли в сторону городского кладбища. Сели, не знали, что дальше делать. Увидели, как бежала через огонь молодая женщина с двумя детьми. Маленького она несла на руках. Она пришла сюда чуть ли не из Финляндии. Может быть, муж ее здесь служил, не знаю... Мы ее взяли с собой. Помогли ей детей нести хоть немножко.

Гехт Мирон Григорьевич, 1946 г.

Ночевали в Баркалабово у папиного друга. Лодка папиного друга пропала, и нам помогли переправиться через Днепр солдаты. Вместе дошли до Грудиновки, где был военкомат. Папа пошел в военкомат, но ему сказали: старых и слепых не берем. У него еще и плохое зрение было. Мы пошли дальше. Долго шли до станции Унеча. Там сгружали из вагонов

муку, а нас поместили в освободившиеся вагоны. Ехать было очень тяжело. Вещей у нас не было и сесть не на что было. Потом мужчины на какой-то станции взяли доски и сделали нары. Помню, ехали с нами поляки с детьми. На станциях давали хлеб и суп. Мы брали только хлеб, потому что суп в руки не нальешь. До Чкаловска мы уже не доехали. Была станция Новосергиевка. Сказали, что желающие могу сойти. И мы вышли. Там стояли подводы на быках. Нас загрузили на эти подводы, и мы чуть ли не 200 км на этих подводах ехали до деревни Казанки (Александровский район Георгиевский сельсовет). Там мы и прожили всю войну.

Это были отроги Уральских гор. А перед ними в лощине было много всяких деревень: узбекских, казахских, русских (русских называли «кацапами»). Была деревня Зейдуки, мы тогда думали, что это была еврейская деревня — от имени Зейда. Была и немецкая, так там порядок был — все

Дора, Соня, Хаим, Мура Гехт, 1949 г.

огорожено, покрашено. Поселили нас в старой школе. Стали работать в деревне. Мама была родом из деревни и учила нас работать в поле. Они потом работали с Соней уборщицами в школе. И еще шесть печей топили. Соня такая боевая была, и на тракторе помогала трактористу-немцу в колхозе. Мария и Галя зимой учились, ходили в Александровку, а летом и в выходные тоже в колхозе трудились. Ефим стал работать на лошади. Папу забрали на работу в бухгалтерию. Сначала было очень тяжело. Нам на семь человек дали 21 килограмм хлеба, а мы сказали, что сразу столько не возьмем. Взяли только несколько килограммов, остальное думали потом брать понемногу. Не понимали родители (а мы — тем более), что его можно было посушить на сухари. Но потом хлеба уже не было, стали голодать. Нам все помогали, даже курочку с цыплятами дали, вещи. Понемногу обжились.

Гехт Дора Мироновна с братом Ефимом, 1947 г.

Относились к нам очень хорошо. Там и не знали, кто такие евреи. У нашей хозяйки был маленький ребенок. Когда он плакал, я его качала, а хозяйка шутила: «Да не качай ты его. К жидам его в болото головой»...

Директор школы, Филипп Емельянович, очень хороший человек, когда узнал, что я окончила десять классов, сказал, что я уже готовая учительница. Он ехал на учительскую конференцию в район, и уговаривал меня поехать тоже. Я отказывалась — какая из меня учительница? Но его жена меня уговорила.

Так я и стала учительницей. Работала в две смены тут же, в Казанке. Сами и новую школу построили из огромных кирпичей. Там была четырехлетняя школа, а потом сделали семилетку. Скоро все, кто раньше в район ездил учиться, вернулись в нашу школу. В старших классах детей было немного, а в младших человек по двадцать.

Гехт Мирон Григорьевич и Мария Ефимовна с внуком Гришей, сыном дочки Мары, 1967 г.

Сначала я в четвертом классе преподавала, а потом мужчин-учителей забирали в армию, и я постепенно стала вести и математику, и немецкий, и русский.

Я там и в партию вступила, так что меня оттуда отпускать не хотели: только в 1947 году я вернулась в Быхов. Мария с Галей еще со мной оставались, школу кончали, а остальные вернулись раньше. Ефима дядя забрал в Ленинград.

В Быхове у нас из родных никого во время войны не осталось, но много папиных родственников погибло в Одессе.

О судьбе быховских евреев после войны, по-моему, особо не говорили. Может, с мамой, папой... А мне некогда было говорить — работала в три смены. Слышала только, что спаслась девочка-подросток, лет четырнадцати, Маня Ладнова. Ее отец был русским, и он мог остаться дома, когда евреев собирали, чтобы вести в гетто, но не захотел оставлять семью. В тот момент девочки не было дома. Ее спрятали соседи.

Рассказывали, что горожане выкупали детей из гетто, выдавали их за своих.

После войны евреи собирались молиться в доме у старика Мотки Левина. Он уже не работал и не боялся, что его как-то накажут. По праздникам все евреи собирались молиться. Папа был тоже очень религиозным и ходил к Левину. Там и деньги собирали. Много присылали и из Ленинграда, где жили выходцы из Быхова. Часть денег передавали бедным. На эти же собранные деньги нанимали мужиков с подводами. Ночью выкапывали, складывали в мешки и перевозили на кладбище останки расстрелянных евреев. Кого-то раскопали, а у него борода, усы сохранились, как

у живого. Папа вместе с Левиным и другими мужчинами также занимался установкой памятников (отдельно для женщин и мужчин) на кладбище. Было это в конце 40-х годов. Когда я приехала в Быхов, памятники уже стояли.

Златин Борис Семенович, 1928 г. р.

Я родом из Сапежинки. До войны мы жили бедно. Отец, Семен Григорьевич, работал сначала на мебельной фабрике, потом в горторге. Родители ходили молиться в синагогу в Быхов. Перед войной мы переехали в город.

Объявили, что началась война. Мы стали ждать. Немец все ближе. Отец сказал, что мы не останемся. Военный гарнизон в Быхове строили тюремщики и заключенные. Когда началась война, они все оттуда удрали и бросились на мост. Мы тоже пошли на мост вслед за ними. По дороге бомбили. Как только видели самолеты, сразу в лесу прятались. В основном все шли пешком, только директор военного леспромхоза Пищанок вез семью на повозке. Дошли пешком до Пропойска, потом до Кричева. Оттуда на поезде. Там встретили знакомого руководящего работника из Могилева Шуба.

Отца и старшего брата Зяму, 1924 г. р., забрали в армию. Зяма служил на Дальнем Востоке. Жил он там неплохо. У них там была вторая линия фронта.

Брата Григория, 1926 г. р., забрали в ФЗО. Из Москвы в Энгельс эвакуировался завод.

Оборудование, станки и людей привезли прямо в голое поле. Спали они прямо на земле. Голодали. Его спасла местная девушка, которая потом стала его женой. Она подкармливала брата, иначе он умер бы от голода и холода, как многие другие. Брат так и остался на заводе в Энгельсе до самой пенсии.

Мы попали в эвакуацию в Саратовскую область, в колхоз им. Кирова. Нам дали дом. Деревня была пустой. До войны там жили поволжские немцы, которых выселили. Было человек 40 эвакуированных и назначенный председатель — украинец Шкварко. В колхозе я в школу не ходил. Работал конюхом, пахал на быках, на тракторе, на комбайне. Вместо оплаты были трудодни — «палочки» в ведомостях. Голодали.

В деревне была врач из Москвы. У нее была коза. Я привозил ей корм для козы и за это получал маленький кусочек хлеба. Приду домой и прошу маму закрыть глаза, а сам ей этот кусочек в рот положу. Сам не ел. Мама больная была, в колхозе не работала. С нами жила еще пожилая мамина сестра.

Как-то барабан комбайна забился сырым зерном, и его полезла чистить одна очень красивая девушка Галя — помощник комбайнера. Председатель Шкварко приехал проверять работу. Закричал: «Что стоим?!» Включил комбайн, не заметил Галю, и девушке оторвало ногу.

Домой вернулись после войны. Евреев вернулось мало. Всех папиных родственников из Сапежинки расстреляли.

Мамина сестра, Курцерова, до войны жила в Могилеве. Она ушла из города, скрывала, что еврейка, пряталась в лесу. Осталась жива. Три ее

сына и зять погибли на фронте. Мой отец тоже погиб на фронте.

Два дома, принадлежавшие нашей семье в Быхове, сгорели во время войны.

Катлинская (Филиппович) Нина Кузьминична, 1931 г. р.

Родилась я в Могилеве. Мама, Варвара Федоровна, была медсестрой в психолечебнице. Отец, Кузьма Михайлович Филиппович, водил поезда. Кроме меня в семье еще были две сестры и брат. Сестре Ларисе в 1941 году был год с небольшим, второй сестре Лиле — 2 года, брату Егору — 4 года.

Перед самой войной отец отправил меня по путевке в пионерский лагерь под город Сураж. Мне там очень нравилось. Как-то пошли купаться, потом нарвали щавеля. Думаем: «Завтра нам его наварят…» А утром нас подняли в 4 часа. Кричат: «Поднимайтесь скоренько, уезжаем!» Не дали ни есть, ничего... Говорили, что некогда.

Загрузили в вагоны-телятники. И до Орши не доехали, как нас стали бомбить, стрелять из самолета. Целый вагон детей сгорел! Наш вагон тоже горел, так нас из вагона выкидывали, а пока выкидывали, меня ранило в голову. В нашей группе из 28 человек осталось в живых только 12. В лесу мы пробыли три дня. Когда я очухалась, мне сказали, что думали здесь меня и закопать. Но не померла я. Рану мне закладывали грязью, землей. Отметина на всю жизнь на лбу осталась.

Потом еще несколько дней мы шли пешком до Могилева. Подошла к дому вся обгорелая, перевязанная, страшная, а мама стояла около дома, отправляла папку на войну. Я ее обхватила, кричу: «Мамка!», а она: «Девочка, отойди! У меня своя дочь погибла». Я кричу: «Мамка, это я!» А она не узнает: «Отойди!»... И все. Я стала плакать, и они очухались, узнали. Мы еще один день пробыли в Могилеве. Уже говорили, что коммунистов будут расстреливать, а у меня папка был коммунистом. Решили уходить. Достали большую детскую коляску, погрузили туда малых детей. Я сзади коляску подталкивала, и пошли. Только за город вышли, а там бомбежка. Мы в какую-то ямку кинулись, сами целы остались, а коляска разлетелась. Пришлось назад вернуться в Могилев. А через день немцы пришли.

Жили мы в Печерске, на окраине города. Здесь немцы не стреляли. Первые оккупанты на мотоциклах ехали, потом и на машинах, и пешком шли. Но нас не трогали. На четвертый день они начали по домам ходить, искать, где коммунисты, где евреи — всех на свете.

Мамка уже не работала. Она рассказывала, что всех пациентов психбольницы загнали в одну машину, потом в другую. Убили. А многие утекли, побоялись, что и их заберут.

Каждый вечер приходили к нам с проверками: «Партизаны есть?» Все обыщут и уйдут. Есть нечего было, хоть помирай.

Потом началось такое, что стало ясно: всех будут убирать... Зимой это уже было. Дед Михаил, папин отец, пришел и сказал, что нас тоже могут уничтожить.

Рядом с нами жила мамина подруга, переводчица Лена. Она работала у немцев. Как-то Лена сказала: «Вчера партизаны убили троих немцев и дом спалили. Будут делать облавы и всех забирать. Собирайся, Варька, придется утекать: и вам, и мне. Я договорилась, чтобы после 6 часов, когда снимут комендантский час, нас вывезут». Так нас вывезли в какую-то деревню недалеко от города, где-то в сторону Белыничей. Лена осталась у своих родственников, а мы еще две недели добирались до маминых родственников в деревню Стехово Белыничского района. Чуть живые пришли, однажды только один дед нас подвез, а так пешком шли, да без разрешения… Страшное дело!

А к кому идти? У всех семьи. Мамкина сестра взяла нас к себе. Побыли у нее месяца два. У нее семь детей и нас четверо. Пошла мамка к старосте: «Что делать? Где жить?» Поселили нас в комнате рядом с канцелярией. Ходили, просили у людей, кто что даст. Так до весны дожили. Весной гнилую бульбу собирали, а летом грибы, ягоды. Но в лесу немцы забивали, боялись мы в лес ходить.

Сначала тихо было, а недели через две приехали немцы и полицаи. Немцев мало было, полицаев — много. Они потом часто приезжали, если кто казался подозрительным — сразу стреляли. По всем хатам ходили, у кого что было забирали. И коров тоже. Кто не боялся, корову зарезал. Что будет, то будет. Потом кусками людям раздавали. А кто боялся, у тех все забрали.

Наша деревня была партизанская, а рядом деревня Олешковичи — там одни полицаи. Немцы стояли и в Белыничах, и в Шепелевичах (это в 6 км от нас).

Мы ж никогда не разувались, не раздевались! Где-то кто-то что-то услышит и уже бегут-кричат: «Едут немцы!» И все утекают.

А один раз нас всех собрали в гумно и хотели спалить. Но какой-то немец подъехал на мотоцикле, что-то сказал, и нас отпустили. Кто он такой был, я не знаю. А деревня большая была, хат двести, не меньше. Да еще два поселка. Человек 70 за войну погибло в деревне.

Как-то каратели загнали нас в болото — чуть оттуда выбрались. В другой раз, когда мы убегали от них, в жито забежали. Так они жито подожгли, еле мы в лес утекли. Стреляли. Меня еще и в ногу ранило.

Помню, пришел один пожилой немец, хвать курицу и бегом. Ну, хрен его бери, лишь бы нас не трогал! А другой раз немец схватил мамку и потянул на улицу. У нас тогда человек пять чужих детей собралось гулять вместе. Все за него ухватились, так ему пришлось отпустить. Пару раз прикладом мамку ударил, но отпустил. Вот так было!

А как-то каратели приехали, всех собрали и к стенке поставили. Начали по стенке стрелять – мы валимся. Встанем — они опять стреляют. Потом начали всех коленками бить, страшно... Забили двух человек.

Через нашу деревню партизаны часто ездили на станцию Славное железку (железную дорогу. — *Ред.*) подрывать. А назад возвращались, так одного-двух раненых и убитых везли. И у нас они часто останавливались, отдыхали.

А то немцы с самолетов по деревне стреляли — партизанская зона. Здесь часто отдыхал Гришин, самый главный по партизанским отрядам. Его отряд рядом был.

Однажды прибежала к нам женщина и кричит: «Сховайте меня, сховайте!» Мы ее в подпол. Она мне дала тоненькую такую скруточку. Говорит: «Ты малая, тебя не убачат». Неси к Гришину, а то сейчас немцы придут. Мамка боялась, что немцы найдут эту тетку.

Откуда я что узнала? Но говорю: «Растилай на пол подстилку. И мы все ляжем. Немцы тифа боятся». Так и сделали. Все лежим, стонем. Немец пришел, поцокал, и ушел. Наверное, все же хороший человек был. Палку поставил и написал на ней: «Тиф». После этого к нам в хату месяца два никто не ходил. Хоть спокойно пожили.

А потом опять началось!... Кожен день, кожен день! Мамку били, что партизаны здесь были. И правду были, отдыхали здесь. Не только у нас, по всей деревне. Это ж не раз было... На краю деревни женщина жила, у нее муж был в партизанах. Она туда часто ходила, что-то передавала, что-то носила. Она мне говорила: «Ты приди, Нинка, посмотрю мою девочку, а я пойду в лес». Так я поэтому знала болей, чем кто.

Я очень похожа на еврейку была, черная совсем, так меня немцы два раза пытали, хотели забить. Да я и сама точно не знаю, кто я такая. Папка у меня считался белорусом, но он родом из Польши. Да и потом, куда я не ездила, евреи меня за свою принимали. В деревне тоже двое евреев прятались, сказались они неевреями, остались живыми. Никто их не выдал. У нас такая деревня была — никто никого не выдавал. Но человек 15 евреев-беженцев недалеко от нашей деревни во рву забили.

Соли у нас не было. За солью в Славное нужно было идти, на станцию. Туда несколько женщин

сходили, но никто не вернулся. Два старика потом пошли, не вернулись тоже. У нас старушка жила, она к нам пришла и говорит: «Хай Нина соберет малых девочек, мальчиков. Пойду я с ними в Славное за солью. Не может быть, чтобы нас забили. Они малые, я старая». Мы собрались. Взяли пшено, которое летом вырастили. Нам сказали, что за 400 г пшена дают стакан соли. Мне это пшено завязала мамка за плечи, и пошли мы. Все в лаптях были, потому что обувь вся сносилась. Это было зимой в 1942 году или в 1943. Пошли не по лесу, на шлях вышли. Здесь нас немцы и поймали и привели в какой-то сарай. Все поотнимали, кинули на пол. Еще там два полицая были: начали нас за уши крутить, за голову, за волосы тягать, о партизанах спрашивать. Мы говорим, что ничего не знаем, умираем, за солью идем. Побили они нас, вывели на улицу, к стенке поставили. Мы кричали, плакали. Они стрелять стали, мы тут же попадали. Но не убили никого. Раза три так издевались. А потом все нам вернули и отпустили. Мы троху отлежались, очухались и дальше пошли. Еще километра три идти нужно было. Чуть доволоклись до Славного. Мокрые все, а просушиться негде. Там же домов не было, одни блиндажи. Поменяли зерно на соль, у кого что было. У меня было 4 кг. Больше и взять негде было, да и не унесла бы я: малая была. Ночь переночевали и обратно пошли. Но бабка назад нас лесом повела. А мы уже тогда все босые были, вот мы по лесу, по снегу 6 километров босиком и шли. Только у одного мальчишки сапоги были резиновые. Как сейчас помню — в 8 вечера дошли домой. Я три дня после этого не разговаривала. И побили, голова болела, и устала сильно...

Это еще не все про соль. Через несколько дней пришли четыре человека. Говорят: «Мы партизаны. Знаем, что у вас соль есть. Давайте нам». А мы знаем, что партизаны ничего не забирают. Бандюги это были. Я, ничего не говоря, круть с печки — и бегом к Гришину. Меня: «Куда?» Говорю: «В туалет нужно». Прибежала, сказала, что соль пришли отнимать. Послали к нам два человека. Потом мамка рассказывала, что те уже все собрали, хотели уносить, но пришли партизаны, с ними поговорили и бандиты ушли.

Мы еще раз за солью ходили. Тогда на обратном пути немцы схватили троих хлопцев, а нас не тронули. Не знаю, что там было, но и они потом домой пришли.

Еще помню, всех нас погнали смотреть, как двух партизан на кладбище повесили. И сказали, будут висеть, никто их не снимет, потому что пильновать (охранять. — *Ред.*) будут. Но не пильновали долго. Через шесть дней их сняли и похоронили.

Уже в 1943 году большая бомбежка была. Мы сначала под печку залезли, потом на улицу выбежали. Так одну соседку нашу забило, а меня землей засыпало. Только одна рука торчала. Когда бомбежка окончилась, половина деревни сгорела. Меня долго шукали, случайно сосед руку заметил. Раскопали. Живая осталась, но долго не могла в себя придти.

В 1944 году уже листовки наши кидали: «Спасайтесь, как можете. Мы наступаем». А однажды появился человек в немецкой форме на белом коне. Мы испугались, но он по-русски говорил. Это наш был. Мы видели, что немцы по шляху бежали в сторону Шепелевичей, а потом самолет

низко пролетел и наши появились. Мы уже не боялись, все вышли из блиндажей встречать, коня зарезали, солдат кормили.

Потом наши немцев гнали, и там страшно что было. Один на одном они мертвые лежали. Мы потом ходили смотреть. Кто-то что-то и брал, но я ничего не брала. Постояла и пошла. Мне ничего не надо было. Хай Бог меня милует!

Да и после войны страшно было, есть же нечего было. Все сгорело. Покуда очухались, года три прошло.

Кежев Герасим Степанович, 1930 г. р.

Я родился в Сапежинке около Быхова. У меня в семье были мать, дедушка, бабушка, дядя Толик-холостяк. Отцом был солдат из военной части в Быхове. Он, как демобилизовался, уехал, мать бросил. Была еще сестра 1937 г. р. В 1939 году дядю Толю призвали в армию, в десантные войска, потом — на фронт. Он не вернулся, погиб.

Мама работала в Быхове на хлебопекарне. Дедушка работал в быховской милиции конюхом. Я окончил 4 класса. Школа была белорусская. Учительницей была Баханова, тогда уже немолодая женщина.

В Сапежинке жили почти одни евреи, и в колхозе были только евреи. Один только белорус заведовал складом — это Апанас Сташок. Очень честный был мужик. Председателем сапежинского еврейского колхоза им. Свердлова был Гершин, заведующей фермой — Хена, самый

большой дом имел Узилевский. Помню Крейду Узилевскую.

Колхоз был очень богатый, миллионер, потому что все евреи были.

Война у нас началась с того, что летели немецкие самолеты бомбить аэродром. Потом в Быхове начались пожары. Объявили, что немцев разбили под Березино, а танки-то немецкие уже в Быхове!

Колхозное стадо никуда отправить не успели. Выгнали стадо коров в поле, и мог брать себе любой. Мужики брали. Немцы брали. Мы не брали ничего — со своим бы справиться.

Пришли немцы. Начали переписывать людей. Евреев стали отделять от белорусов. На одежду евреям стали наклеивать на грудь и сзади желтые шестиконечные звезды.

19 августа 1941 года Сапежинку оцепили. Евреи уже были отделены. Взяли одних мужиков-евреев, там и хлопцы лет пятнадцати были, человек

Кежев Герасим Степанович с другом, конец 1940-х гг.

10—20 (24 человека. — *Ред.*) Сначала возле школы их заставили на коленках стоять, потом расстреляли в бункере около льнозавода. Это было как раз на Спаса. Немцы уехали.

Осенью собрали всех оставшихся еврейских женщин с детьми. Сначала их держали в доме Сендера Узилевского, потом перевезли в Быховский замок и расстреляли на Крещение со всеми евреями Шклова в противотанковом рву по дороге на Воронино.

Говорили, что евреев грабили полицейские, соседи, но я этого не видел.

Летом 1943 года расстрелянных евреев выкапывали и сжигали. Это немцы заставляли делать советских военнопленных, которых тоже потом расстреляли. Охраняла полиция. Трупы обливали керосином. Стоял запах горелого мяса. Пепел грузили на машины и куда-то увозили.

Убитых в Сапежинке еврейских мужчин сразу после войны перезахоронили на еврейском кладбище.

Памятник на месте дома, где собрали всех евреев Сапежинки перед расстрелом

После войны дом Узилевского перевезли в Быхов. Он и теперь стоит на углу улиц Пролетарской и Советской.

В начале войны открыли школу в Мокром, но она очень быстро закрылась, потому что никто не стал туда ходить. Стали пахать землю. Кто сколько мог, столько обрабатывал. Налог платили зерном. Но у нас в семье мужиков не было, мы много не брали, много не платили.

От каждого дома должен был идти работать один человек. От нашего дома я ходил. Убирал, дороги чистил. Когда немцы готовились к отступлению, нас гоняли копать окопы за Днепр. За день каждый должен был выкопать окоп в 3 метра длиной. Копали три месяца. Я, 11-летний пацан, за эти три месяца столько земли выкопал, что можно было всю Германию засыпать. Немцы в этом месте в наступление и не шли.

Как-то нас с другом погнали копать окопы в деревню Следюки. Сказали, что там надо остаться ночевать, а потом нас повезут в Германию. Это было зимой. Мы сбежали, пошли домой через лес, по льду возле кирпичного завода перешли Днепр. Дома я еще неделю на печке сидел, прятался, боялся, что за мной придут. Если бы не сбежали, нас бы отправили в Германию.

Все четыре года у каждого из членов нашей семьи была специальная сумка, как у солдата, на тот случай, если надо будет уходить. В сумке лежало самое необходимое: сухари, полстакана соли и другое.

Так нас немцы не трогали. Корову забрали только в 1943 году.

Перед отступлением немцев у нас скопилось много беженцев из России, из-за Днепра. Это было мирное население с семьями, на телегах,

пешком. Потом я узнал, что когда решали стрелять ли по Сапежинке из «Катюши», то послали разведчиков. Разведчики доложили, что вся Сапежинка переполнена мирными жителями, и решили не бомбить нас.

Мы не заметили, как нас освободили. С вечера еще стояла немецкая пушка, а утром уже наши пришли с новыми погонами на форме, о которых никто и не слышал у нас.

Яковлева (Красная) Муся (Мария) Марковна, (1921—2014)

Я родилась в Быхове. Мы занимали полдома на улице Колхозной — трехкомнатную квартиру в большом доме. В Быхове много евреев жило. Папа, Меер Красный, был хорошим сапожником. Мама Фрума воспитывала детей. Было три старших мальчика и четыре младших девочки. Старшая сестра Циля, потом Гися, Вихна и я. Меня все звали Муся. Циля у нас была очень красивая, на нее все заглядывались. Циля организовала в Быхове корзиночную артель. Синагога стояла. Отец ходил в синагогу. Больше никто из нашей семьи не ходил. Один брат воевал на Финской войне. Когда вернулся, умер от ран. Младший брат воевал.

Все работали. Я до войны работала секретарем в нарсуде.

Война началась сразу, неожиданно. Собрались мы вместе три сестры (одной сестры не было, она рожала в деревне, первый раз рожала). Мы пошли. Нас вернули назад, провели в комендатуру. В комендатуре работал судья, с которым я до войны работала. Меня привели к нему: «Куда, комсомолочка, утекала?» Я сказала, что мы все ездили в деревню менять барахло на хлеб. Сказал, чтобы нас отпустили. Пошла домой. Тогда нас еще не забирали в гетто.

Немцы задержали целый эшелон наших белорусских солдат. Они были огорожены, в загородке их держали. Сразу начались убийства. Убивали мужчин отдельно, а женщин отдельно. Кидали в яму. Выкопали одну яму около Днепра, а вторая яма для мужчин была в городе.

Один солдат Вася Божеленко сдался, и немцы его поставили к нашей хозяйке на квартиру, чтобы она его кормила. Она его не кормила. Мама его кормила, шкадавала (жалела). Были у

Дорога к месту расстрела евреев Быхова

нас еще капуста, огурцы, что на зиму ставили. Этот солдатик влюбился в меня. Он меня хотел увести, а я говорила, что куда бы я ни пошла, немцы найдут.

Потом стали забирать в гетто. Напротив нас жила полячка Юзя (Юзефа). Она работала в полиции, говорила, где кто еврей. Всех нас стали забирать, чтобы бросать в яму. Убивал нас русский полицай и немец был. Одна девочка утекла, так пуля ее настигла. Родители погибли в 1941 в яме. Я уже это не видела, мне рассказывали.

Когда нас забрали в гетто, я сказала немцу-охраннику, что мне надо сходить покормить дочь и вернуться, и он отпустил. Тогда я с Васей ушла из города. Очень много людей шло на Украину, и мы пошли с ними вместе. Никто не узнал, что я еврейка. Я была не похожа на еврейку. Шли около двух недель, по лесу, по ржи. Голодали. Вася грязный, грубый, во вшах, грозил, что выдаст, если не буду с ним жить.

Муся Красная, Быхов, конец 1930-х гг.

Пришли в украинский поселок Ворошиловской области к бабке. Там еще немцев не было. Я сказала ему, чтобы он сначала сходил в село к маме, рассказал, кто я ему, а потом вернулся ко мне. Он пошел. Надо было перейти кладку через речку. Он пошел через реку и назад не пришел. Через 2 дня бабка, у которой я ждала Васю, сказала: «Сходи, узнай, почему Вася не пришел». Я пошла в деревню, нашла тот дом по бумажке,

которую Вася мне оставил. Дом был недалеко от реки и кладки, через которую переходили.

Я теперь все думаю, сдал бы он меня или не сдал? А вы как считаете? Думаю, что сдал бы. Он же сдал родину и меня бы запросто продал, но его сразу же расстреляли. Я пришла к его родителям, они сразу в плач. Сказали, что Васю расстреляли за то, что он сдался в плен, посчитали предателем.

Мать Васи меня не оставила, сказала, что отца нет, а без него она меня брать к себе не будет. Там были еще брат Васи Володя и сестра Мария.

Утром раненько к бабке, где я ждала, прибежали Володя с Марией и забрали меня от бабки. Бабку одну в поселке оставили. Приняли меня родители Васи, как невестку.

Я сразу попросилась работать в воинскую часть. Меня взяли секретарем. А на следующий день прихожу, а там уже немцы. Я была очень фигурная, и немец один все гонялся за мной. Мне было 20 лет.

Родители Васи не знали, что я еврейка, я и теперь не хочу, чтобы они знали, что я еврейка. Пришли немцы, забрали меня, Марию и всю молодежь в машину и повезли в Германию. Привезли нас, выбросили из машины. Мы уже были предназначены на продажу. Марию Божеленко продали бауэру, а меня — на авиазавод. Соединяла шурупами крылья с основанием самолета.

Нас не били, не ругали, хорошо с нами обращались. Правда, однажды в первом блюде заметила в тарелке плавающие ножки лягушек. Меня стало рвать. Подбежал надсмотрщик и избил плеткой. С тех пор первое блюдо не ела.

При наступлении советских войск завод перевели в Бремен. Освободили американские негры.

Нас отпустили. Я шла по улице, подошла к американскому солдату-негру (он стоял на посту) и попросила выбрать для себя что-то из одежды в магазине. Он разрешил. Взяла только велюровое красное платье и черные лаковые туфли. Американцы рекомендовали идти вдоль Эльбы вверх до встречи с советскими частями. Вернулась домой.

Я приехала домой в Быхов. Звали меня тогда Краснова Мария Марковна. Дома только могилы. Сказали, что приезжал мой довоенный жених, летчик Леонид, но ему сказали, что меня увели в гетто. Следы потеряны. В Быхове голодала. Подруга дала одну вареную свеклу и питалась ею трое суток. Боялась, что будут претензии, что работала в Германии, что осталась жива, что еврейка.

Кругляница Ольга Ивановна, 1939 г. р.

Мама Акулина была родом из Киевской области, переехала в Быховский район с двумя младшими сестрами во время большого голода. Сначала мама приезжала сюда менять на вещи, покупать хлеб, а потом и совсем перебралась. Она вышла замуж за старика, чтобы иметь жилье и как-то выжить.

Когда пришли немцы, они расселились по квартирам. У нас на квартире тоже жил офицер. Он сажал на одно колено меня, на второе — Валю, дочку маминой сестры Евдокии, 1938 г. р., доставал фотографию своих детей, давал нам бутерброды с маслом и плакал. Офицер говорил маме, что у него дома тоже два «киндера» осталось.

Из Ямного приходили партизаны. Партизаны эти приходили как бы в гости вместе с мальчиком, мама с тетей накрывали на стол и, когда немца не было, включали радиоприемник и слу-

шали московское радио. Как-то зашел немец, отозвал маму и сказал: «Матка, Москва — не гут! Берлин — гут!» После этого мальчик на улице караулил. Как только видел немца, предупреждал, и приемник сразу переключали на Берлин и пересаживались за стол. Мама как-то достала три немецкие шинели, надела их на себя и отнесла партизанам.

Мужа матери забрали на работы в лесу в Белыничи. Когда им сказали, что можно уходить, они пешком пошли домой. По дороге то ли партизаны, то ли кто еще раздели их до кальсон. Так они и пришли голыми.

Потом семьи стали отправлять в Германию эшелонами. Нас тоже посадили в поезд. Довезли до Лиды, а там партизаны этот эшелон отбили. Это я уже помню сама. Помню, как зависали в небе ракеты, от которых становилось ночью светло. Бомбили, люди разбегались в разные стороны. Местность была незнакомая, поэтому получилось, что мамины сестры разделились. Мама со мной и ее сестра Евдокия с дочкой Валей остались в партизанской Лиде.

Мама работала посудомойкой в столовой. Ей дали комнатку. Евдокия пошла в сапожную мастерскую, научилась там ремеслу и стала работать сапожником. Встретила там сапожника, вышла замуж, родился мальчик.

А третья сестра с толпой людей дошла до Минска. Там она работала на стройке, встретила хорошего человека, вышла замуж, родился мальчик. Мужчину этого поймали и за что-то расстреляли — то ли немцы, то ли полицаи, то ли партизаны.

В Лиде, еще во время войны, мама как-то встретила на улице колонну пленных немцев. Один из них отдал маме фотографию своей семьи: жена,

муж, дочка. А мама отдала немцу булку хлеба. Жалко его было, война кончается, а он помирает от голода. Эта фотография у нас где-то до сих пор хранится.

Лукиных Валентин Дмитриевич, 1932 г. р.

Фамилия родителей мамы, Клавдии Дмитриевны, — Кохельники. У дедушки было 10 десятин земли и 8 детей. Его после революции били: «Дай золото!», бабушку били: «Дай серебро!» Мама училась в Быховской гимназии и до войны работала кем-то вроде землемера. Мамин брат Андрей был поручиком. Его семью в Одессе расстреляли. Во время войны он попал в плен. Выжил, вернулся после войны. Второй брат Лука, офицер, работал на стройке в Омске. В 30-х годах его арестовали и посадили на 10 лет. Вернулся, как Сталин умер. Дряхлый совсем был. За что посадили? За то, что спел песню:

«Гоп-гречаники,
Все жиды — начальники,
Украинцы — лохмаки,
Белорусы — не дураки».

За это дали 10 лет.

Третий мамин брат, Василий, был начальником районо в Москве.

Папа, Дмитрий Лукиных, был чалдон, сибиряк, из Сарапула Мордовской АССР, но он очень

боялся Сибири. Папа был военным связистом. Обучал в военной части молодых солдат как проводить кабель, с катушкой бегать.

Помню, как выкручивал с формы его значки, а он меня за это ругал. Папу мобилизовали в 1938 году. Поляков гонял. Потом привезли их часть в Бобруйск, обещали их, голодранцев, переодеть и отправить домой. Обманули. Посадили всех в вагоны и повезли на финскую войну. Там он погиб. Погиб за 7 часов до конца войны. Расстреливали их снайперы.

Маме назначили пенсию. Я был старшим, еще были младший брат Юра и сестра Валентина 1935 г. р. Потом мать записала меня помладше, чтобы пенсию дольше получать. Мать моя грамотная была, но язык был длинный. Маму хотели посадить после финской войны за то, что болтала.

Первое, что я запомнил, когда война началась, — как палили дома. Мы сидели в землянке: мама, я, брат, сестра, старенькая бабушка (мамина мама) и сосед Ведерников с семьей. Поджигали комсомольцы, коммунисты. Стреляли из ракетницы и

Старый мост через Днепр, по которому шли в свой последний путь евреи Быхова. Фото 1941—1942 гг.

поджигали дома. Наш дом затушили. Дом Ведерникова сожгли. Он сказал: «Хай, это наживное!» А другой соседский мужик выскочил с дрыном на этих комсомольцев, кричал: «Я столько горевал, а вы палить мой дом? Где я буду жить?!»

Потом бежали наши солдаты. Перекинули нам через забор свои трехлинейки. Куда ж они со штыком на немецкие танки пойдут? Мама все винтовки собрала и в ров, что около нашего дома был, зарыла.

У нас был огород. Корову, курей немцы забрали в начале войны. Мы с мамой сами вели на бойню корову, нашу кормилицу, и так плакали…

Перед тем, как пришли немцы, всех заставляли ходить копать противотанковые рвы между двумя болотами у дороги на Воронино. Мама не ходила — детей много. Потом в этих рвах евреев расстреливали.

На нашей улице тоже жили евреи. Богатые евреи, которые ходили в кагал, все в эвакуацию уехали. Это был секрет. Тогда же скажешь — пуля в лоб. Залман, Мотка, Гирша, Семен Каган, что после войны был директором завода, теперь уже, конечно, в Израиле. Хорошие были.

У нас на улице такая бедная женщина была — опилки для растопки ходила собирать. Ее с детьми в машину погрузили, в замок вывезли и потом расстреляли. Меня тоже хотели забрать, потому что волосы черные, но все кричали, что русский. Шел немец-комендант в белых перчатках, говорил: «Юда — капут».

Ну, они, евреи, конечно, плохое сделали. Они власть захватили. В магазинах продавцами кто был? Одни евреи.

В Сапежинке был еврейский колхоз, наверное, 50 семей, но ни один не уехал. Наверное, потому, что они были не в кагале.

В 1941 году к нам пришли из замка (в замке было еврейское гетто. — *Ред.*) врач и две медсестры. Они раньше мать лечили. У нее нервная система была расстроена. Мама собрала две сумочки морковки, картошки. Предлагала завести их в Неряж, к родне. Но они отказались. Заплакали и сказали, что «наша жизнь должна умереть». И пошли.

Всех евреев собрали в замке. Сначала они свободно ходили, потом уже охранять стали. Их там не кормили. Они бродили, просили еды. Потом появились полицейские.

Гнали евреев в декабре, в мороз. Полицаи выгоняли всех из домов смотреть. Мы с бабушкой и мамой ходили смотреть, как их немцы гнали. Всех расстреляли во рву.

У нас на улице был хороший полицейский, Яковенко. Благодаря ему мы не попали в Германию.

Преображенская церковь в Быхове. Фото 1941 г.

Яковенко был начальником полиции, а хохол был его помощником. Он плохой был. Всех евреев побил. Немцы-то — что понимали? Это предатели на всех показывали. Потом им по 25 лет дали, а потом они вернулись. Теперь уже все умерли.

В начале войны мама взяла к нам в дом мужика из военнопленных. У него что-то с ногами было. На бывшем аэродроме, там, где теперь стадион, был лагерь. Аэропорт у нас строили зэки, перед войной их увезли. Было много солдатиков. Они там стояли, бедненькие, руки тянули. А немцы по рукам плеткой били. Мужик этот нехороший был, не работал, пил все подряд, а как война кончилась, сбежал от нас. Осталась у мамы еще дочка.

Власовцы были в советской форме, на конях. Самогонку пили, баб комячили. Мы не понимали сразу, кто они такие. Не знали же, что Власов армию сдал.

В начале оккупации открылась школа. Я пошел учиться. Там раздали буквари, и мы должны были вычеркивать все слова про Сталина, Ленина, Советскую власть, колхозы. Так все и зачеркнули. Мама сказала, чтобы я больше не ходил, что в азбуке больше ничего не осталось и это не учеба.

Ходил по городу немец с палкой и всех детей бил. Очень мы его боялись.

В 1942 году немцы заставили наших пленных солдат копать траншеи для обороны. Я так поддерживаю Сталина в том, что он пленных не признавал.

Перед отступлением немцы заминировали все дороги. Наши разведчики искали брод на Днепре,

но найти не могли, пока не пришли партизаны и не показали мелкое место в районе Дубков.

Боя у нас не было. В 1944-м как налетят наши самолеты, да так бомбят! Разбомбили мост.

Тихо стало. Мы вылезли из землянки, видим солдата в плащ-палатке. Он спросил, нет ли немцев, а немцев уже не было.

В начале 1950-х я служил в Польше, на даче Паулюса. Поляки нас тогда оккупантами называли. А какой я оккупант?

Матруненко (Шершнева) Мария Никифоровна, 1936 г. р.

Хоть мне только 5 годов было, я многое помню. Мама и папа работали в колхозе. Мы жили в деревне Борки. Сейчас там лес — это чернобыльская зона.

Помню, как в начале войны в нашу деревню прорвались 4 советских танка. Один разбили прямо у въезда. Три проскочило. Проехали мост. Два танка поехали на шлях. Второй танк разбили в начале поселка, третий — на дороге, а четвертый поехал по огородам. А у нас на огородах между маминым участком и участком соседа была выкопана землянка. Там сидела наша семья: мама, сестра, 1933 г. р., я и сестра соседа с детьми. Танк проехал прямо по сыну соседки и убил мальчика. Этот танк разбили где-то по дороге к Славгороду.

Потом приехали немцы с обозом. Жили они в палатках на улице. Тепло, лето. У нас была большая хата с печкой. На этой печке немцы варили

фасоль. Так разжигали жарко, все прямо пыхало. Мама боялась, что они пожар устроят. Она пошла к начальнику: «Пан, дом сгорит!», и варить перестали. А за домом на участке была посеяна конопля, так они в эту коноплю в туалет ходили. Всю загадили.

Наш отец с братом пошли на фронт по первой мобилизации. Они оба вернулись, но раненые. Дядька был командиром. Его ранили в легкие, подлечили, опять на фронт отправили. Отец был ранен в живот. Он вскоре после войны умер. Сосед, сын которого погиб под танком, убит на фронте.

У нас был партизанский район. Стояла 13-я партизанская бригада. Помню, как какой-то партизанский начальник лихо перепрыгивал на лошади через бревна, что лежали во дворе маминой сестры.

Мария Никифоровна Матруненко, 1950 г.

Во время блокады партизан в Грабщине немцы сожгли много семей. Сжигали заживо. У нас в деревне так убили семью Деповых за связь с партизанами. Положили дрова, на них сверху привязали людей, потом еще один слой людей и бревен. Я это сама видела, делалось все на виду. Сжигали и полицейские, и немцы. В Радьковской Слободе сожгли семью и в других соседних деревнях тоже много людей

попалили. Если на чердаке мужчин находили, то расстреливали.

Девять месяцев партизаны держали блокаду. Почти все это время нам приходилось прятаться в лесу. Летом — комары, зимой — холод. Людей ловили, чтобы отправлять в Германию или чтобы убить за связь с партизанами. Недалеко от нас был такой небольшой курган, его называли Дудовца, Дудовка. На Дудовце могила сразу трех семей. Эти семьи прятались летом ночью от облавы. Разожгли костер, чтобы согреться и сварить то, что удалось достать. Как налетели самолеты, заметили огонь и сбросили снаряд. Все, кто там прятался, сразу погибли, всех накрыло. После этого мы костры в лесу не разжигали. Ели растолченное пшено и просо сырыми.

Днем были облавы. Полицаи и немцы ходили цепями навстречу друг другу. Ходили без собак. Прятался от облав в лесу целый поселок, много людей. Были выкопаны землянки. Мы там сидели, как стемнеет, ночью спали. А днем ходили к выгоревшему лесу, где были такие купинки с травой среди воды. Мама сажала нас на свой овечий тулуп, и мы сидели и осенью, и зимой на снегу.

Партизан мы, дети, в лесу не видели, а взрослые — не знаю. Как-то мама пошла из леса в нашу деревню что-то взять из хаты и увидела, что там немцы. Она ушла и спряталась на Дудовке. Два дня там сидела, а мы ее ждали.

Перед зимой немцы всю нашу деревню сожгли. Большая была деревня. Остались только две бани, что в стороне стояли. Мы все остались жить в лесу всю зиму до самого марта. Холодно было, ушли из дома еще летом, а вся теплая одежда в домах сгорела.

Кто-то сказал, что в лесном поселочке Мамачин в Давыдовском болоте перед Красницей нет людей. Пошли туда. Только пришли в поселок, как к обеду приехали немцы. Некоторые женщины стали уже им варить, а мы дождались вечера, и как стемнело, тихонечко пошли по шляху на Слободу. Нас было три или четыре семьи с детьми: мы, семья маминой сестры и еще две (Мамачин и Красницу немцы потом тоже сожгли).

Шли по лесу и увидели, как кто-то тянет по лесу телефонный провод. Сестричка моя побежала вперед. Наши женщины ее останавливали: «Может, это немцы?» А она кричала, что это наши. Увидели нашего солдата — и тут уже обнимались и миловались, плакали и радовались. Мама и сестра с остальными семьями сели на солдатскую подводу. А я отстала и осталась в лесу. Потеряли меня. Доехали они до Лопатичей Чаусского района, а потом вернулись в Слободу и там меня нашли.

После войны мы вернулись в свою сожженную деревню. Мама со своей двоюродной сестрой выкопали землянку, закатили несгоревшие бревна. Но пожить там не успели, начали отступать немцы и нас оттуда вновь выгнали на несколько месяцев.

Когда уже после войны вернулся отец, тогда начали строиться.

В нашей деревне после войны один полицейский прятался дома то на чердаке, то в подвале 20 лет. Никто из односельчан об этом не знал. Когда подросли дочери и стали к ним приходить парни, полицая обнаружили. Он пытался бежать на болота. Но мужчина, который жил на краю деревни, увидел его и сказал: «Хватит, наховался». Судить его не стали, сказали, что свое уже отсидел.

Меншагин Георгий Дмитриевич (1924—2010)
Воспоминания переданы родственниками

Я родился в городе Игумен (сейчас Червень Минской области) 9 апреля 1924 года, где проходил военную службу мой отец, Дмитрий Николаевич (освобождавший Беларусь в Гражданскую войну от белополяков). Мать, Елизавета Ивановна, коренная быховчанка, была грамотной женщиной. Она окончила гимназию и училась в консерватории.

Мои детские годы прошли в Быхове. Это были трудные времена. Только что закончилась Гражданская война. Страна начинала строительство новой жизни. Не хватало самого необходимого. Фабрики, заводы, сельское хозяйство были в упадке. Люди нуждались в жилье, одежде, продовольствии. Большинство, особенно на селе, были неграмотны. Документы — свидетельства о рождении и смерти — не были на руках у населения. Все записи находились в церковных книгах. Родители мои жили на улице Дорохова (тогда она называлась Рогачевская). Дом № 64 (или 62) находился на левой стороне улицы, если пройти речку Вильню и подняться на возвышенное место.

Рядом с нами (общий двор) жила семья Веры Анисимовны Килесо, которая была двоюродной сестрой Евгении Григорьевны Ждан — моей будущей жены. Обе они стали учительницами русского и белорусского языков.

На второй стороне улице, на перекрестке с улицей Сенной (теперь Солодышева), жила Ольга

Александровна Сафонова, также впоследствии учитель русского языка.

Все мы провели детство вместе. Играли в лапту, городки, ходили на рыбалку. Носили простую домотканую одежду, обуви почти не было. Как только сходил снег, все ходили босиком — и дети, и взрослые. Холода, кажется, не ощущали. Все дети были подвижные, «жвавые», соревновались в беготне и играх. А малыши — и мальчики, и девочки — одевались одинаково: в длинные рубахи без штанов. У нас были родственники в Киеве. Они нам присылали тапочки-балетки на резиновой подошве или сандалии.

Весной мы с ребятами ходили на разлив. Искали утиные гнезда, чтобы поживиться яйцами. Катались на лодках по Днепру и залитым водой просторам.

Первая страница воспоминаний Георгия Меншагина

Воспоминания учителя Меншагина Георгия Дмитриевича.

Я родился в городе Игумен (сейчас Червень Минской обл.) 9 апреля 1924 года, где проходил военную службу мой отец Дмитрий Николаевич (освободивший Беларусь в гражданскую войну от белополяков). Мать Елизавета Ивановна, коренная Быховчанка, была грамотной женщиной. Она окончила гимназию и училась в консерватории.

Мои детские годы прошли в Быхове. Это были трудные времена. Только что закончилась гражданская война. Страна начала строительство новой жизни. Не хватало самого необходимого; заводы, фабрики, сельское хозяйство были в упадке. Люди нуждались в земле, одежде, продовольствии. Большинство, особенно на селе, были неграмотны. Документы — свидетельства о рождении и смерти — не были на руках у населения. Все записи находились в церковных книгах.

Родители мои жили на улице Дорохова, тогда она называлась Рогачевская. Дом № 64 (или 62) находился

Конечно, приходилось нам участвовать и в сельхозработах. За магазином, что находился на середине улицы Дорохова, начиналось поле, разделенное на узкие и длинные (до самого леса) полосы. Я плакал, хотел в школу, а дед говорил: «Глупости, бульбу копай!»

В нашем краеведческом музее есть протокол собрания, из которого видно, что после установления Советской власти

состоялись выборы руководящих лиц. И первым начальником милиции и одновременно милиционером в единственном лице был выбран Иван Леонтьевич Килесо, мой дед по матери. Он и отец Веры Анисимовны были двоюродными братьями. Когда в войну наш дом сгорел, дед отстроил дом на том же месте. Он умер в 1957 году.

В школу я пошел в 1931 году. Она находилась в построенном до революции здании церковно-приходской школы напротив Троицкой церкви у Днепровского (Куйбышевского) спуска. Это была школа № 3 или школа Поздняка (по фамилии директора). В Великую Отечественную войну это здание сгорело, на его месте построен барак, существующий и поныне.

Филиал школы № 3 размещался рядом с церковью на углу улиц Дорохова и Кирова. Помню, что на переменах мы часто прибегали в церковь, чтобы получить сладкое причастие. На вопрос священника каждый из нас отвечал: «Грешен, батюшка!»

Учебники и тетради в те времена были в дефиците, приходилось писать на газетах между строк.

Последняя страница воспоминаний Георгия Меншагина

мимо надо мной и говорит: „Посмотрите, он же наш до мозга костей!" И отправили меня на все четыре стороны. Вслед я услышал: „Ты домо будешь помнить меня, смершевца!"

Но в Советский Союз я вернулся только в 1947 году, прослужив два года в советской воинской части в качестве вольнонаемного.

Декабрь 2009 – январь 2010 г.

Парта была высокая, с дубовой крышкой, за ней помещались 4 человека. У малышей только носы и макушки торчали из-за парты. Девочки были старше мальчиков на 4—5 лет. После 7 классов им исполнялось 20 лет и они сразу выходили замуж. Вечером в школе собирались взрослые учиться грамоте (так называемый «ликбез»). Занятия вели опытные учителя. Многие из них до революции были преподавателями гимназии. Например, Александр Алексеевич Цыбульский (Цыбулькин), учитель рисования, в женской гимназии он учил мою мать. Сын его, Александр Александрович Цыбульский, тоже был учителем рисования, мы с ним вместе работали в средней школе № 3 с 1962 года до пенсии.

Несмотря на трудности, детские годы вспоминаются, как счастливые и веселые. Мальчишки и хулиганили, и пропускали уроки. Было много друзей всех национальностей.

Быхов вообще был многонациональным городом. Об этом говорит и тот факт, что на райисполкомовской печати надписи были на четырех языках: русском, белорусском, еврейском и польском.

Сохранившееся здание быховской синагоги XVII в.

В нашем классе был Муля — сын богатых евреев. Мама давала с собой в школу Муле булку с маслом. Как только на переменке он доставал свой завтрак, я подходил и говорил Муле: «Дружим!» Тот поднимал глаза на

меня, более высокого и сильного, и делил свою булку пополам. Тут же появлялись другие нахлебники — Князев, Сташкевич, Килесо, Федоров. И несчастному Муле приходилось делить остаток булки на малые кусочки.

Вспоминаю, что впоследствии отцов этих четырех ребят репрессировали.

Был у меня друг, Анатолий Каскевич, старше меня на 4 года, большой авторитет, предводитель нашей компании. Я даже девчонок к нему ревновал. Анатолий до войны окончил Ленинградское военно-морское училище, был отправлен на Дальний Восток. Дослужился до капитана 1-го ранга и ушел в отставку.

Некоторое время я ничего не знал о друге. В 1948 году по пути в Магадан (а в поезде надо было ехать 14 суток!) я разговорился с одним морским офицером, рассказал о своем друге. Как тесен мир! Оказалось, мой попутчик знал Анатолия Филипповича Каскевича. И тогда, совершая пересадку в одном дальневосточном городе, я встретился с Анатолием. Он не сразу узнал меня. Я спросил: «Есть ли у тебя старые фотографии?» И показал себя на одной из них. Замечательная была встреча. Дальше я отправился в Магадан на пароходе «Феликс Дзержинский» через Находку на прииски.

Строения быховского замка, куда были согнаны евреи Быхова перед уничтожением

В Быхове до Великой Отечественной войны было 50% евреев (или даже больше). Жили они

богаче остальных, так как занимались коммерцией. У них всегда были сахар, хлеб. Все другие не могли торговать, они выращивали такую же сельхозпродукцию, как все остальные, поэтому продать ее было некому. А евреи ездили в другие края, привозили разные товары и торговали. У них всегда водились деньги.

Вспоминаю, что на углу Рогачевской и Сенной жил еврей по имени Лейба, имел лавку, торговал дегтем, пивом, сахаром и другими товарами. Если мимо него проезжал крестьянин на своей лошаденке, Лейба брал под узцы лошадь и подводил к своей лавке. Говорил: «Слушай, я знаю твоего отца, он — хороший человек, и ты — хороший человек. Возьми у меня товар». Бедный крестьянин говорил: «Чем же я тебе заплачу? У меня нет денег». А Лейба: «Ничего, бери так, я тебе верю. Заплатишь, когда сможешь». Крестьянин возвращался домой и мучился вопросом, как вернуть долг. Приходилось отдавать его Лейбе курами, гусями, разными продуктами.

Все парни до войны проходили военную подготовку через Осоавиахим. Проводились учения, кроссы по 3 километра, метания гранат, то есть курс молодого бойца. Я в армии не служил, но был здоровым, физически крепким. Также я состоял в Осводе (обществе спасения на водах), а перед войной был начальником этой организации. На лодке «Спасатель» мы дежурили в районе пляжа по всему Днепру у города. На память осталась даже довоенная (1939 года) фотография, где мы с друзьями и двумя девчатами сидим в этой лодке. Как спасатель, я был представлен к вознаграждению.

До войны в Быхове работало несколько школ. Из них на русском языке были только

средняя школа № 2 и железнодорожная школа. Управление Гомельской железной дороги готовило себе кадры. Школа № 2 располагалась в длинном одноэтажном здании, где сейчас находится РОО. А рядом были дома для проживания железнодорожников. Один из домов был там, где теперь привокзальный сквер с липами. По другую сторону от мельницы, в переулке, где сейчас базарчик, стояло деревянное здание с крыльцом, в нем до войны было служебное помещение железной дороги, а после войны занимались начальные классы. Я хорошо знаю учителя труда железнодорожной школы Владимира Солановича, ветерана Великой Отечественной войны.

Средняя школа № 1 сначала располагалась в бывшей до революции женской гимназии. Это двухэтажное кирпичное здание потом занимала организация ДОСААФ. До войны же школу № 1 перевели в длинное барачное здание — на этом месте после войны построили райисполком (перед ним стоит памятник Ленину). В школе № 1 учился с 6 по 10 класс Виктор Кириллович Верховцов (был директором СШ № 3 с 1969 по 1979 год). После войны школа № 1 опять вернулась в здание бывшей женской гимназии.

Средняя школа № 2, школа Ермака (по фамилии директора), находилась перед нынешним Центром культуры. Через место, где была школа, сейчас идет проезжая часть улицы Ленина, за ней — возвышенность за сквером. Улица Ленина до войны называлась вокзальной и проходила ближе к Центру культуры, вернее, к песчаной горе, что была на месте Дома культуры, построенного в начале 70-х годов.

Вокзальная улица называется так потому, что связывает центр города (Сенную площадь) с вокзалом (железная дорога была открыта в 1902 году). О школе № 3 я уже рассказал, это была школа Поздняка напротив Троицкой церкви у Днепровского спуска, ведущего к старому мосту. Выезд со стороны Могилева по старому мосту шел через браму (ворота) у Троицкой церкви. У школы № 3 заканчивалась Рогачевская улица, начиналась Сенная площадь. Это была огромная торговая площадь с магазинами. Еще одна улица шла через нынешний городской стадион, продолжалась между синагогой и электростанцией (впоследствии это ресторан «Днепр», затем кафе «Ясень») и переходила в улицу Селецкую (Советскую).

Между Сенной площадью и замком стояла пятикупольная церковь Преображения. В войну в церкви был склад соли. Здание церкви уничтожили в Великую Отечественную войну. Недалеко от этого места был поставлен и освящен крест.

До войны была еще небольшая каменная церковь Георгия Победоносца рядом с каменной церковью. Там теперь двор КГБ. Ее снесли после

Немецкие танки на улицах Быхова. Фото 1941 г.

войны, так как хотели сделать прямой въезд от Днепровского моста в город. В Троицком храме имеются сохранившиеся иконы разрушенной церкви: Георгия Победоносца и Божьей Матери.

Школа № 4 была там, где до революции размещалась мужская гимназия, в наше время — приют «Незабудочка». Теперь это историческое кирпичное здание передают краеведческому музею. Еще в Быхове существовала еврейская начальная школа, она находилась в Молочном переулке. Это тот переулок, что за парком у почты (от улицы Пролетарской до улицы Куйбышева).

Я окончил 10 классов средней школы № 2 в 1941 году. Моими одноклассниками были Вера Анисимовна Килесо (стала учительницей белорусского языка), Вера Ивановна Костюкевич (учитель русского языка), Дора Мироновна Гехт (учитель немецкого языка), также Михаил Певзнер, Каган, Вера Кирилловна Приборец, Мария Николаевна Шинкевич, Евгения Захаровна Курцова, Семен Соломонович Крючковский, Серафима Осиповна Ивашко, Василий Иванович Божков.

На следующий день после выпускного бала мы узнали страшную весть о начале войны.

Вид на Быхов и замок со стороны Днепра. Фото 1941 г.

Перед самой войной в райисполкоме было совещание, на котором присутствовал и я, будучи начальником ОСВОДа. Нам дали указания, как надо действовать в случае вступления немцев в Быхов. Как и куда эвакуировать население и предприятия, как вести оборону, уничтожать стратегические объекты, чтобы они не достались врагу. Склады нужно было перевести в Дедово. Тот, кто останется на оккупированной территории, должен внедриться в систему власти немцев, вести разведывательную работу и результаты докладывать Красной армии. Сташкевичу нужно было внедриться в полицию. И он в начале войны стал начальником полиции. Во время его правления массовых расправ не было, он умел сгладить обстановку, за что подозрительные немцы его потом и расстреляли. Я лично знал Сташкевича, дружил с его сыном. Помню, Сташкевич жил на нынешней улице Француза (между улицей Никитской и улицей Подоляна, до войны называлась Мокрянская).

И вот прошло более недели от начала войны. Фашисты теснили Красную армию у Бобруйска, где шли кровопролитные бои. Оттуда через Быхов шло много беженцев.

Однажды, около 9 часов утра, я шел от своей станции ОСВОДа вверх по Днепровскому спуску, чтобы купить папирос. Прошел мимо школы № 3, повернул около церкви к Сенной площади, где находились магазины. Вдруг увидел 4 немецких танка, движущихся к мосту через Днепр. Пехотинцев нигде не было видно. Танки повернули у школы № 3 на Днепровский спуск. Я же купил пачку папирос «Красная звезда» и стал думать, как вернуться к лодочной станции, чтобы

затопить лодки и уничтожить мелкокалиберные винтовки (по предписанию они не должны были достаться врагу). Вдруг в центре города начали рваться снаряды. Это со стороны Тайманово наши войска стреляли, пытаясь помешать фашистам. Но враги пришли как к себе домой, нагло и уверенно. Быхов был захвачен за 30 минут. От снарядов не пострадали только окраины — Сабиловка, Белая гора, Заюровцы (от Вильни и по улице Пушкина), а также железнодорожный вокзал.

Когда я приблизился к лодочной станции, то увидал, как средний пролет моста поднялся и рухнул в воду. Через несколько секунд я услышал звук взрыва. Мост взорвали подчиненные моего отца. Этот случилось часов в 10—11 утра. Взрыв был подготовлен заранее.

Один из немецких танков сгорел во дворе евреев, слева от моста. Там он простоял всю войну. Второй танк, что контролировал вокзальную улицу, был взорван на «Пяти углах». Третий расстрелян под Мокрым в лесу. Четвертый был уничтожен за колхозной фермой на улице Дорохова.

А случилось так: я возвращался с разведки по городу и встретил лейтенанта и солдата. Они стали спрашивать, как пройти к Днепру. Я повел их

Открытие памятника на месте одного из мест уничтожения евреев Быхова между Днепром и деревней Воронино в 2006 г.

через Вильню, через колхозный двор. Подходя к кладбищу, мы увидели: немец сидит на выступе люка танка и играет на губной гармошке. Тогда солдат берет у меня одну гранату, у лейтенанта вторую, связывает их и идет к танку. Взрыв. Тишина. Произошедшее видела со своего крыльца теща Цыбульского, потом она сама рассказывала.

Вместе с беженцами я пошел в сторону Славгорода (Пропойска в те времена). В деревне Прибор (сейчас Белыничский район Могилевской области) пришлось вплавь переправиться через Днепр. Над нами кружили немецкие самолеты. Они заняли Быховский аэродром. На аэродроме наши не оставили никакой техники. Все военные, их жены и дети были эвакуированы. Мне удалось дойти до Кричева. Но немцы, перемещавшиеся на мотоциклах и машинах, обогнали нас. Мы оказались в тылу захватчиков и вынуждены были вернуться обратно.

В августе 1941 года фашисты приступили к осуществлению планов Гитлера по уничтожению еврейского населения. Вывесили объявление: всем явиться в замок, а на спине каждого должна быть нашита желтая шестиконечная звезда Давида. Согнали несколько сотен евреев, не давали пищи. Женщин и детей отделили от мужчин. Если кто из женщин пытался удрать — расстреливали. Евгения Григорьевна Ждан, да и многие другие, рискуя жизнью, пытались носить еду несчастным узникам.

Первые жертвы были расстреляны возле замка и брошены в подвалы. Говорили, что под Днепром был древний ход, ведущий от замка к лесу. Ход будто шел от подвалов разрушенного косте-

ла, что был рядом со зданием бывшей женской гимназии. И в тот же ход бросали убитых.

Затем евреев вывозили за Днепр и расстреливали во рву справа от дороги, ведущей в Воронино. Всего погибло более 4 тысяч человек. С ними были убиты начальник НКВД Сурто и начальник полиции Сташкевич (не евреи). Убийства продолжались до октября.

Росло сопротивление народа фашистскому режиму. Организовывались партизанские отряды.

Я знал Николая Павловича Куракина, его семью. Они все ушли в партизаны. Дочь Валя была медсестрой, погибла от рук фашистов, когда они ворвались в избу, где лежала больная тифом Валя, и нашли пистолет у нее под подушкой. Ее сестра Клара (училась с Виктором Кирилловичем Верховцовым в одном классе) умерла от туберкулеза в 7 или 8 классе (в 1955 году).

Я же был в 1942 году угнан в Германию вместе со многими молодыми людьми. Попал на мелиоративные работы (осушение болот) в сельской местности, километрах в 40 от Берлина. Хозяину-капиталисту принадлежали замок и дом. Для нас был установлен режим. Кормили по норме: утром три картофелины размером с кулак. В обед получали отвар травы шпината. На ужин — обрат молока с мукой — жидкий кисель. Мы всегда хотели есть. Весной, когда расцвела акация, мы объели все цветы. На болоте ели аир.

Даже после войны я долго не мог насытиться хлебом. Мог за один раз съесть целую буханку.

Немец-хозяин заставлял нас работать с утра до ночи. Если кто-то провинился, били всех подряд. Это был настоящий лагерный режим. Как ни странно, никто из нас не болел. А если кто-нибудь

слабел от недоедания и тяжелой работы, его начинали побольше кормить, приводили в норму — и снова на каторгу.

Когда Берлин штурмовала Советская армия, мы хорошо слышали взрывы, гул боя, видели самолеты. Научились по выстрелам определять, кто стреляет: русские или немцы.

Когда нас освободили, несколько дней еще мы участвовали в боях, а затем поступил приказ всех бывших военнопленных пропустить через СМЕРШ. Мы должны были явиться на сборный пункт. И в течение полутора месяцев, обычно в полночь, нас вызывали на допрос, задавали одни и те же вопросы. Наконец, один из офицеров сжалился надо мной и говорит: «Посмотрите, он же наш до мозга костей!» И отправили меня на все четыре стороны. Вслед я услышал: «Ты дома будешь помнить меня, смершевца!» Но в Советский Союз я вернулся только в 1947 году, прослужив два года в Советской части в качестве вольнонаемного.

Декабрь 2009 — январь 2010 г.

Рудакова (Иванова) Эмилия Александровна, 1926 г.р.

Я родилась в Быхове. Отец, Александр Николаевич Иванов, у меня был белорус, а мама, Вера Ефимовна Кац — еврейка. Мама работала на ацетоновом заводе в Быхове. Перед самой войной она уехала в Могилев и меня забрала. Мама принимала участие в строительстве Дома Советов в Могилеве. Работала там, носила глину, кирпичи на носилках

по этажам. Кранов тогда не было. Она еще работала в НГЧ (дистанция гражданских сооружений в железнодорожном ведомстве, аналог ЖЭУ. – *Ред.*) в Могилеве.

Я окончила семь классов в быховской школе. Когда началась война, отца призвали в армию, и с войны он не вернулся. Маму отправили рыть окопы под Рогачев. Она меня взяла с собой. А когда доехали до Быхова, ее сестра сказала: «Куда ж ты ребенка везешь?» Так я осталась в Быхове с тетей. А мама с окопов в Быхов не вернулась, бежала на Урал (никакой эвакуации не было), где работала всю войну на военном заводе, изготавливала снаряды. Рассказывала, что иногда снаряд взрывался прямо в руках. Мама и на фронт эти снаряды возила.

28 июня 1941 года я была у подруги Абрамович (мы с ней учились) на Первомайской улице, хотела идти домой в район вокзала, а тут подожгли аэродром. Все в огне, навстречу мне бегут тысячи людей, и мирные люди, и солдаты, и заключенные,

Кац Вера Ефимовна, мама Эмилии Ивановой, среди выпускников курсов лаборантов ацетонного завода, Быхов, 1938 г.

которые там работали. Я плачу, хочу домой, а мне говорят: «Куда ты, девка, лезешь?! Все из города бегут». Меня толпой вынесло на мост, где образовалась пробка. Страшное количество людей было. Нас стали обстреливать три самолета. По ним стреляли наши зенитчики. Один самолет они сбили, и он полетел в сторону Следюков. Каким-то образом мне удалось из пробки выскочить. Все легли в траву, а я бегу по лугу. Мне кричат: «Ложись!», а я бегу — не могу остановиться. Такая испуганная была. Мимо моего уха пролетел осколок, такой красно-зеленый. И я тут же упала, где стояла, прямо в болото. Уже наступил вечер, кругом все шли, а я лежала, боялась встать. Потом я вышла на шоссе, мокрая и грязная. Кто-то накинул на меня какую-то подстилку. Кругом на лугу валялись вещи, побросали люди все, что несли. Такой страх был. Ночью мы шли, а день сидели, где были деревья: на кладбищах или в лесах, потому что днем стреляли. За первую ночь пробежали чуть ли не 60 км.

Эмилия Александровна Рудакова (сидит вторая слева) с коллективом учителей быховской школы №25, 1949 г.

Среди этой толпы было очень много заключенных, командовал которыми Шапиро. Он с семьей был. Я шла в этой толпе. Утром он обратил на меня внимание. Спрашивает: «На чем ты ехала?» Я говорю: «Я не ехала. Бежала со всеми». Мне даже не поверили. Не может быть, чтобы ребенок 60 км пробежал. А с кем я могла ехать? Бежала, как все. С ними я и продолжала идти. Там такая дисциплина была! У кого-то заканчивался срок заключения, к нему подходил Шапиро и говорил: «Срок закончился. Идите домой». А куда ж они пойдут? Так все вместе и шли. У них и котел был, с собой тащили. В нем что-то варили и организованно всех кормили.

Потом Шапиро сдал меня в Гжатске в эвакопункт, а заключенные пошли дальше. Нас помыли в бане, посадили на корабль и отправили вниз по реке. Я доплыла так до Горького. Здесь меня думали сдать в детдом, потом — в госпиталь, но посчитали, что я раненого не подниму. Определили в деревню Берендеевку Лысковского района. Кроме меня, было еще двое детей. Здесь мы работали и учились. Я приехала туда голая и босая. Дали мне какой-то жакет в колхозе, а вместо ваты лен положили. Очень тяжело было. Нас определили к одной бабушке, Фекле Громовой. Колхоз давал сколько-то муки и картошки. Этим и кормились сначала.

Занятия начались с 1 октября, после того как весь урожай убрали. Лозунг тогда такой был: «Не оставим в поле ни одного колоска!» Косить я не косила, только подгребала. А за нами шли дети, лет по пять, и подбирали оставшиеся колоски. Если были лунные ночи, работали и ночью. За лето зарабатывали 100 трудодней, на день давали 2,5 кг хлеба.

Колхоз держался на подростках и стариках, которые в армию не годились.

Здесь же я пошла учиться на курсы учителей в Лысково. Изучала историю и литературу. Всех принимали с 18 лет, а меня взяли как эвакуированную досрочно. Жила у хозяйки, все по дому делала, убиралась, корову доила. Что хозяйка давала, то и ела. После окончания курсов меня отправили на работу в Арзамасскую область. Я там успела только зиму отработать, когда война закончилась.

Я все бросила и засобиралась домой. Без приглашения, без разрешения. Шла пешком. Как-то меня и еще несколько человек подвозила военная машина. В каком-то месте она остановилась. Нам сказали сойти и погулять, пока машину починят. Когда мы вернулись, машина уже уехала, с нашими вещами уехала. Так до Быхова и добралась.

С 1 сентября стала работать в школе в деревне Ямное. Школы как таковой там не было.

Эмилия Александровна Рудакова с 4-м классом школы № 25, Быхов, 1948 г.

Она сгорела, а классы были по домам. Хозяева сидели на печке, пока уроки шли. Занимались в одежде. Дети были переростками, еще постарше меня некоторые, на голову выше. Но мы как-то все очень дружные были, радовались уже тому, что живы остались. Преподавала я и историю, и географию, и ботанику. Учителей же не было. Еще ходила по деревням, организовывала комсомольские ячейки.

Жила в Быхове. В Ямное пешком ходила. Приютила меня Мария Ладнова, моя родня по матери, дочка двоюродной сестры моей мамы. Мы с ней почти ровесницы были. У нее, как и у меня, отец был русским, а мать еврейкой. Ее семью не забрали вместе со всеми евреями, потому что отец был русским. Мать ее прятали, и, между прочим, помогали в этом немцы, которые у нее квартировали. А пряталась она от полицаев. Забрали ее полицаи в середине войны. И детей тоже: Полину, Аню и Владимира. Отца их, Степана, не схватили, но мальчик закричал: «Папа!» и тот побежал за машиной. Тогда машину остановили, и его тоже забрали. Марии дома тогда не было. Ее подруга предупредила, чтобы она домой

Мария Адинец (Ладнова), Быхов, 1950-е гг.

не шла. Ее спасли Домациевские, у которых она пряталась некоторое время, а потом ушла в партизаны, где была в отряде вместе с Машеровым. Было это, конечно, не так просто. Долго ходила по деревням. В одной семье ее оставили у себя. Связаться с партизанами ей долго не удавалось, а когда получилось, ее сразу не брали. Задания давались: что-то узнать, что-то разведать... Потом к ней привязался один полицай. Говорил, что всех евреев уничтожили, только она и осталась. Мария говорила, что она не еврейка (она действительно на еврейку похожа не была), но полицай отвечал, что если хоть капля еврейской крови есть, он узнает. Он все приставал к ней, просил связать с партизанами. Она обратилась через связную к партизанам за советом, что ей делать. Ей сказали предложить этому полицаю собирать оружие, пока с партизанами будет возможность связаться. И он действительно стал приносить ей оружие: винтовки, автоматы, которые прятали в подпол. Но потом он не вернулся с какого-то задания, погиб. Кто он был, так и осталось неизвестным.

После войны она вернулась в Быхов. Ее Машеров оставлял в Минске, но она не хотела бросать родные стены. Ведь в Быхове мало домов сохранилось, центр весь выгорел. Но у ее дома стены остались, так военные ей дом восстановили. Она окончила техникум и работала заведующей столовой.

У нее не я одна жила, все, кто в Быхов возвращались, у нее останавливались. Она всех принимала, всем место находилось: кто в сарае ночевал, кто дома на полу.

Семенов Виктор Трофимович, 1934 г. р.

Я родился в Сапежинке. До революции сапежинские евреи жили бедно, хотя земли имели немало. Землю приехавшие из Галиции евреи выкупили у князя Сапеги. От дворца Сапеги, некогда жившего здесь, почти ничего не осталось, только возле моего дома от княжеского винного погреба осталась большая яма.

Евреи молились Богу, чтобы не ударила молния, и сколько мы живем, никогда ни молний, ни пожаров не было. Даже во время войны, когда в еврейский дом попал снаряд, пробивший крышу и потолок, ни взрыва, ни пожара не было. Такая была у евреев сила молитвы!

Когда шли французы, евреев было много, а христиан почти не было. Потом евреи стали сдавать в аренду и продавать землю крестьянам.

Место было красивое, богатое. За полем начинался лес с грибами и ягодами. Было много яблок, очень вкусные груши. Варили варенье. Сейчас старинных садов уже не осталось. В деревне был хедер. Меламед бил детей линейкой. В школе все учителя были евреями. По всей деревне росли липы, оставшиеся еще со времен Сапеги. Неподалеку был частный еврейский кирпичный завод с немецкой печкой Гофмана, национализированный после революции, где работало много евреев. Директором его был Михаил Захарович Урин. Завод давно закрыт, он стал убыточным. Возле каждого дома были огороды. Очень много было голубятников.

Дома у евреев после революции были большие, добротные. Почти в любом доме были глубокие ванны, бань у евреев не было. Воду грели на печке. Одевались евреи так же, как и мы. На всех дверях были прибиты коробочки с молитвами.

Только набожные старики молились в ермолках, а на голову накидывали балахончик. Старики всегда носили шапки, а женщины — платки. Молодежь по-всякому бегала, да и молилась не очень. У евреев были свои музыкальные инструменты: скрипка, духовые, что-то вроде балалайки. Играли на свадьбе. Главным праздником была Пасха. Вина пили очень мало и своего не делали.

На речке Мокрянке стояла водяная мельница, построенная еще до революции. Номеров на домах не было, все знали друг друга по имени. Уже в конце 30-х годов в синагоге открыли магазин. Работала там Ципа Узилевская. Ее отец Ицка был кузнецом.

Председателем колхоза был Перец Марголин. В Сапежинке было 3 кузницы, смолокурня. Хорошие сапожники, портные, кузнецы очень ценились и жили неплохо. Самым богатым был Гамшей, весь род его был богатым.

Дом, где размещалась еврейская школа-хедер, сохранился в центре Сапежинки

Помню похороны сапожника Бэрки. Бэрку везли на кладбище на подводе через всю деревню в ящике, выкрашенном в черный цвет. Следом шло много людей — кто молился, кто плакал. Помню, как осенью на огородах строили кущи. Строили буквально все, там и ели, и спали. Танцев и веселья я не видел. Молились много. Резниками были Кролики. Очень много и вкусно готовили. Мяса готовили мало, в основном птицу и овощи.

Жили очень дружно, но со второй половины 20-х годов молодежь стала уезжать учиться в Ленинград, Могилев, Запорожье, Минск. А перед войной евреи стали продавать дома и уезжать в города.

После закрытия синагоги евреи молились у моего соседа Нахмана. Хорошо помню, как он пек мацу каждую весну. Нас приглашали в дом и обязательно угощали тонкими, очень вкусными листиками мацы. Жили Брилоны, Перцевы, Дрибинские, Узилевские, Двоскины, Урины.

Старая еврейская лавка в Сапежинке

Мой дедушка Мина купил дом у Рувена.

Я помню, где стояли дома кузнеца Ицки, который работал в магазине и на кузне, сапожника Бэрки Дрибинского, семьи Янкеля и Годы, старика Гильки с дочерью Ривой, стариков Хаима и Сорки, которые жили с душевнобольным сыном.

Осенью был день, когда дома у соседа собирались в основном мужчины на молитву. Они молились всю ночь (это было в Йом-Кипур). Говорили, что якобы в этот день, в полночь, когда евреи усиленно молятся Б-гу, приходит нечистый и забирает одного еврейского мужчину и одну женщину. На эту ночь евреи нанимали для охраны за бутылку водки местного вора и пьяницу Семена Рудковского. Во время войны Семен выдавал немцам детей от смешанных браков. Немцы-то не знали, что у светленьких малышей мама или папа еврей.

Сапежинский кузнец Залман-Иче Шоломович Брилон, 1987 г. р., погиб в Сапежинке 13 августа 1941 г.

Нахман был очень грамотным человеком и считался местным раввином, а самой авторитетной женщиной, к которой обращались за советом, была Йоха Дрибинская. Помню, как Нахман и другие мужчины наматывали на руки и лоб кожаные ленточки и молились, повернувшись к дверям. Нам это было удивительно, мы-то молились, глядя на иконы.

До войны были смешанные семьи. Дочь резника Кролика была замужем за

русским летчиком. Он приезжал после освобождения в 1944 году, искал погибшую семью и очень ругался: дома остались, а людей не было.

Я был малым, но помню, как немцы-каратели с полицией собирали евреев сапежинских, мокрянских, седитских, быховских — всех: и взрослых, и детей, стариков, здоровых и больных, совсем малых и немощных. Немцы запомнились мне как рослые парни в зеленой военной форме, в касках, со страшными звериными лицами.

Это было 19 августа, на Спас, мы с мамой шли из церкви и вдруг увидели оцепление. Нас пропустили. Увидели, что всех мужчин собрали вместе. Взрослые мужчины, старики, молодежь лет от 14—15 сидели на корточках, подниматься им не разрешали. Стоял гомон, такой невнятный шум — это евреи хором молились, понимая, что вырваться уже невозможно и их ждет смерть. На поле к месту расстрела их везли на машинах, в кузовах-будках.

В тот день из сапежинских евреев остались в живых только женщины и маленькие дети. Нас всех трясло. В людей стреляли из пулемета!

Оставшиеся в живых жили в двух больших хатах — старого набожного Нахмана Брилона, который наизусть знал все Святое Писание, и Гамшея Узилевского. Я хорошо помню старика Нахмана. Нахман был очень образованным, набожным, начитанным стариком. Дома у него было очень много святых книг, часто собирались евреи, молились, справляли Пасху. Наверное, он был у них за раввина. Нахман дружил с моей мамой, часто рассказывал ей о еврейской истории, а я слушал тоже.

В том же году в декабре женщин и детей увезли на расстрел. Тогда, когда забирали евреев Быхова, забрали евреев сапежинских и мокрянских.

Сажали людей и малых, и старых, больных кидали на подводы и везли в замок, в гетто.

Немцы вещи не брали. Грабили свои: сапежинские, быховские, мокрянские. Бог знает, что тут творилось. Растащили абсолютно все. Много было одежды, обуви, вещи были хорошие. После войны у одного местного полицая, агента гестапо Мишки Питера с улицы Мирной, нашли еврейские вещи.

Дом Нахмана в 1944 году разобрала военная часть и из бревен сложила пекарню. Дом Узилевского, родственника Гамшея, перевезли в Баркалабово и сделали детский дом.

Полицая нашего после войны судили, но никто не пошел в свидетели.

На нашей улице жила Пелагея Романовна Сташкевич. До войны она работала на ферме вместе с Брилонами, матерью и дочкой. Мать была дояркой, дочь, Хена Брилон, заведующей фермой. Мужа Хены Хаима уже расстреляли. Когда евреев стали забирать, Пелагея спрятала в подвале свою соседку и подругу Хену с ребенком. К тому времени уже был страшный приказ о том, что тех, кто помогает скрываться евреям, ждет расстрел. У Пелагеи Романовны было трое маленьких детей, четырех лет, шести лет и

Памятник на еврейском кладбище Быхова, куда были перезахоронены уничтоженные фашистами евреи-мужчины Быхова и Сапежинки

младенец 1940 года рождения. Зимой кто-то рассказал полицаям о том, что Сташкевич скрывает евреев. Пришли немцы. Хену с дочерью вытащили из подвала и увели на расстрел. А Пелагею с детьми поставили к стене, чтобы расстрелять. Спасло только вмешательство старосты Федоса Васильевича. Он сказал, что муж Пелагеи повез с немцами в обозе на телеге в Смоленск боеприпасы, и Пелагею с детьми отпустили.

Самым опасным человеком во время войны в Сапежинке был Гаврила. Для него предать человека было все равно, что раз плюнуть. Он был полицаем, потом воевал, но после войны его вместе со старостой и мокрянскими полицаями судили и дали всем по 10 лет. В тюрьме Гаврила умер.

В тот день, когда расстреливали евреев, Израиль Мендель вместе с белорусом Мандриком поехали по заданию немцев на телеге за древесным углем. Когда они возвращались, кто-то предупредил их, что мужчин-евреев повели расстреливать. Они свернули к Днепру, и Израиль спрятался в зарослях кустов. Там, в заросшей луке реки можно было скрываться долго. Дочь Менделя почти каждый день приносила ему еду. Но бывший лейтенант милиции Иван и его жена, жившие на окраине, заметили девочку и донесли немцам, где прячется беглец. Израиля расстреляли. Иван после освобождения был призван в армию, командовал взводом, погиб.

После войны евреев возвращались единицы: те, что были на фронте или уехавшие на учебу еще до войны. Памятник они не ставили. Оплакивали, оплакивали, оплакивали близких, всех проклинали. Вещи свои не искали. Домов еврейских еще оставалось много. Только несколько человек свои дома продали.

Шклов

1082 дня оккупации

Согласно переписи 1939 года в Шклове проживало 8058 человек, из них евреев 2132 или 26,7% от общего числа жителей.

11 июля 1941 года город был оккупирован 46-м моторизованным корпусом 2-й танковой группы Гудериана. Территория Шклова вошла в состав одной из частей Белоруссии, которая административно относилась к штабу тыла группы армий «Центр». Власть в городе принадлежала местной комендатуре, непосредственно подчинявшейся штабу 286-й охранной дивизии, дислоцировавшемуся в Орше.

За время оккупации в Шклове и Шкловском районе было убито 7505 человек.

Более 6500 шкловчан погибли на фронтах и в партизанских отрядах.

Евреев города и окрестностей, не успевших эвакуироваться, нацисты согнали в два гетто в Шклове и деревне Рыжковичи, и в скором времени практически всех уничтожили.

Шклов был освобожден 27 июня 1944 года войсками 33-й армии 2-го Белорусского фронта в ходе Могилевской операции.

Антонова Степанида Пантелеевна, 1928 г. р.

Я родилась в деревне Белыничского района в семье крестьянина. С детства, чтобы короче было и удобней, меня звали не Степанида, а Стеша.

Семья отца была большая: трое сыновей и дочка. Мой отец, Пантелей Антонов, был самым младшим в семье и умер раньше всех. В 1928 г. его призвали в армию. Там он с солдатами выгружал оружие. Тяжелый ящик с оружием упустили. Ящик должен был упасть на папиного товарища, но отец его подхватил и товарища уберег. От тяжести у отца лопнули сосуды. Теперь его, может быть, и спасли бы, а тогда три недели подержали в госпитале и отпустили. Через полтора года папа умер. Ему было только 26 лет.

Мама, Екатерина Никитична, еще через полгода вышла замуж за моего крестного отца Ивана Акимовича Филонова, который тогда тоже овдовел. Иван Акимович стал мне настоящим отцом. У меня даже язык не поворачивается назвать его отчимом.

Мама не разрешила меня удочерить, чтобы сохранить в память об отце его фамилию. Так что я не сменила фамилию, даже когда вышла замуж, и не стала ни Филоновой по отчиму, ни Живовой по мужу.

В октябре 1940 г. крестного отца перевели помощником лесничего в Шклов и мы переехали. Нам дали большой деревянный дом на окраине города.

Когда началась война, мне было 13 (я окончила 5 классов), моему сводному брату было 6 лет. Тогда в нашем доме снимала комнату учительница. Она в тот день ушла на выпускной вечер, но вернулась рано и попросила маму разбудить отца и рассказать ему, что началась война. Об этой новости люди узнали быстро, но обсуждать боялись. Радио молчало, прохожие на улицах перешептывались. Объявили, что в 4 часа все должны собраться на площади — будет экстренное сообщение по радио.

Стеша Антонова с мамой Екатериной Никитичной, Шклов, 1944 г.

До 4 часов люди боялись произнести слово «война». Почему? Могли обвинить в том, что распространяешь слухи. А за слухи могут посадить. К 4 часам люди семьями начали стекаться на площадь. Потом радио заговорило. Прозвучал неповторимый голос Левитана. Объявил, что будет выступать Молотов. Молотов сказал, что «наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами». Выступил военком, предупредил, что будут разносить повестки, но все военнообязанные должны уже сейчас явиться на призывной пункт.

Когда мы пришли домой, папа сказал, что пойдет в военкомат. Назавтра он принес повестку, собрался и ушел на призывной пункт, который

почему-то был в Стайках. Папа объяснил, что одну лошадь из лесничества забирает лесничий, а вторая лошадь остается на две семьи — нашу и конюха Напрышкина. Папа сказал, чтобы мама на этой лошади увозила нас с семьей конюха за Днепр. Все тогда считали, что немцы дальше Днепра не пойдут.

По радио говорили, что немцы не продвигаются. Но мы слышали взрывы и видели беженцев. Они ехали на подводах, шли пешком. Говорили, что немцы прямо из самолетов расстреливают людей.

Когда объявили войну, всех лошадей, коров из колхозов приказали гнать за Днепр. Страшно было это видеть и слышать, как ржут лошади, как ревут недоенные коровы.

Моя мама и жена конюха Ксения взяли, что могли, посадили на подводу четверых детей, привязали двух коров и пошли «в беженцы». Доехали до деревни Слижи. Остановились в сарае. Слышались взрывы, но что происходит, было неясно.

Степанида Антонова, 3-й курс могилевского педучилища, 1946 г.

Ксения пошла в Шклов узнать, что происходит. Вернулась она почерневшая. Мост через Днепр разбомбили, сделали понтонный мост напротив бумажной фабрики. На переправе скопилось много наших солдат. Немцы их расстреливали прямо из самолета на бреющем

полете. Там погибло очень много военных, а потом немцы, взяв Шклов, захватили еще много военных в плен.

Наконец объявили, что можно возвращаться в Шклов. Долго мы стояли на переправе, ждали, пока немцы нас пропустят. Вернулись домой. Все, что можно было разграбить, уже разграбили.

Буквально через неделю-две после оккупации стали собирать евреев. Потом их колонной гнали на расстрел. Мама меня никуда не пускала, но тогда рассказывали, что были такие наглые люди, которые обирали евреев прямо в колонне, забирали обувь и другое. Расстреляли евреев в Путниках. Это был ужас.

Осталась в живых дочь директора школы Уфлянда Нели. Она была моей ровесницей. И мы, и соседи ее скрывали и оберегали три года. Она в сарае пряталась, в туалете. Уже перед самым приходом наших полицаи ее поймали и застрелили.

Когда осенью 1941 года бомбили Оршу, было очень страшно. Орша — в 40 километрах от нас, но казалось, что взрывы совсем близко. До сих пор вижу этот огонь. Бомбили и Шклов.

Через некоторое время вернулся наш папа. Их часть остановили в Ельне, в лесу. Стояли без обмундирования, с одной винтовкой на двоих. Он рассказывал, что солдаты требовали у командиров оружие, но им сказали, что оружие они должны добывать в бою. Как они попали в плен? Подбежал какой-то лейтенант (папа потом считал, что это был переодетый немец или предатель) и скомандовал: «Вперед! Вперед!» Только они прошли вперед, как их немцы окружили и взяли в плен. В лагере папе и его товарищу удалось сделать подкоп и сбежать.

В Шклове организовалась управа. Папа получил документы и опять стал работать в лесничестве. Через какое-то время мы заметили, что папа и мама о чем-то шепчутся. Папа ходил куда-то, с кем-то встречался на районе. Потом мы поняли, что папа устанавливал связь с подпольщиками. Папа часто куда-то выезжал, у него был «аусвайс» (удостоверение личности, пропуск). Однажды я подслушала, как папа говорил маме: «Вышли двое мужчин в военной форме с оружием, поговорили, договорились в какое время приходить..» Потом папа заметил, что я слушаю, и приказал молчать и никому не рассказывать.

Папа говорил, что если будет обыск, я не должна признаваться, что их дочь, а должна была говорить, что я беженка. Фамилия-то у меня была другая. Мне это было очень обидно слушать. Как это: я — и чужая?

Поздней весной 1942 года, когда уже выросла высокая трава, папа вернулся домой и сказал, что он должен срочно ехать за Днепр на поле косить сено. Мама поехала с ним. Нагрузили воз сена. Мама поехала домой, а папа сказал, что он останется, потому что не выполнил всю работу. Только мама уехала, папу застрелили полицаи. Мы так и не узнали, чем папа занимался и какую работу выполнял.

Наша школьная учительница по химии готовила для партизан медикаменты, но ее предали, арестовали и расстреляли. Маме рассказывал электрик, который что-то чинил в здании тюрьмы (бывшее здание райисполкома), что видел учительницу. Она стояла голая и вся синяя, избитая. Сказала ему: «Хоть бы скорее

уже расстреляли». Не помню уже, как ее звали. Очень много помогал партизанам поп Василий.

Корову у нас не забрали, но есть было нечего. Мама ходила на работу. То улицы убирала, то картошку перебирала. Однажды разрезала подкладку в куртке и незаметно спрятала там клубни картошки. Мы ее варили и ели прямо в кожуре с таким удовольствием, как теперь шоколад не едят.

Часто устраивали обыски. Зима была суровая, до 42 градусов мороза, снежная. Забирали все теплые вещи. Ходили полицаи. Полицаев боялись больше немцев. Полицаи боялись всех: и немцев, и партизан с подпольщиками.

Во время войны моего старшего сводного брата, 1926 г. р., хотели угнать в Германию. Мы старались его прятать. Чтобы выкупить его, мама все время носила немцам единственное, что было из еды — яйца.

Степанида Антонова — воспитатель в детском доме, конец 1940-х гг.

Однажды немцы постреляли курей недалеко от нас. Другие немцы услышали выстрелы и пришли с обыском. Им показалось, что стреляли из нашего дома. Я в тот день была дома одна. Немцы заставили меня под дулом спускаться в погреб, подниматься на чердак. Никого не нашли и пошли к соседу. Они тогда так били соседа шомполами, что он, наверно, умер бы, но пришли те немцы, которые в кур стреляли, и рассказали, что это были их выстрелы.

В конце ноября 1943 года был освобожден Гомель, фронт остановился на Проне. Все, кто мог, выехали из города в деревню или в лес. На нашей улице осталось только три семьи. Тихо. Собак еще раньше немцы всех перестреляли. Страшно. Калитку откроешь — никого. Я до сих пор боюсь тишины.

В 1944 году немцы начали отступать. В нашем районе выгоняли всех жителей из домов, а дома

Степанида Антонова с мамой Екатериной Никитичной и сводным братом Василием, Шклов, конец 1940-х гг.

сжигали. Немец зашел в дом неожиданно, вспорол штыком матрас, набитый соломой, поджег. Когда мы выбежали, наш дом уже горел. Мама заранее сшила всем по торбочке и сложила туда все необходимое. Но когда нас из дома выгоняли, она растерялась, надела рваные туфли и даже свою торбочку взять забыла.

Завучем нашей школы был Рудаковский. Он был очень стройным, красивым и добрым. При немцах он стал пропагандистом. Во время бомбежки его ранило. Когда немцы отступали, он ехал на возу. Воз не успел свернуть, подъехал немецкий солдат на коне и стал хлестать его плеткой. Рудаковский так плакал.

Под мостом немцы повесили бочки со смолой. В бочки они стреляли, те загорались и валили черные клубы дыма.

Нас всех погнали на Рыжковичи. Там двигалась колонна немцев. Нас отогнали в сторону — в поле, в рожь. Это было недалеко от железной дороги. В это время самолет разбомбил поезд. Машинист гнал паровоз, три вагона поезда горели. Только поезд подъехал к станции, как подлетел советский самолет бомбить немецкую колонну. Летчик увидел, как много гражданских людей стоит вокруг, развернулся, чтобы улететь. В это время взорвалась цистерна с горючим. Самолет, летевший низко на бреющем полете, попал в столб пламени. Что дальше с самолетом было, мы не видели. Все очень переживали за летчика.

Мы с соседками пошли в деревню Поповку. Спрятались в ложбинку, а коров, которых вели с собой, наверху оставили. Место, где мы сидели, оказалось под перекрестным огнем. Над нами

летали снаряды, и вдруг перестрелка стихла. Пришел измученный немец и жестами попросил подоить корову. Женщины налили ему молока: и попить, и в баклажки, которые он с собой принес для «камарад». Он стал объяснять: «Нихт эссен драй», т. е. три дня не ел. Мы спросили, не будет ли нам «капут». Но он ответил, что в половину восьмого «руссиш» уже будут здесь. Нам стало спокойнее.

Ровно в полвосьмого пришли наши. Первых солдат и целовали, и обнимали, и плакали. Возвращаться в город нам не разрешили: дороги заминированы. Ночевали в поле, а утром вернулись на свое пепелище. Хорошо, что соседка на первое время приютила в сарае. Потом пошли на квартиру. Благодаря нашей корове, стали мы понемногу обживаться, строиться.

Сводный брат, когда пришли наши, сразу пошел в военкомат. Попал на фронт, был ранен, победу встретил в Кенигсберге.

Я выучилась, поехала в западные районы работать в детском доме по распределению. Потом вернулась к маме.

Я вышла замуж за Василия Андреевича Живова. Ему тоже досталось в войну. Что ему пришлось пережить, не передать словами. Его угнали из Шклова в Германию, потом он оттуда пешком возвращался. Месяц шел по дороге по ночам.

Его мать умерла, осталось двое малышей и старшая девочка Тамара, моя ровесница. Кормить детей было нечем. В детдом не брали. Тогда Тамара отвела их в райисполком и оставила там. Дети сидели и плакали от голода. Когда работники исполкома узнали, что мама умерла, пришлось определить в детдом.

Альтшулер Клара Захаровна, 1934 г. р.

Мы с родителями до войны жили в Шклове на Интернациональной улице. Отец, Залман (Захар) Наумович, был директором райсоюза, райпо. Мама, Малка Захаровна (девичья фамилия Кауфман), была швеей. Жили мы втроем в своем собственном доме. Я еще в школу не ходила, когда началась война.

Как только началась война, папа отправил нас куда-то из города, но мы не успели далеко уйти. Ехали на лошади еще с какими-то семьями. Вернулись через двое суток. Дом уже был разграблен, все вынесено, двери выломаны. Папу в самом начале войны призвали на фронт.

Еще через сутки была облава на евреев. Немцы и полицейские из своих, которые сразу пошли работать на немцев, согнали всех евреев в один дом на льнозаводе. Там, кажется, клуб был до войны. Все сидели на полу. Дети кричали. Никуда нас не выпускали. Полный дом людей был. На охрану ставили местных жителей.

Через сутки евреев погнали на расстрел, а всех русских шкловчан согнали на это смотреть. В каждый дом до этого заходили немцы или полицейские и говорили, что «если кто жидов будет прятать, то его убьют».

По середине дороги гнали евреев. Справа и слева шли немцы в черном. Немцы кричали и били, если кто-то пытался выйти из колонны. За ними шли жители Шклова. Колонна неевреев была больше. Они должны были смотреть на

казнь. Все шли близко друг к другу. Какие-то знакомые сказали родителям, чтобы мы отстали от колонны. Мы постепенно отстали и смешались с толпой наблюдающих, попали в толпу русских, которые шли сзади.

Было выкопано три рва. Немцы расстреливали всех евреев. Детей брали как-то на колено и бросали. Мы видели, как убивали евреев, как детей живых бросали в ямы. Там погибло много наших родственников. Мама держала меня за руку. Немцы собрали очень много людей, чтобы они смотрели на казнь, чтобы никто не укрывал евреев. Это было за льнозаводом. Сейчас это место я и не найду. Расстрел был в конце лета. Было тепло.

Потом переводчики сказали, что если кто-то будет евреев прятать, то и они тут будут лежать.

Мы с мамой ушли. До вечера сидели у каких-то знакомых в сарае. Потом пришли в деревню Ганцевичи (это 10—17 километрах от Шклова). Одна женщина взяла нас к себе. Мы жили на «погребне» на улице, днем прятались в соломе. Ночью мама шила, строчила на хозяйской швейной машинке, а я спала на печи. Как только светало, мама меня будила, и мы уходили из дома в погребню. Нас женщина не кормила. Иногда мама брала меня за руку, мы шли в другую деревню, стучались в двери и просили поесть. Мама заворачивалась в платок, чтобы никто ее не узнал. Тем, что так насобирали, мы и питались. В Ганцевичах мы прожили до глубокой осени. Я не знаю, знали ли другие жители деревни, что мы там прятались.

Как-то мама пошла просить хлеба днем в другую деревню. Я осталась на погребне, было уже холодно. В это время по дороге ехали полицейские. Что произошло, я не знаю, но они ее убили,

раздели. Я ждала-ждала маму на этой погребне. Ночью она не пришла. Потом к хозяйке пришел мужчина, знакомый моих родителей, и рассказал, что маму убили, тело лежит на дороге, а собаки ели ее тело. Женщина сразу меня выгнала, ведь я же не могла для нее шить.

Днем я открыто сидела на завалинках у домов, просила еды у тех, кто проезжал мимо по дороге на Шклов. Я опухла от голода, появились вши, холодно было. По вечерам я стала ходить под окнами, стучала, просила пустить погреться. Часто меня обзывали жидовкой, прогоняли, били и кулаками, и палками. Я от этого дома уходила, шла к следующему. Так до конца деревни доходила, стучала в окна. Ноги и руки были обморожены. Кто-то из хозяев, на чьей завалинке я сидела, раз в месяц брал меня в баню.

Залман Наумович Альтшулер с женой Малкой Захаровной, Шклов, 1930-е гг.

Как-то уже после войны на танцах в парке подошел ко мне моряк, на несколько лет меня старше, и говорит: «Вы меня не знаете, а я вас помню. У вас были длинные косы. Мы с мамой их обрезали». Это было еще в Ганцевичах. Они меня помыли в бане, постригли под машинку волосы со вшами и опять отправили на улицу. Когда-нибудь хлеба давали. Боялись.

Кто-то мне рассказал, что за деревней есть ломаный колхозный амбар с соломой. Стала я туда ходить. Начались заморозки. У меня было только летнее пальтишко и ботиночки. Мальчишки узнали, что я там ночую, и бросали в меня камни, обзывали, издевались, приводили собак, зажигали костры возле дверей амбара. Я плакала, кричала. Потом они уходили домой на ночь.

Днем я опять приходила на завалинку. Все знали, что я там, и кто-нибудь приносил то картошку, то кусок хлеба. Стала плохо видеть, отекать от холода и голода.

Клара Альтшулер, Шклов, 1936 г.

Так прошла зима.

Как-то весной 1942 года я стояла у дороги и просила хлеба у проезжающих. А после сидела у какого-то дома на завалинке, опухшая от голода, вши по мне ползали. В дом этот пришла старуха пригласить хозяев, своих родственников, на поминки по сыну. Она спросила у них про меня. «А,

это жидовка, матку ее убили, а ей некуда деться. Всей деревне жить не дает, стучит по окнам», — ответили ей. Старуха взяла меня за руку и сказала: «Пошли, девочка, за мной». Она забрала меня к себе домой в деревню Борисковичи. Шли мы пешком. У нее я прожила два года под именем Клавы Дубовской.

У бабушки Марии Дубовской было три взрослых сына. Один пошел на фронт, вернулся, но от ран умер, второй стал полицаем, а третий просто дома сидел. Женщина была доброй, но очень пила. Муж ее тоже пил. Сыновья плохо относились к тому, что мать держит в доме еврейку. Они били, истязали и меня, и мать, ругались. Особенно муж и тот сын, который сидел дома. Он меня бил и издевался надо мной. Напачкает на пол и заставляет слизывать языком грязь. Заставлял курить, самогон вливал. Всех издевательств и не передать. Выгоняли меня, но идти было некуда. Я сидела возле дома, а Мария меня потом забирала. Прятала она меня на печке.

Я гнала для них самогонку. В большом сарае было отгорожено соломой небольшое помещение и сделаны дверцы. И зимой, и летом меня там закрывали. Там была печка, ставили мне чугун, глину, бидон с брагой, дрова, и там я подставляла бутыли и всю ночь гнала самогонку. В доме не было ни шкафа, ни кровати. Все четверо спали на полке. Я спала на печке. Был только один комод, который закрывался на замок. В этот комод прятали самогонку от бабки.

Примерно раз в неделю муж и сыновья бабки устраивали себе праздники. Ставили на стол бутлю с самогоном и пили сколько хотели. Летом я убегала. Зимой бежать было некуда. Меня

заставляли слезать с печки и раздеваться. Я ходила в одном самотканом платье, которое бабка соткала, чулок, панталон не было, когда выходила на улицу, надевала бабкины лапти. Только к концу войны сосед сплел мне собственные лапти, маленькие. Я уже научилась портянки заматывать и радовалась, что в своей обуви по ноге могу ходить.

Пьяные сыновья и муж требовали принести вожжи, которые на гвозде в холодной прихожей висели. Один кричал, другой бил, «синячил». Били и щипали меня до тех пор, пока сознание не теряла. Тогда водой обливали. Или пока совсем не напивались и выходили. Так я нагой лежала на полу избитая. Летом, после того, как нагоню самогон, я убегала из дома в поле, в сарай или баню, потому что знала, что они будут пить и бить меня. Пьяные, они уже не искали меня. Бабке пить не давали, она ходила по деревне и просила выпить. Потом ее приносили.

Когда меня избивали, я уже не могла встать и лежала на печи, а бабка мне то блин, то картошину, то хлеба на печку кинет.

Помню, кошка окотилась на печи, а они этих котят в меня кидали, чтобы кошка на меня бросалась. Она прямо грызла меня. Я до сих пор котов боюсь.

Перед Пасхой я топила маленькую печку-буржуйку и ножиком скребла пол, бревна стен, полог, а они в сапогах, лаптях ходили.

Сначала в деревне не знали, что бабка еврейку держит, но потом меня скрывать перестали. Все соседи знали, что старуха прячет еврейку, никто не помогал, но никто и не донес. Мне завязали голову, и я варила, полы мыла, даже когда к хозяйке приезжали немцы. Полола, серпом траву косила.

Сын-полицай, Никишка, относился ко мне нейтрально. Он не одобрял мать, но предупреждал нас, когда немцы приедут с облавой, чтобы я могла спрятаться. Со мной он не говорил вообще. Второй сын, Иван, много раз ходил в полицию и заявлял, что мать скрывает жидовку, а Никишка мать каждый раз предупреждал об облавах, и она меня прятала.

Облав было очень много, но Всевышний меня спасал. Когда бабка видела, что идут немцы, она мне кричала: «Лезь на чердак!» Я пряталась в соломе на скосах крыши. Немец кричал что-то по-немецки, тыкал штыком в солому, как раз между моих расставленных ног. Другой раз мне надо было прятаться, когда немцы были уже в коридоре. Я залезла в подпечь. Там держали кур зимой. Я, маленькая, туда лазила чистить, класть солому. Бабушка закрыла дверцу. Немец согнулся, открыл подпечь, а там куры, грязь. Он

Клара Альтшулер, Шклов, конец 1940-х гг.

выпачкался, стал кричать, меня не увидел. Много раз я бегала прятаться в поле, в жито. Пряталась в бане, под полком бабка закрывала меня тазами.

В партизанах была тетя, папина сестра Татьяна Наумовна Альтшулер (Кушилина), из Шклова. Она говорила, что в их отряде была еще одна женщина-еврейка. Она как-то узнала, где я нахожусь. Как-то ночью приехали за мной партизаны, но я от них убежала и неделю возвращалась к бабе Марии. Я боялась, что это немцы.

Когда Шклов освободили, сына-полицая посадили, и я через день 10 километров ходила пешком, чтобы отнести ему передачу. Босая, в своем единственном длинном платье. С собой мне давали кусочек хлеба, картошку и бутылочку молока. Как научила меня бабка, я сказала, что он меня спасал, чтобы его не посадили. Благодаря тому, что я давала показания, что он меня спасал, его не осудили, а послали в армию. Мы ему всегда помогали.

Однажды, когда я так пришла в Шклов и остановилась у красивой витрины магазина, меня увидела Набойщикова Мария, продавщица этого магазина на окраине Шклова, которая знала нашу семью. Она стала спрашивать, откуда я, как меня зовут. Я ответила, что меня зовут Клава Дубовская, а женщина посмотрела-посмотрела на меня и говорит: «Нет, тебя зовут Клара Альтшулер. Я тебя знаю, мы жили на одной улице». Как я испугалась! Я бегом бежала домой. «Бабушка, меня теперь убьют». А она говорит: «Зачем же ты с ней разговаривала?» Война уже кончилась, и немцев не было, но я так была напугана, что 10 километров бегом бежала

к бабушке. Я сказала ей, что меня сегодня убьют немцы. Она объясняла, что немцев уже нет, но я рассказывала, что какая-то тетка меня узнала, и за мной придут, меня надо спрятать и больше я в Шклов не пойду.

В этот же самый день в Шклов приехал папа. Ему дали 10 дней отпуска, чтобы разыскать свою семью. И в первый же день встретил Маню из магазина, которая сказала, что сегодня видела его Клару. Как в сказке. Они поехали меня искать.

В этот день отмечали праздник Святого Духа. И я как раз ходила за явором, чтобы на пол и на стены постелить, как принято у них. Соседка вырезала из бумаги картинки и я их приклеила на стены. Вымыла бревна. Возвращаюсь домой с

Клара Альтшулер с отцом Залманом Альтшулером, Шклов, середина 1950-х гг.

дровами, как раз отец с Маней на лошади едут. Маня говорит: «Вон она!» А он в пилотке, в военной форме. Откуда я знаю, что это отец? Я прибежала в дом, на печку, бабушку звать. Кричала, что немец за мной идет. Отец пришел за мной, а я прячусь. Я его забыла, не признала. Он рассказывал, плакал, доказывал. Пока разобрались, кто и что, ночь прошла. Отец еще с Маней стал говорить по-еврейски, а я услышала немецкую речь, которой так боялась. Я ведь еврейского языка не знала. Я вся колотилась, плакала, дрожала, просила не отдавать немцу.

Мне сказали, что поедут на могилу к бабкиному сыну на повозке. Бабка пошла на кладбище к сыну, сказала, что сейчас попрощается с ним и вернется, чтобы поехать со мной в Шклов, что она меня не оставит. Как только она отошла, папа ударил вожжами и лошадь погнала. Я

Клара Альтшулер с двоюродным братом Немой Флеером, Шклов, 1950-е гг.

спрыгнула с повозки, побежала к бабке, стала ее обнимать, целовать, говорила, что это не мой отец. Пришлось бабке поехать с нами. Сняли там, где костел, жилье у папиной знакомой. Мне показывали фотокарточки, всем миром доказывали, что это мой отец. Я немного поверила. Бабку отпустили в деревню. А отец меня повез в Круглое в детдом, потому что ему надо было возвращаться в армию. Отец все узнал про то, как погибла мама. Встречался и с женщиной, у которой мама шила, и с тем мужчиной, что ее труп видел.

Детдом был в летнем деревянном немецком бараке с двухъярусными кроватями. Надо было царапаться, чтобы забраться на второй этаж. В коридоре стоял чан. В детдоме были и большие, и маленькие дети. Ночью мальчишки прятались и пугали, хватали, и мы кричали, и плакали. Много детей погибло в детдоме. Я пошла в первый класс. Писали на оторванных обоях, чернила замерзали.

Похороны Залмана Наумовича Альтшулера, Шклов, 1957 г.

Потом папа разыскал свою родную сестру Лизу Флеер. Они с мужем Файвой приехали из эвакуации из Башкирии и жили в колхозе «Искра». У них было два сына — Нема и Абраша. Они меня забрали из детдома. Год я жила в детдоме и где-то год у тети.

Отца демобилизовали только в начале 1946 года. Потом папа женился. Он разыскал в Ленинграде мамину младшую сестру Ольгу Захаровну Кауфман. У нее было две девочки. Она приехала, стала жить с нами. Но бывает, что чужие лучше своих. Она работала врачом. Меня кормила одним супом, мясо из чугуна вынимала. Мы сняли квартиру, взяли корову, домработницу. Сами они ели мясо, масло, колбасу, а мне ничего не давали.

Соседка, хозяйка квартиры, когда с ней как-то поругалась, еду, которую у нее хранили, выбросила на асфальт и стала кричать, что это вот они сами едят, а меня только супом кормят. Папа работал в горпо заместителем, потом начальником, весь день на работе, ничего не знал. Он умер в 1957 году.

Иван Дубовский (бабкин сын, который меня мучил) пошел на фронт, потом куда-то съехал на Север. Как-то он даже приезжал к папе, когда меня дома не было. Сказал, что хотел посмотреть на Клару, какая я стала. Он все время плакал. Я никогда не рассказывала папе, как он надо мной издевался, не хотела его расстраивать.

Мы все время ездили в Борисковичи, возили хлеб, еду бабушке Марии и Никишке. Последние три года бабушка жила с нами. Муж ее умер, а она так и продолжала пить. Похоронили ее потом в Борисковичах.

Артемьев Виктор Иванович, 1927 г. р.

Я родился на хуторе Чарейцев Круг Шкловского района, в 3 километрах от деревни Ордать и в километре от Редишино. На хуторе было шесть дворов: Ильи Каркалова, Матвея Ласикова, три двора Поборцевых и наш. Семья была большая: мать Мавра Митрофановна, отец Иван Лукич, бабуля Хадора и пятеро детей: Надежда, Мария, я, Роза и Леонид.

Бабушка Хадора была первой тещей отца, не родной нам. Но она вырастила нас, детей, как своих внуков. Первая жена моего отца умерла рано. В ее семье все жили не дольше 30—40 лет и умирали от туберкулеза. Все дети и родственники бабули умерли, и отец взял ее к себе. Только став взрослым, я узнал, что она нам не родная была.

Отец имел 8 или 10 гектаров земли, сеял клевер. В хозяйстве было две хороших коровы, породистая кобыла. Молока и самим хватало, и на молокосборный пункт носили. Отца поставили в список на раскулачивание. Тогда он подал заявление на прием в колхоз имени Кастуся Калиновского в Ордати. В колхозе его сразу сделали председателем, и он проработал в этой должности два года. Тогда на Шкловщине это был самый лучший колхоз, потому что в нашем колхозе не воровали. У отца тяга была к агрономии, и он часто ездил на агрономические образовательные курсы в Горки.

В 7 лет я пошел в школу в Редишино. Очень нравилось учиться, хотя ходить приходилось за

километр. А в 1937 году все мы с хутора переехали в Редишино.

О скорой войне тогда писали в газетах, показывали в кинофильмах, пели в песнях и обязательно подчеркивали, что воевать будем на территории врага, что своей земли «мы и пяди не отдадим». И когда в апреле началась мобилизация солдат запаса в Красную Армию, в деревнях повсюду говорили: «Будет война с немцами». Мобилизованных провожали на службу, как в последний путь: со слезами, с причитаниями женщин, пели «Последний нонешний денечек».

Месяца за полтора до начала войны мне приснился сон, который очень меня поразил, ведь раньше такого видеть не приходилось... Я на улице. Вдруг небо потемнело от самолетов, которые летят, как птичья стая, и на такой же низкой высоте. На фюзеляжах самолетов черные кресты, которые мне не приходилось до этого видеть. Самолеты летели от Казенного леса, с запада на восток. И было этих самолетов бесчисленное количество. Они закрыли все небо. Стало темно. Было тяжело на сердце. Я в сны не верил, так как воспитан был атеистом. Никому про тот сон не рассказал и быстро забыл его. Но каким же было мое удивление, когда уже в июле я увидел в реальном небе над нами

Мавра Митрофановна Артемьева (Глушанкова), мать Виктора Артемьева, начало 1940-х гг.

такие же самолеты, с такими же крестами, которые видел во сне! И летели они очень низко над землей, чуть выше верхушек деревьев. Это были немецкие транспортные самолеты.

В июне 1941 года я окончил ордатскую семилетку. Вручение свидетельств об окончании было назначено на воскресенье, 22 июня. В тот же день моя старшая сестра Мария получила диплом об окончании педучилища. День был красивый — ясный, солнечный, тихий. И настроение такое же. На выпускной вечер все девочки и мальчики пришли заранее, празднично одетые. В назначенное время нас не пригласили, потому что из районного центра еще не привезли документы. Мы ничего плохого не ощутили, так как до райцентра было 27 километров, задержка в такой дороге — вещь обычная. И тут кто-то передал: «Война!» Свидетельства об окончании школы нам вручили только вечером при свете керосиновой лампы. Торжества не было. Учителя быстренько пригласили нас за стол рядом с собой. Нас была всего одна группа, не больше двадцати человек. Некоторых ребят я больше никогда не увидел. Алексей Романов и Никифор Хартов из соседней деревни Займище (они были на два года старше меня) в 1944 году попали на фронт и с войны не вернулись. На столах рядом с едой и конфетами стояли бутылки с водкой и вином, стаканы. Учителя выпили по первой, а как только мы немного перекусили (за день проголодались), то налили и нам, ученикам, — мальчикам немного водки, а девочкам на донышке вина. Из учителей-мужчин в нашу деревню Ордать никто с войны не вернулся. Слышал только, что директор школы Яков Крупень работал в Черноручье. У его дочери в

80-х годах я принимал экзамен в Могилевском библиотечном техникуме.

Ночь с 22 на 23 июня была очень темная. Мне надо было идти 4 километра до Редишино. Большую часть пути со мной прошел учитель Епифаний Никитин. Попрощался со мной, как отец с сыном. Больше я его не видел, с войны он не вернулся.

На пятый-шестой день войны мы пошли вместе с матерью в село Городище (это за 7 километров), чтобы в магазине купить соли, мыла и спичек. Мать говорила, что в войну потом ничего нельзя будет купить, даже если будут деньги. Мы купили все нужное (в продаже все еще имелось в то время) и уже возвращались домой, как со стороны Шклова, как раз над нашими головами, очень низко пролетел самолет. Наш самолет — на фюзеляже можно было разглядеть красные звезды, а в кабине была видна голова летчика в шлеме. Следом за ним пролетел немецкий самолет с черными крестами. В воздухе резанула пулеметная очередь. С какого самолета — не угадать. Один самолет загорелся: черный дым шлейфом стелился за ним. Увидели мы, что из горящего самолета почти одновременно выпрыгнули два летчика с парашютами. Раздалась еще одна пулеметная очередь по парашютистам. У меня сомнений не было: сбит немецкий самолет, так как наши летчики непобедимы. Мать мне возразила, но я побежал в ту сторону, где выпрыгнули враги, чтобы их задержать. Я не сомневался, что смогу это сделать безо всякого оружия. Пробежал несколько сотен метров и увидел, что это все-таки далеко. А вскоре мы узнали, что сбит и сгорел наш самолет, советский. А летчики были убиты.

О событиях на фронте мы получали очень скупые сведения из газет. А сельчане обсуждали, что положение серьезное, враг на нашей территории и наступает. Из Редишино и окрестных деревень мобилизовали молодежь рыть противотанковый ров за Днепром. Кто-то выразил сомнение, что вряд ли этот ров немцев сдержит. На него донесли и расстреляли.

Несколько крестьян погнали на восток редишинское колхозное стадо, чтобы оно не досталось врагу. Вскоре в Редишино из шкловского пригородного колхоза пригнали овец, свиней и телят. Пастухи вернулись в Шклов. Нам, подросткам Ивану Козлову, Гришке Миронову, мне и еще кому-то четвертому, поручили перегнать стадо в Черневку. По дороге в Займище и Громаково некоторые жители просили нас отдать им овцу или свинью, но никто из нас на это не пошел. В Черневке мы сдали стадо скота представителям сельского совета. В пойме реки Баси мы увидели тысячи коров, овец, свиней. Позже мы узнали, что скот перегнали чуть дальше на восток, но немцы уже перекрыли путь и животные погибли.

9 июля 1941 года пришел приказ из Шкловского райвоенкомата о мобилизации последних военнообязанных. Мой отец, Иван Лукич Артемьев, был председателем правления колхоза. Он узнал, что немцы уже в Шклове, и все мобилизованные прислушались к его совету и пошли пешком через Горьки в Смоленск. Мой отец не был военнообязанным, поэтому стал добровольцем 810-го рабоче-строительного дорожного батальона, который принимал участие в обороне Смоленска и Москвы. В начале 1942 года Дмитровский райвоенкомат Москвы демобилизовал его по

инвалидности и он остался жить в деревне Нечаевке Шатковского района Горьковской области. Работал сначала лесорубом, а потом бригадиром колхоза «Цвет коммуны». После освобождения Беларуси снова работал председателем правления колхоза «Пятилетка в четыре года» и в 1949 году получил правительственную награду — орден Ленина. После войны отец предлагал нам переехать к нему, но мы не согласились, и тогда он вернулся к нам.

Фронт через нашу деревню Редишино не проходил. Через деревню двигались на восток только разрозненные группы красноармейцев из воинских частей, которые были разбиты на Березинском и Днепровском рубежах. Некоторые за сутки одолевали по 60 километров, были усталые, голодные, в запыленной одежде, но с оружием в руках. Просили воды. Женщины выносили им молоко и хлеб. Они жадно ели хлеб, запивали молоком, благодарили и поспешно двигались дальше.

Почти в каждом огороде возле дома или возле речки Лешни была вырыт окоп или блиндаж на случай боя — траншея с накатом тонких бревен, которые сверху засыпаны землей, замаскированы зеленым ольшаником и свежей травой. Боя в деревне не было, но несколько снарядов у Лешни разорвались. Услышав первый взрыв, я выбежал из дома и только открыл дверь из сеней в огород, как увидел, что летит снаряд из Казенного леса. Он упал недалеко от речки, вблизи Архипенкова хутора, и взорвался. Со свистом и шипением разлетелись осколки. Один из них упал метрах в пяти от меня на грядку лука, подняв дымок пыли. Я быстренько подбежал и поднял осколок. Он был граммов на пятьдесят, а, может, и на сто, еще

теплый. Я поднес его к лицу, чтобы лучше разглядеть, так как видел осколок снаряда впервые. Он пах порохом и теплым железом.

В это же время со стороны деревни Старые Чемоданы (7 километров на северо-запад) послышалась стрельба. Затем затишье, а следом большой пожар. Часа через полтора-два вдоль Лешни пробежал красноармеец. Мне не пришлось его увидеть вблизи, так как мать загнала меня в блиндаж. Но в тот же день я слышал разговор женщин-соседок, которые встретились с ним на лугу, когда ходили за родниковой водой. Они рассказывали, что красноармеец добежал до них и остановился, попросил попить воды. Пил он жадно, прямо из ведра. Лицо обгоревшее, одежда тоже, безоружный. Одна рука забинтована. Красноармеец сказал, что у деревни Чемоданы они стояли насмерть. Когда кончились боеприпасы, то пошли на врага врукопашную, да силы были неравны. Раненых и контуженных красноармейцев немцы загнали в большой сарай. Ворота закрыли, здание подожгли. Кругом били немецкие пулеметы. Ему удалось убежать благодаря густому дыму, который стелился по земле. Удалось ли спастись еще кому-нибудь — он не знает.

Мне приходилось от некоторых людей слышать, что немцы не открыли ворота конюшни потому, что якобы красноармейцы сами ее подожгли. Это ложь! В тех же Старых Чемоданах сожжены заживо за помощь партизанам: Шайников Франц Павлович, Шайникова Бронислава Андреевна, Шайникова Надежда Брониславовна, Шайников Станислав Францевич, Шайников Виктор Францевич, Шайникова Татьяна Францевна.

Через день или два после трагических событий в Старых Чемоданах появились первые оккупанты и в Редишино: упитанные, горделивые, в рубашках с закатанными по локоть рукавами. Они ехали на велосипедах и мотоциклах небольшой группой по дороге из Займища, в сотне метров от нашего дома. Мне мама не позволила долго их рассматривать. Она приказала скорее идти в блиндаж, в который сама зашла следом. Из некоторых домов немцы угнали женщин, стариков и детей на колхозный двор. Детей даже угостили конфетами и фотографировали вместе с солдатами. Якобы крестьяне с радостью встречают оккупантов.

Как раз возле нашего дома встретились двое военнослужащих: красноармеец-узбек с винтовкой и командир без оружия. Говорили они недолго, но очень спорили. Потом узбек вскинул винтовку и приказал командиру идти по лощине в направлении леса. Довел его до опушки ржаного поля. Там они остановились. Мы услышали выстрел. Узбек пошел в лес, а командир упал. Немного погодя командир поднялся и, держась рукой за живот, уже без плаща, вернулся назад и пошел в направлении Дивново. Что с ним случилось дальше, после того, как он дошел до Дивново, нам неизвестно.

Я пошел в рожь. На самом краю ржаного поля колосья были примяты. На них лежал плащ. Карманы плаща пусты. Вечером принес плащ домой и спрятал под крышей в сарае. Там он и пролежал всю зиму. А весной мать отдала его бывшему летчику Николаю Федоровичу Феоктистову, который был в партизанах.

Мой двоюродный брат, Исаак Дмитриевич Прудников, 1907 года рождения, во время окку-

пации оказался дома, в Ордати. Прятался в погребе. Немцы нашли его во время облавы, а еще нашли в погребе или во дворе гильзу от винтовочного патрона. Как она здесь оказалась, никто не знал: ни он сам, ни семья. А немцы закричали: «Зольдат! Зольдат!» — поставили мужчину у стены сарая и расстреляли на глазах отца и матери, которых еще и шомполом побили. Остались сиротками две маленькие девочки Надя и Ира.

Еврейка Хая Григорьевна Лейзарович была сестрой Берты и Баси Лейзарович, живших в Ордати. Хая была инвалидом с детства, но получила образование и работала в Шкловском банке. Когда немцы заняли Шклов и устроили расстрел евреев, ей удалось спрятаться в чьем-то доме. И она пошла в Ордать к Берте, которая была замужем за моим дядей-белорусом Федором Митрофанович Глушанковым. Пряталась в его доме. Может, кто-то подстерег, а может, просто случай: полицаи начали облаву в деревне. Хая сидела в сарае в сене, потом залезла в погреб. Но ей было тревожно. Она вылезла из погреба и огородами побежала к речке Басе. Полицаи заметили ее и начали стрелять. Убили.

Еврей Ицка из Шклова также избежал общего расстрела. Какое-то время скитался в городе по знакомым. Как-то выбрался в Ордать к Берте Лейзарович (она была близкой родней), хотел поискать новое укрытие, так как в Шклове находиться было уже опасно. При каких обстоятельствах полицаи его поймали, мне неизвестно. Повел его пешком в Шкловскую комендатуру полицай Мишка Тишко из Редишино. Вернулся конвоир поздно вечером и хвастался: «Зашли мы на мост через Днепр. Дошли до середины моста,

и я крикнул: «Прыгай, еврей, в Днепр, а то застрелю!» Он прыгнул и утонул». Скорее всего, Ицка сам прыгнул в Днепр, чтобы избежать пыток в гестапо. После войны полицая судили. Отсидел он в лагере свой срок. После жил недолго.

У меня были небольшие портреты Ленина и Сталина. Держать их на виду стало опасно, так как у фашистов на все случаи было только одно наказание — расстрел. Решил спрятать портреты. Придумал тайник в доме. Стены некоторых деревенских домов были в то время оклеены газетами. В нашей тоже. Бревна стен круглые, а между ними пустоты. В одну из таких пустот, ближе к потолку, я положил портреты, а поверх их, чтобы не было видно дыры, наклеил такую же газету. Даже самому не был виден тайник. Позже в нашем доме была засада полицейских и делал обыск староста, но никому в голову не пришло искать что-то под наклеенными газетами. Про тайник я не говорил даже матери. Как только село освободили, достал я портреты Ленина и Сталина и разместил их в доме на видном месте. Кто-то может сказать: «Нашел, чем хвастаться». Отвечу, что в 14 лет на такой поступок нужны были и сознание, и сообразительность, и мужество тоже.

В июле из Шклова в Редишино привезли более десятка деревянных ящиков архива Шкловского районного отдела народного образования. Возчики сбросили их у колхозных кладовых и вернулись домой. Было уже безвластие. Фронт откатился на восток. Ящики положили в кладовую, в которой конная упряжь хранилась. Повесили замок. А что нам, мальчишкам, тот замок? Мы за хомутами всегда лазили через пол: там две доски поднимались. В ящиках мы увидели личные дела

всех учителей района. А через некоторое время мой двоюродный брат, комсомолец Федор Ратников (он был кладовщиком), сказал, что про архив пронюхали полицаи, они собираются отвезти его в Шклов и отдать немцам. А там же в личных делах и национальность, и партийная принадлежность, и адреса всех учителей. Вместе с друзьями Иваном Козловым, Гришкой Мироновым (и еще кто-то нам помогал) вечерами перенесли этот архив в свой тайник. Иван и Гришка выбирали чистую бумагу, а я документы. Спрятал их дома, пересмотрел. Когда дошел слух, что полицаи собираются с обыском, то документы вместе с матерью мы сожгли в печи. Помню, что среди них были дипломы Баси Лейзарович, Якова Крупени, Алексея Шляхтова, Епифания Никитина, Шведко, Титаренко, Сенокосова, Овчинникова — всех учителей Шкловщины.

В деревне Ордать вместо сельского совета оккупационные власти образовали волость, назначили бургомистра, писаря и полицейского. Бургомистр дал команду выбрать в Редишино старосту. На сходку собралось что-то совсем мало сельчан: бывшие правленцы колхоза, несколько дедов и подростков. Но собрание состоялось, так как приказ должен выполняться. Все шло по порядку. Даже кандидатуры на старосту уже выдвинули. Но вдруг как из-под земли вынырнул в советской форме политрук с ромбами в петлицах. Позже говорили мужчины, что в звании майора. Он тихим голосом сказал, что недавно встречался в лесу под Могилевом с маршалами Ворошиловым и Шапошниковым. Они дали задание создать партизанские отряды и уничтожать врага. А потом сделал призыв жечь

зерно, убивать скот, чтобы немцам нечего было есть, прочитал с листовки приказ Сталина. И исчез майор так же незаметно, как и пришел. Никто не видел, в каком направлении он пошел. Те, кого выдвинули кандидатами в старосты, в один момент отказались от должности. Что делать? Тогда мужик-шутник Миколушка выкрикнул:

— Кто ведро водки поставит, тот и будет старостой!

— Я ставлю! — отозвался Родион Феоктистов, забрал печать правления колхоза, положил ее в карман брюк и пошел. Тем собрание и закончилось.

Приходилось читать в книгах, видеть в фильмах, что фронт идет плотной полосой войск, очень трудно через него просочиться. В июле 1941 года на Могилевщине было иначе. Немецкое войско двигалось по магистральным дорогам, по большакам, а небольшие деревни враг обходил.

Через Редишино только однажды проехала небольшая группа вражеских солдат на мотоциклах и велосипедах, а в соседние села Вишенки и Майоровщину они даже и не заглянули. Близко немцев я увидел только через несколько месяцев.

Немцы у нас не стояли. Только фуражиры приезжали на машинах или телегах за продуктами, сеном. Первые годы мы ничего не сдавали немцам. Они сами приезжали и забирали. Потом обложили разверсткой, налогом. У нас был староста и один полицейский. В Ордати был полицейский гарнизон около 10 человек, 3 немца и бургомистр. При бургомистре были свой полицай и писарь.

Колхозное имущество разобрали только через полгода, а полгода еще работали, как в колхозе. Нам припомнили, что отец был председателем, и

ничего не дали, только землей наделили. Выращивали рожь, пшеницу, овес, лен, коноплю. Я в основном на земле работал.

Из нашей деревни никто не эвакуировался. Дядя с семьей попытался уехать, у них был добрый конь, но не успел. Немцы опередили.

Старшая сестра Анна вернулась домой из Могилева. Очень скоро пришел и ее муж, который был призван в армию. Его часть разбили на Березине, и они пешком пошли к нему на родину в Чаусский район.

Молодежь забирали в Германию. Наш земляк-писарь все книжки со сведениями о годах рождения переписал. Кого сделал моложе лет на 5, кого старше. Мне он записал 11 лет, я так и выглядел.

В 1943 году в деревне, кроме котов, никаких животных не осталось, даже собак перестреляли. Коров, свиней, птиц забрали. Только еще несколько коней в лесу прятали. Голодали. Меня потом в 1944 году и в армию не взяли. Мой рост был 156 сантиметров и вес 40 килограммов. Сказали: «Штык выше тебя!»

Зерно и картошку закапывали в ямы, чтобы немцы не нашли. Ели в основном картошку. Иногда мололи зерна, пекли хлеб, но прятали его от партизан.

Днем приезжали немцы, ночью — партизаны. И все грабили. У нас партизан практически не было. Приходили издалека, из Горецких лесов. Мой двоюродный брат, Николай Сергеев, был в партизанах, замкомандира по контрразведке. До войны он был в НКВД, сражался в деревне Гаи. Остался в живых и поэтому о нем как-то теперь не вспоминают, как о герое. Обвинили его в том, что он потерял свой партийный билет, и в партии

так и не восстановили. После войны он работал в пединституте.

В 30-х годах прошлого века мой дядя, Федор Митрофанович Глушанков, женился на еврейке Берте Григорьевне Лейзарович. Жили в Ордати. Было у них двое детей — Дина и Леня. С ними жила и сестра Берты, учительница Бася, с таким же именем, как и речка, текущая вдоль деревни. Меня тогда очень удивляло, как это речку назвали именем сестры тети, но как-то спросить про это ни у кого так и не решился. Войну и оккупацию Глушанковы не ожидали и растерялись. В беженцы опоздали, остались в деревне. Сначала особой угрозы не было. А когда убили Хаю и Ицку, то пришлось прятаться у соседей. Какое-то время в их доме была моя сестра Мария, она смотрела за хозяйством. Летом 1942 года Федора и Берту арестовал начальник Горецкой полиции некто Минин. Он отвез их в Шкловскую комендатуру. Но дядя Федор еще накануне умаслил бургомистра волости, и тот дал в Шклов положительную характеристику. В Шклове жили знакомые Федора. Они также похадатайствовали. Федора и Берту отпустили домой.

Леня и Дина Глушанковы, дети Федора Глушанкова и Берты Лейзарович, конец 1930-х гг.

Берта Лейзарович приняла в церкви христианскую веру. Крестили и детей. Надеялись, что это поможет. Да в январе 1943 года тот же Минин

из Горок снова наведался в Ордать и во второй раз арестовал Федора и Берту. На этот раз он забрал себе их лучшие домашние вещи и одежду. На ночлег оставил в Тимоховцах под охраной полицейского.

Моя мать Мавра Митрофановна (сестра Федора) и тетя Анна Митрофановна (тоже его сестра) пошли следом за арестованными. Как только Минин оставил Тимоховку, они зашли в тот дом, в который их завели. Конвоир-полицейский был родом из Ордати. Он знал мать и позволил переговорить с братом, которому разрешил выбраться из погреба в доме. Дядя подсказал, к кому обратиться в Горках, чтобы его и Берту освободили. Оно бы так и произошло, но назавтра арестованных не увезли в Горки. Минин отдал приказ расстрелять их на окраине Тимоховского леса. Федора заставили самому себе копать могилу. Место захоронения осталось неизвестным.

Тимофей Никифорович Граков

После расстрела дяди Федора и Берты, их дети, 12-летняя Дина и 9-летний высокий Леник, перешли жить к нам. Недели через две начальник Горецкой полиции Минин приехал за ними и забрал в Горецкую комендатуру. С Мининым была его жена. Она старалась чем-то угодить детям: предложила им конфеты, одеяло (была зима), но дети отказались. В Горках детей

держали сутки, а потом отпустили. Скорее всего, что на этом настояла жена Минина. Голодные и усталые, они пошли к тете Прасковье Митрофановне, а уж дядя Тимофей Граков на санях привез их в Редишино. Через несколько дней за детьми приехал с полицейскими бургомистр Ордатской волости. Детишек снова арестовали. В тот же день в нашем сарае в сене пряталась Бася Лейзарович, сестра Берты. И хорошо, что дети не только не плакали, они и голоса не подали на дворе, когда их выводили из нашего дома. Вечером Бася, когда узнала об аресте племянников, плакала навзрыд и говорила, что если бы она услышала, то обязательно бы вышла и пусть бы ее взяли вместе с ними. Ортдатские полицаи завезли Дину и Леника в Шклов, а оттуда — в Оршанский концлагерь. Там их отравили в душегубке.

Прасковья Митрофановна Гракова (Глушанкова)

Учительница Бася Лейзарович пряталась от немцев, и особенно от полицаев, и в семье Пелагеи Бугаевой, а также у жителей деревень Займище, Шестаков и Ордать. Однажды ночью полицейские организовали засаду в нашем доме — кто-то донес. После этого Басе пришлось обходить нашу усадьбу. Вскоре она ушла в партизаны мстить врагу. С июля 1944 года была на фронте. После войны работала в Ордати учительницей в школе.

У нас в деревне ни одного дома не сожгли. А в соседнем Дивново расстреляли около 30 человек: в начале войны 11 мужчин, а перед освобождением — стариков и одного 15-летнего мальчика, несколько домов сожгли.

Врачей и лекарств не было. Умерло много детей. Болели тифом. У меня было двухстороннее воспаление легких. Не знаю, как выжил. Медсестра-беженка из Могилева ставила банки.

В 1943 году нас гоняли работать в Ордать. Вел нас австрияк под дулом автомата. Мы думали, что он нас расстреляет в низине. Как только низину прошли, успокоились. Заставили делать доты. День мы работали. Заложили бревнами стену, а как только отошли, она и развалилась. Мы испугались, а австрияк стал хохотать: «Русс арбайт! Русс арбайт!» Мы тоже смеяться стали. Ночевали в школе на соломе. Нас не кормили. Назавтра — построение всех работников.

Бася Григорьевна Лейзарович с учениками 5 класса Ордатской семилетки, 1957 г.

Посчитали — никто не сбежал. Комендант спросил, кто больной. Я вышел: «Их кранке». Комендант грозно посмотрел, но отпустил «на хауз». Я пошел, но у дома дяди меня встретил полицай: «Сколько тебе лет?» Я пошутил: «Три, четвертый пошел». Полицай вскинул винтовку, передернул затвор, но мой двоюродный брат не дал ему выстрелить: «Пошли, Яшка, сто грамм выпьем!»

В 1943 году немцы делали линию обороны и нас выгнали в беженцы в Круглянский район, чтобы местные жители не помогали партизанам. В Редишино остались только бабуля и прятавшаяся сестра Мария (ее забрали бы в Германию, если бы нашли). Они наголодались. Бабушка умерла от тифа. Кто-то успел спрятаться, остальных погрузили на воз. По дороге одинокие люди сбегали, а мы с маленькими детьми уйти не могли. Так семей 10 привезли в Круглянский район. Когда все припасы, что брали на воз, съели, стало голодно. Сначала нас определили на постой в одну партизанскую семью. Они давали нам картошку. Потом их дом разрушили, картошку забрали. Нас перевели в другой дом. Пришлось ходить жабравать (попрошайничать. — *Ред.*). Потом один сосед, дети которого были в партизанах, взял к себе на прокорм нашу кобылу и разрешил нам брать у него картошку. Кобылу мы одалживали кому дров привезти, кому еще что, и нам за это тоже что-то давали. Потом, перед самым освобождением, круглянский комендант разрешил маме на санях съездить в Редишино взять закопанное зерно. Так дождались освобождения.

В Редишино (56 дворов, 185 жителей) за годы войны погибло на фронтах и в партизанах 27 человек. В Ордати (198 дворов, 690 жителей) оккупанты расстреляли 20 человек и 88 человек погибли на фронтах.

В Дивново (123 двора, 385 жителей) уничтожено 19 дворов. Расстреляны или заживо сожжены карателями 25 жителей, 56 человек не вернулись с войны.

Захватчики в этих деревнях разрушили все колхозные постройки, оставили жителей без домашнего скота и птицы.

Крестьяне имели только то зерно, которое спрятали в ямах. Были нищета и голод. Те, кто пережил войну и уцелел, помнят ее и в снах.

Лавренова (Кузьмина) Евгения Александровна, 1932 г. р.

Я родилась в деревне Хотимке, что в 5 километрах от Шклова.

Папа, Александр Кузьмин, был председателем колхоза. Хоть образования у него было только 4 класса, он был грамотным, хорошо писал и считал. Мама, Пелагея Афанасьевна, работала дояркой.

У меня были еще старшая сестра Настя, 1928 г. р., и младший брат Виктор, 1937 г. р. Помогали родителям на огороде, бегали, прыгали, играли в классики, купались на речке. Рядом с деревней были близко лес (назывался «Пустошь») и небольшая река Серебрянка. Электричества и радио у нас в деревне до войны не было. Мамины родители жили в поселке Борьба, который находился за Хотимкой. Папины родители умерли до войны.

Я окончила первый класс перед войной в нашей 4-классной школе. Очень нравилось ездить с родителями в Шклов. Помню, соберутся мама и папа на телеге в город в магазины или продать сало на базаре, а я бегу вслед за телегой, пока меня не возьмут. Наругают, шлепнут, но возьмут с собой на телегу.

В деревне было 40—45 домов. В домашнем хозяйстве были и гуси, и утки, и куры, и овцы, и корова, и лошадь. Были земля и огород. Выращи-

вали картошку и другие овощи, все для скота. Все в деревне работали и этим и жили.

Папе, как председателю, в самом начале войны пришло письмо о мобилизации (о ее организации в деревне. — *Ред.*). До 6 июля 1941 года папа был еще дома. Его оставили перегнать от немцев скот, но он не успел, все немцам досталось.

А 6 июля папу призвали. Помню, как его провожали, как плакали.

Никто из местных жителей не эвакуировался. Когда рыли окопы, мы нашим солдатам носили молоко, что-то поесть. Одна женщина из нашей деревни сказала, что когда придут немцы, она им расскажет, как мы русских солдат кормили.

Были бомбежки. Немецкий самолет выбросил все бомбы на деревню, на речку. Был бой за Днепр. От взрывов снарядов закладывало уши. Мы сидели в окопах, прятались. Очень боялись. Я кричала: «Держите мне уши!»

Первый раз мы увидели немцев, когда они после боя ехали на мотоциклах и кричали что-то вроде «Москва капут!». Немцы прошли мимо.

Они приезжали из Шклова и забирали курей, гусей, уток. Ни у кого в округе домашних птиц не осталось.

Земля у нас такая, что не родит без удобрения. Удобрения не было, даже навоза не было. Питались мы очень плохо. Собирали колоски, кашу делали. Варили оладьи из щавеля, картошки, что собирали на поле весной. Мама ходила что-то из вещей меняла на хлеб.

Остались у нас в деревне только ребята допризывного возраста. Многие из них ушли в партизаны, но не все. В партизаны принимали только тех, у кого было оружие.

Когда партизаны ехали на задания (они то склады с оружием подрывали, то мосты, то железную дорогу), то заезжали к нам на обратном пути. Брали у нас все подряд: теплые вещи, кожухи, сухари, корову. Мы понимали, что ничего не поделаешь.

Полицейского участка и немецкого гарнизона в деревне не было. Наутро после партизанских взрывов приезжали немцы, но чаще полицейские. По деревне ходить боялись. Стреляли из школы, которая стояла на пригорке, по деревне. У меня была подруга, девочка Женя. Ее таким выстрелом из школы убили. Пуля влетела прямо в открытое окно, даже стекло не разбила.

Лес у нас был недалеко. Два моих двоюродных брата были в партизанах. Миша до войны жил в Минске, второй брат, Петр, сын папиной сестры Феклы — наш, деревенский. Иногда они приходили к нам ночью. Днем партизаны к нам не приходили, присылали мальчишек-сыновей. Тетя, папина сестра, смотрела в щелку и когда замечала кого-то из партизан, меня посылала. Я и сама ходила несколько раз в партизаны, приносила им кушать. Босиком по крапиве ходила с котомочкой за спиной. Это был секрет. Один раз надо мной решили пошутить, стали по-немецки разговаривать. Очень меня напугали.

Пелагея Афанасьевна Кузьмина, мама Евгении, 1950-е гг.

Полицаи устроили засаду и прямо у нас под окном убили партизан. Закапывать убитых долго не давали. Собаки таскали их тела. Потом старики похоронили их на деревенском кладбище.

В деревне у нас жил один еврей. Он жил в Шклове до войны, работал в Хотимке кузнецом, после начала войны вместе с семьей из Шклова переехал в Хотимку. У него был сын. Он был очень хороший. Они хотели идти в партизаны, но у них не было оружия и их не брали. Они ночью к нам приходили покушать. Мама давала им одежду какую-то.

Староста и полицаи сначала расстреляли семью кузнеца. Я видела расстрел. Стреляли разрывными пулями прямо в домике вечером зимой 1941 года. Их было, кажется, четверо взрослых. Трое лежали на полу, а старенький дедушка лежал на печке, свесив голову, из головы текла кровь. Мама сказала: «Иди, посмотри», а я потом спать не могла. Сын старосты сказал, что трупы выбросили в лощину, не закопали.

Сам кузнец с сыном некоторое время прятались в колхозном гумне, но, видимо, кто-то выдал. Помню, как немцы привели их к нам в дом, брат Витя очень страшно кричал, мы боялись, что нас расстреляют за помощь евреям. Кузнеца с сыном увезли в Шклов. Там каждый вечер происходили расстрелы пойманных евреев и партизан. Каждый вечер были слышны автоматные очереди.

Один мужчина, уже женатый, с ребенком, хотел идти в партизаны, но его не приняли, потому что не было оружия. Так он пришел к своему родственнику, полицаю, попросить оружия. Тот полицай его и выдал. Мама послала меня посмотреть. Этого мужчину поставили к забору и уже

мертвого расстреливали. Никого не отпускали, заставляли смотреть. Потом приехали немцы, забрали семью этого мужчины. Семью с маленьким ребенком потом отпустили.

В Шклове было много евреев, и их расстреливали каждый день. Травили людей собаками. В лесу, когда мы что-то собирали, часто натыкались на убитых евреев.

Уже после войны, когда мы ходили в школу в Шклов, возле моста через Серебрянку на Старый Шклов наверху, на песочке, лежали трупы четырех или пяти человек. В лесочке лежали волосы. Там расстреливали евреев. Потом их похоронили.

Говорили, что люди ходили в деревню Тараново (под Могилевом, рядом с деревней Романовичи) за вещами убитых евреев. Носили их сапоги, костюмы. С нашей деревни тоже ходили. Мы их осуждали.

Когда немцы стояли в школе, один немец, пьяный, ходил по домам. В людей не стрелял, только собачонку убил, ведро пробил. Он пришел в наш дом и стрелял по полу из автомата. Деду-беженцу, который жил у нас, гильзами ноги покалечил. Баловался. Все бабки собрались и пошли в школу жаловаться немецкому начальству. Сказали, что его перевели на стройки, наказали.

Иван Янченко и другие наши соседи-партизаны погибли. Много умерло от голода, особенно наших детей и детей-беженцев, перед немецким отступлением.

Папины вещи — сапоги, костюм — мы закопали в ящике в землю. В деревне знали, как папа одевался, и партизаны пришли за вещами. Маму шомполами били, чтобы вещи отдала. Мама не

отдала. Детские вещи все забрали. Такие партизаны были — все подряд забирали. Из-под меня выдернули простыню, ударили меня головой о стенку. Наверное, им нужны были простыни для маскировки.

Меня посылали в Шклов к маминому брату Савелию, отцу Миши. Я была маленькой, худой, меня немцы не трогали.

На повозке ехали немцы, полицаи. Спросили меня: «У вас партизаны были?» Говорю, что не было. А они узнали, где я живу, и пригрозили: «Вот мы сейчас посадим тебя на повозку, вернемся в деревню, и если партизаны были, мы тебя убьем». Я так испугалась, стою, думаю, когда они будут меня сажать, а они уехали, не забрали. Я постояла, пока они скрылись, и пошла дальше. Страшно было.

Как-то я пошла другой дорогой, через другой переезд, так родственники меня очень ругали. Говорили, что на этом переезде вчера человека убили.

Как-то в деревню приехали немцы, один из них заходил к нам в дом. Помню, он улыбался, показывал фотографии своих детей, угостил меня и младшего брата кульком конфет. Вроде ничего, добрый. Мама варила вкусный квас. Мы его пили и хотели этого немца угостить. Но он показал, чтобы мы первые квас попробовали, боялся пить.

Партизаны оставили нам маленького жеребеночка. Я с ним возилась все время, на водопой водила, в поля. Как-то партизаны забирали коней и моего жеребенка взяли. Мама и другие женщины пошли к партизанам просить, чтобы им отдали коней. Партизаны отошли посовещаться, а

женщины испугались, что их примут за немецких шпионов, и разбежались.

Полицаи, старосты убегали за немцами. Они ехали на нагруженных повозках с разным добром. У них было много масла, которого мы давно не имели. Мы выкопали картошку, а они эту картошку стали переделывать на крахмал. Мы просили нам оставить, а они были недовольны, агрессивны: «Вы сидите дома, а нам ехать».

Когда перед освобождением деревню бомбили, то один немец к нам в погреб прямо головой залетел. Во дворе у нас стояла немецкая кухня. Немцы и полицаи жили у нас. Тогда нас не трогали, даже оставили немного муки.

После того как немцы отступили, с кладбища на пригорке мы видели русских, цветы им относили. Когда партизаны шли по шляху, мы тоже ходили их встречать с цветами. Они говорили, что лучше б воды принесли. А откуда мы знали, что они долго шли? Мы так рады были!

Евгения Александровна Кузьмина, конец 1940-х гг.

Племянник нашей знакомой женщины из Старого Шклова, полицай, пришел к ней и спрашивал, где ее сын-партизан. Она не знала. Ее забрали в полицию и расстреляли. Хату сожгли. Осталась дочка Лариса. Полицай этот долго скрывался, потом его нашли. На какой-то свадьбе узнали. Потом была статья в газете. Это было несколько лет назад.

Полицая забрали, а если бы в деревню привезли, его бы там убили.

Почти все мужчины из деревни, призванные (в армию), погибли. В некоторых семьях погибло по трое-четверо родственников. После войны в деревне остались одни женщины. На себе плуг таскали.

Папа с фронта вернулся. Он попал в плен в Крыму в 1941 году. После войны его обвиняли, почему сдался в плен, а у него даже не было оружия. Он был в концлагере в Германии. Кормили баландой. Оттуда его забрала немецкая крестьянская семья. Он там у них пахал, коров доил.

Папу освободили американцы. Поставили всех освобожденных в ряд и предложили тем, кто хочет в Америку, сделать два шага вперед. Многие остались стоять. Те, кто знал, что семьи погибли, выходили вперед. Папа не вышел. Его привезли в Москву. Как заключенные они отстраивали Большой театр. Я написала письмо: «Папа, приезжай домой. Нам нечего есть. Холодно. Мама больная». Папа прочитал письмо своему другу, а тот отнес листок начальнику. Папу вызвали к этому начальнику. На столе лежало мое письмо. Начальник сказал папе, чтобы он собирался домой. Папу отпустили. Стал работать председателем колхоза. Потом прислали более грамотную

Семья Кузьминых: мать и отец Евгении, ее брат Виктор с женой и детьми, старшая сестра Настя, 1950-е гг.

женщину-председателя, но как сеять, она не знала, и все над ней смеялись. Папу опять вызвали и назначили председателем. Позже папа стал бригадиром. Больной уже был.

Племянник-партизан подшучивал над отцом, что он в плену был. Папа очень обижался. Моя двоюродная сестра тоже была угнана в Германию.

Во время войны у нас в доме жила учительница Дина Максимовна с двумя сыновьями, Юрием, 1929 г. р., и Толиком, 1932 г. р. Юру угнали в Германию, он выжил благодаря тому, что хорошо знал немецкий язык. У них были книги, и она учила меня и своего сына Толика по книгам. Так что после войны мы пошли сразу в школу в четвертый класс, а в старшие классы ходили в Шклов.

Набойщикова Елена Зеликовна, 1934 г. р.

Родилась в Шклове. Отца звали Зелик Юдович (1913 г. р.), маму — Хая Соломоновна (1915 г. р.). Отец родился в Малом Заречье. Он в детстве пас коров, окончил четыре класса. Все местные жители звали его Женька. Родители отца занимались сельским хозяйством.

Мама родилась в Шклове. У ее родителей, портных, дедушки Самсона Давидовича и бабушки Нехамы Соломоновны Уриных, было семеро детей.

У нас в семье до войны было трое детей. Самому младшему брату было несколько месяцев. Мама работала в сберегательной кассе в Шклове, а папа работал в Рыжковском сельпо по сельскому хозяйству. Жили мы на улице Ленинской.

За несколько месяцев до начала войны отец был призван на военные сборы. Он отпросился на сутки со сборов, чтобы отправить семью в эвакуацию. В военкомате отцу дали лошадь с повозкой. Отец погрузил нас, дедушку и бабушку с детьми, и отвез к своему другу в деревню переждать бомбежки. Тогда думали, что это продлится пару недель, и взяли с собой только котомки. Все вещи оставили дома. Пробыли мы в деревне с неделю, и крестьянин, у которого мы жили, сказал маме: «Хаечка, вам надо уезжать. Немцы близко». Он дал нам лошадь с повозкой. Старшие шли, а малыши ехали на повозке. Шли на восток, на Смоленск. Людей было очень много.

Когда шли по шляху, налетели самолеты на бреющем полете. Мама схватила за руки меня и брата Рому и бросилась вслед за остальными беженцами, в рожь на обочине. А маленького братика забыла на повозке. Мама опомнилась, стала кричать, рваться к телеге, но дедушка ее не пускал. Самолеты бомбили дорогу. Лошади вставали на дыбы и разбегались. Пришли с поля, наша лошадь стоит на дороге, ребенок лежит.

Ночевали мы в лесу, прятались от самолетов. Дошли до станции Ярцево. Вокзал был переполнен людьми. Стоял состав с машинами на открытых площадках, и стали

Самсон Давидович Урин, дед Лены Набойщиковой, 1914—1915 гг.

пускать людей на эти площадки. Лезли прямо под машины. Еще было тепло, и так под машинами мы и поехали. Ехали долго. Состав все шел на восток.

Однажды поезд резко дернулся и быстро-быстро поехал назад. Оказалось, машинист увидел впереди немецкие самолеты. Там на путях стоял санитарный поезд. Раненые лежали на траве, сушились бинты. Началась бомбежка. Это месиво не забыть (в каком-то художественном фильме я недавно увидела этот эпизод). Наш поезд впереди разбомбило вплоть до нашей площадки. Бог нас как-то берег.

На какой-то станции лежала солома. Нам сказали, что ее можно нести в вагоны, чтобы было удобнее ехать. Поехали мы дальше в вагонах. На одной из станций громко объявили, что можно будет выйти набрать воды, а потом долго не будет остановок. Мама с дедушкой взяли все чайники и вместе с другими пассажирами выбежали набрать холодной и горячей воды. Только они ушли, поезд тронулся и они остались. Бабушка плакала, кричала. Это было страшно.

Нехама Соломоновна Урина, бабушка Лены Набойщиковой, с дочкой Хаей, Шклов, 1916-е гг.

Через несколько часов поезд остановился. Открылись большие двери, и мы увидели, что идут дедушка с мамой! Оказывается, те, кто отстал,

побежали к начальнику станции. Он дал им паровоз, чтобы нас догнать.

Где-то к концу августа после Уфы есть и пить было уже нечего, и дедушка сказал, что какая бы ни была следующая остановка, мы на ней выходим.

Поезд остановился на станции Миас Челябинской области. Вся наша семья вышла. Нас посадили на повозки и повезли на окраину города Оша. Поместили в частные домики. Было уже холодно. Мы, дети, сидели дома. Через некоторое время нам дали свое жилье: две маленькие комнатки с малюсенькими сенями и печкой на 9 человек. Дедушка и бабушка сразу устроились портными в госпиталь. Маму взяли работать в горисполком. Старшая бабушкина дочка, моя тетя Полина, стала работать на военном заводе. Старшие дети

Сотрудницы шкловской сберегательной кассы, где работала Хая Набойщикова, мама Лены, Шклов, 1940-е гг.

пошли в школу. Как-то вскоре собрали детей, измерили. А потом пошили и принесли одежду. Принесли нам и платки, и валенки. В 1942 году я пошла в школу, а братья оставались дома. Иногда в столовой давали беженцам какую-то похлебку, и мы с маминой сестрой, которая только на 5 лет меня старше, ходили с бидончиком за ней. Когда донесешь, а когда и поскользнешься и все разольешь… Помню, что когда шли по дороге, часто видели трупы на обочине.

Папа служил в войсках ПВО в пехоте. Защищал Москву. Получил медаль. Потом их полк повернули в сторону Кавказа на защиту границы с Турцией где-то под Кутаиси.

Один из маминых братьев, Янкель Урин, работал на бумажной фабрике в городе Новая Ляля Свердловской области. У него была бронь. Про него потом писали, как он бумажный комбинат восстанавливал. Второй брат, 1927 г. р., рвался в

Семья Набойщиковых-Уриных, Шклов, первые послевоенные годы

армию. Он переделал себе документы, стал на год старше и прямо из школы ушел в армию.

В Оше мы прожили до ноября 1944 года. Когда освободили Белоруссию, мама рвалась вернуться и в конце ноября 1944 года. мы через Москву вернулись в Шклов. Все мы жили на квартире. Голодали. Папу отпустили только после японской войны к концу 1945 года.

Дедушкины родственники из Орши все погибли. Я их не помню.

Овчинников Леонид Ефимович, 1936 г. р.

Через несколько дней после того, как наши войска оставили Шклов, вошли немцы. В здании школы № 1 они сделали казарму. Возле военкомата поставили два дальнобойных орудия на двух лафетах. В городе были две немецких комендатуры: гражданская и военная. Гестапо было на Фабричной улице. На чердаке трехэтажной казармы была сделана площадка, откуда немцы наблюдали в бинокль за городом. Сразу же устроили самоуправление. В старом райисполкоме сделали Управу. Управляющим стал бывший царский офицер Шишкин. Полицию возглавлял Ершов. Она была около школы № 1.

На старом базаре стояла очень большая агитационная машина. По бокам машины стояли стенды, маленькие макеты домов, пейзажи, куколки,

как люди. Показывали, какая культура в Германии, как там люди живут. На втором этаже кино показывали, как немецкие войска берут красноармейцев в плен. Нас, детей, пускали бесплатно. Мама потом очень ругала меня, что я ходил смотреть. Говорила, что могли отвести, чтобы кровь забирать.

Предоставлено Грудино Александром, Шклов

Рэвяка Аляксандр Андрэевіч (1929—2002)

Пражываў у вёсцы Рыжкавічы. Зараз вёска ўвайшла ў межы горада Шклова.

Памятаю, як у пачатку вайны ў хату забег узрушаны старэйшы брат Мікалай і паклікаў мяне хутчэй бегчы ў Шклоў, дзе ў крамах «усё бяруць задарма». Прыбеглі да бліжэйшага харчовага магазіна (зараз вуліца Савецкая, 54). Бачым жудасную з'яву — з магазіна жыхары Шклова вельмі хутка расцягваюць харчовыя тавары. Мы былі падлеткамі, і нам амаль нічога не дасталося. Паспелі схапіць толькі мех з гарбатай. Гэтай гарбаты потым хапіла на ўвесь ваенны час і нават на наступныя гады.

Калгасную жывёлу эвакуіраваць не паспелі. З прыходам немцаў вялікі гурт скаціны знаходзіўся на лузе каля Зарэчча. Кароў ніхто не даіў, і яны гучна раўлі. З мясцовых жыхароў ніхто не рызыкаваў падыйсці і нешта зрабіць са скацінай. Далейшы лёс калгаснага гурта я не ведаю. Калгасных коней, якія засталіся, немцы падзялілі сярод жыхароў Рыжкавіч. Непасрэдна нашай сядзібе

дасталася вельмі добрая каняка па мянушцы Мангол, якая заставалася ў нашай сямейнай гаспадарцы ўсе ваенныя гады. З прыходам Савецкай арміі нашага Мангола забралі, і ўсё наша сямейства вельмі сумавала з гэтай нагоды.

У 1941 годзе я быў сведкам, як немцы прымусілі вялікую колькасць людзей знаходзіцца на лузе каля Рыжкаўскай царквы. Гэта былі мясцовыя жыхары яўрэйскай нацыянальнасці. Яны сядзелі на голай зямлі ў-дзень і ў-ноч, у спякоту і непагадзь. Людзі пакутвалі ад шматлікіх здзекаў і жудасных забойстваў. Напрыклад, немцы камунебудзь з яўрэяў на галаву ўстанаўлівалі запалкавы карабок і, адышоўшы, пачыналі страляць па гэтай мішэні. Уяўляць, што пры гэтым адчувала ахвяра, вельмі цяжка. Памятаю, як два яўрэйскіх юнакі спрабавалі ўцячы, але ахоўнікі іх злавілі і растралялі.

Вясковыя жыхары ў новых складаных умовах акупацыі як маглі займаліся асабістай гаспадаркай. Новыя ўлады перадалі калгасныя землі сялянам, падзяліўшы іх з улікам колькаснага складу кожнай сям'і. У Шклове на былой дрэваапрацоўчай фабрыцы "Барацьба" працаваў млын. Сяляне з наваколля прывозілі туды зерне. Аднойчы мой

Вид Шклова с птичьего полета после освобождения

бацька, каб хутчэй змалаціць зерне, прапанаваў млынару пляшку самагону. Але млынар рашуча адмовіўся і моўчкі паказаў на нямецкага салдата, які знаходзіўся на двары і наглядаў за парадкам. Давялося нам займаць месца ў агульнай чарзе.

Непасрэдна каля Дняпра ў Рыжкавічах размяшчалася невялікая нямецкая вайсковая часць, якая ахоўвала пераправу праз раку. Часова у будынку царквы немцы нават зрабілі невялікую майстэрню па рамонту тэхнікі і зброі. Я, як і іншыя суседскія хлапчукі, хадзіў да нямецкіх салдат і дапамагаў ім па гаспадарцы. Напрыклад, мы мылі посуд або пілілі дровы. За гэту працу салдаты калі-небудзь частавалі нас харчаваннем. Гэтыя невялічкія пачастункі мы хутка неслі да хаты.

Асабліва складана было пад час вайны набыць харчовую соль. І вось аднойчы бацька разбудзіў мяне ноччу. Узяўшы мех і будаўнічы малаток, мы, крадучысь, пайшлі ў накірунку Шклова. Прыйшлі да паўразбуранай цаглянай двухпавярховай школы па вуліцы Дняпроўскай (зараз гэты будынак не існуе). Побач са школай да вайны існавала невялічкая пякарня, дзе пяклі хлебныя пачастункі. Будынак гэтай пякарні быў амаль увесь разбураны. Заставалася толькі даволі вялікая печ. Бацька з маёй дапамогай пачаў паціху разбіраць гэту печку, а потым з нейкай адтуліны стаў выграбаць сапраўдную соль. Набраўшы солі болей як паўмеху, мы хуценька пайшлі да хаты. Усё жыццё бацька працаваў печнікам, і гэту печку ў пякарні ён рабіў да вайны таксама. А каб цяпло доўга трымалася, унутры печы рабілася адпаведная ніша, куды і засыпалася соль. Пра гэтую соль, напэўна, ведаў толькі сам стваральнік печы. Такім чынам, даваенная праца бацькі і

забяспечыла ўсю нашу сям'ю гэтым харчовым прадуктам на бліжэйшыя гады.

Між тым, пры ўсіх цяжкасцях, наша сям'я ўмудралася трымаць парсючкоў. Каб іх не забралі немцы, зрабілі ў хляву патаемны закуток і замаскіравалі яго дравамі. Аднойчы да нас у хату зайшоў нямецкі салдат і запатрабаваў, каб мы аддалі яму парсючка. Менавіта ў гэты перыяд два парсючкі гадаваліся ў нашым патаемным месцы. Бацька запярэчыў, пачаў сцвярджаць, што ніякай скаціны ў яго няма, і паказваў пустыя хлеўчукі. Але немец хітра паглядзеў на бацьку і паказаў два пальцы: «Вось столькі ты гадуеш!» А потым дадаў, што ён забярэ толькі аднаго, а другі хай застаецца. Наша схованка была рассакрэчана. Напрыканцы немец паведаміў, што пра патаемных парсючкоў яму расказаў наш аднавясковец.

Успаміны да друку падрыхтаваў Грудзіна Аляксандр.

Цейтлина Ася Борисовна, 1929 г. р.

Я родилась в Заречье. Это рядом со Шкловом, через мост. У нас жило много евреев — больше 10 семей.

Мой отец, Борис Григорьевич, 1894 г. р., работал директором сенной базы Оршанского мясокомбината. Мать, Сима Абрамовна, 1906 г. р., работала в веревочной артели. Жили неплохо. В нашей семье было трое детей. Сестра Шура кончила до войны 10 классов и училась в Могилевском пединституте. Вторая сестра, Лиза, 1924 г. р., тоже окончила школу уже перед самой войной,

а я училась в 4 классе. У папы было много друзей и знакомых. Семья была верующая, и соседние тоже. Все праздники отмечали. Ходили иногда по праздникам в синагогу в Шклов молиться. Папа дома молился. По субботам не работали. Была отдельная пасхальная посуда. Говорили на идиш.

Папа воевал в Первую мировую войну. Он помнил тех немцев и не предполагал, что могут быть массовые расстрелы. Папа нас уверял, что немцы не тронут еврейское население.

Когда началась война, эвакуировалась только одна семья. Из деревень евреи практически не выезжали. Папа еще ходил окопы копать, потом мы тоже пытались уехать, когда начали бомбить, доехали до местечка Дрибин, там переночевали, потом и там стали бомбить, все горело. Пришлось возвращаться. До 3 октября мы жили на Заречье.

Памятник на месте перезахоронения евреев Шклова на еврейском кладбище. Фото 1970-х гг.

Когда вернулись, немцы пришли сразу к нам в дом. Нашли у сестры Шуры всякие значки (ПВО, комсомольский и т. п.) и документы к ним. Она вынуждена была уйти и спрятаться в деревне Уланово.

В деревне, в каждом еврейском доме, жили евреи-беженцы из Могилева. В нашем доме тоже жили две семьи. Неподалеку, в Рыжковичах, в старой разбитой церкви на берегу Днепра, как в лагере, тоже жили еврейские беженцы. Много жило евреев на льнозаводе (их там и расстреляли), в поселке Искра и в самом Шклове.

Как раз только прошел праздник Йом-Кипур, постились. 3 октября привезли на машинах карательный отряд немцев и полицаев с собаками. Всех евреев стали свозить в Заречье. Наших евреев выгнали из домов, повернули лицом к стене. Из Заречья погнали в Малое Заречье. Туда же пригнали и беженцев из церкви и других евреев. Много было беженцев из Могилева. Всех посадили на землю и стали обыскивать в сарае. Мои родители ничего с собой не взяли. Некоторых в сарае раздевали, то, что находили ценного, забирали.

Обновленный памятник на месте перезахоронения евреев Шклова на еврейском кладбище. Фото 2014 г.

Я шла вместе с родителями и средней сестрой Лизой, и они меня оттолкнули. «Иди, — говорят, — к знакомым, а мы тебя потом заберем». Я зашла к бывшему председателю

колхоза в Заречье. Меня посадили за швейную машину. Там я сидела и видела всех. Кто сидел, кто стоял. Они были окружены карателями с собаками, полицаями. Потом пришла в дом женщина из Заречья, попросила попить. Она меня увидела. Тут же приходит немец, спрашивает: «Где у тебя «юде»?» Хозяйка ответила, что я ее родственница. Немец ушел, но мне уже нельзя было там оставаться. Я вышла, пошла полем и увидела, как всех людей гонят куда-то. Я долго бежала следом по лугу, огородами за этой большой толпой. Потом отстала, не видела, куда их повели. Развернулась и побежала на Заречье.

А потом узнала, что их погнали на край деревни, где был ров. На месте расстрела сейчас ничего нет, место никак не обозначено. В книге «Память» перечислены все погибшие из Заречья, но без беженцев. Их имен никто не знал. Погибли наши соседи Азархи, Самуил и Двейра. У них было двое сыновей и дочка. Сын Борис остался жив. Он уехал в Могилев, потом в Израиль. Только одна семья Меркиных, сестры с отцом, эвакуировались из Заречья. Они вернулись после войны в Заречье, потом переехали в Ленинград. Погибла в Заречье жена дяди Матвея, тетя Аня Цейтлина и двое их детей, Борис и Женя, и много других людей.

Когда я прибежала в дом, он уже был пустой. Еще горела затопленная печь, а все уже было разграблено. Все вынесли. Я вспомнила, что папа закопал в сарае, когда пришли из Дрибина, наиболее ценные вещи. В сарае уже тоже ничего не было — разрытая яма. Выкопали.

Я слышала пулеметную очередь и разговоры, что расстреливают евреев. Что делать? Я пошла

к соседям. Соседи меня покормили, дали молока, хлеба. Сначала я пошла в деревню Клебель к папиному другу Алейникову, брату знаменитого артиста, он там лесничим работал.

Потом пошла в деревню Уланово к старшей сестре Шуре. Она жила там у папиного друга, председателя сельсовета. Идти надо было километров 12—15. Рассказала ей, что все погибли. Сестра осталась, а мне пришлось возвратиться в Заречье. Побыла там, потом пошла в деревню Плещицы к знакомым. Жила там недели две. Пасла корову, когда пришла полиция из Заречья. Что-то заставило меня удрать. Я спряталась в вырытую землянку.

Потом опять пошла к сестре Шуре. Мы возвратились в Заречье, потом пошли в деревню Слижи к знакомым папы. Они нас не приняли. Даже в дом погреться не пустили.

Мы опять вернулись в Заречье. Был у нас такой полицай Игнат Юрьев, он нас скрывал у себя в доме месяц, потом до весны я была у другой женщины, Тани. Я еще была под своей фамилией. Как-то, когда я в лесу с детьми была, меня встретили полицаи, расспросили, но не тронули.

Наш дядя, папин брат, Матвей Григорьевич Цейтлин, был оставлен для работы в тылу. Он был в партизанском отряде. Дядя прислал нам записку, чтобы сестра уходила в партизаны. Сестра была всю войну в 25-м партизанском отряде бригады «Чекист».

Потом, уже весной, я перешла жить к другой женщине. Как-то пошла с детьми в лес за щавелем, в это время пришли полицаи. Забрали меня. Привели в Шклов в здание райисполкома, где располагался полицейский отряд. Там я переночева-

ла. Утром полицай меня отвел в подвал в другой конец города, но подвал не замкнул. Я оттуда удрала.

Возвратилась к хозяйке, но она побоялась меня держать. Тогда я пошла в Уланово к знакомым. Там мне Ефим Шутиков посоветовал сказать, что я из разбомбленного детского дома. Днем ходила по лесу, вечером приходила. Меня кормили, но в дом я не входила — ночевала на сеновале. Так недели две продолжалось. Потом пришла в деревню Старый Овражек. Ко мне подошла одна женщина, спросила, что я ищу. Я рассказала, что из детского дома, из Минска, дом разбомбили, и я пришла пешком. Назвала себя другим именем, стала Зиной. У женщины было двое маленьких детей. Один из них — больной рахитом. Женщина взяла меня к себе, чтобы я присматривала за детьми и хозяйством. У женщины была лошадь, корова, я за всеми ухаживала. Еду готовила.

Ася Борисовна Цейтлина с колективом школы в Троснице под Полоцком, 1950-е гг.

Связь с Уланово у меня продолжалась, и дяде сообщили, где я нахожусь. Потом хозяйка вышла замуж за полицая. В одну из суббот шел на подрыв железной дороги партизанский отряд. Они поздно ночью зашли ко мне в дом. Я спала с детьми в зале на диванчике. Один из партизан, тоже еврей, тихо подошел ко мне и сказал, чтобы я вышла, что он пришел от дяди Матвея. Партизаны еще не знали, что в доме полицай. Я ответила, что выйти не могу, а почему не могу, ему скажут в Уланово. Но хозяин-полицай услышал, что кто-то приходил. В воскресенье он и говорит, мол, пойдем со мной веники вязать. А по воскресеньям у меня были выходные, и я идти отказалась, я уже поняла, в чем тут дело.

Я побежала в Уланово к Надежде Шутиковой (жене Ефима Шутикова) и все ей рассказала. Она отправила меня к своей сестре Анастасии Деревяго в Старое Бращино (ее дочь, Потупчик, теперь носит звание «Праведник народов мира»). Там я прождала несколько дней.

Так и жила до освобождения Шклова. Когда забирали молодежь, прятались с детьми в землянках. Хозяйка не знала, что я еврейка.

Когда бригада «Чекист» уже шла на соединение с другими партизанскими бригадами, командир ее нашел меня и привел

Ася Борисовна Цейтлина с внуком сестры Шуры, Шклов, 1960-е гг.

Шуру. Он стал спрашивать, где живет Зина. Меня привели, и всем в деревне стало известно, что я еврейка. Оставаться больше я не могла. Немцы отступали и «подчищали» все. Назавтра я ушла от хозяйки, когда отступали немцы, я ушла к Деревяго, и там мы прятались с детьми в блиндаже с неделю, пока немцы не ушли окончательно. Когда все успокоилось, меня отвели в деревню Даньковичи и там я встретилась с сестрой. Дядя Матвей погиб на задании.

Потом с сестрой вернулись домой. Наш дом уцелел. Ни тарелок, ни вилок не осталось. Сестра с партизанами ходила по соседским хатам и собирала наши вещи.

Алейников принес нам самое необходимое из вещей и продукты. Потом сестра стала работать в райпо, я пошла в школу. Потом Шура уехала к тете в Ленинград. Я окончила школу в 1950 году. Директор школы давал мне тетради, Красный Крест — одежду.

Вход на еврейское кладбище Шклова, Бесхаим, в народе называют Чистилищем. Фото конца 1990-х гг.

Сразу после окончания войны руководитель нашей еврейской общины Калмыков, вернувшийся из эвакуации, организовал мужчин, и все останки перезахоронили на кладбище в Рыжковичах. Теперь там памятник стоит.

Сейчас в Заречье евреев нет.

Ципенкова (Романовская) Лидия Ивановна, 1934 г. р.

Родилась я в Могилеве. До войны жили мы в казарме от железной дороги на шоссе Могилев — Минск. Отец, Иван Михайлович, и мать, Фекла Тимофеевна, работали на железной дороге: мать телефонисткой, а отец механиком по связи.

К началу войны мне исполнилось 7 лет. В школу я еще не ходила. У меня был брат Анатолий, ровно на 5 лет меня младше.

Родителям как железнодорожникам эвакуироваться было нельзя.

Помню, как где-то через месяц после начала войны мы прятали девочку-еврейку. У нее не было родителей. Делали для нее шалаш возле дома. Потом ее люди забрали, и что с ней стало — не знаю.

Осенью 1942 года немцы подогнали к нашей казарме большую машину, погрузили все наши пожитки и нас в пульмановский вагон. Помню, что у нас с собой были большой фикус и пальма в горшке и пока мы приехали, они замерзли. Привезли нас в Шклов. Поселили в казарме. В одной казарме жили местные железнодорожные рабочие, а в другой — немцы.

Мне запомнился один из немцев — плотный, низкий мужчина по фамилии Ключ, который жил в немецкой казарме. Мы, дети, как-то несли деревянные обломки на дрова. Он говорил по-русски: «Нельзя воровать — это грех! Боженька все видит».

Отца заставили работать на железной дороге.

В Шклове жила бабушка, мама отца. В 1942 году где-то вроде бы воровали бензин. Всех, кого только подозревали в воровстве и покупке ворованного бензина, немцы или полицаи арестовали. Много людей тогда забрали в заложники, в том числе бабушку. Всех заложников привезли на территорию маслозавода. Там было поврежденное взрывом во время немецкой бомбардировки 1941 года здание синагоги. Заложников держали в подвалах этой синагоги. Потом всех вывезли на берег Днепра и расстреляли. Это было примерно в том месте, где теперь памятник стоит. Помню, что отец, когда пришел домой, даже не плакал, а ревел, как никогда.

Вскоре после этого, поздней осенью 1942 года, вся папина бригада ушла в партизаны.

Центр Шклова в первые послевоенные годы

Железнодорожные мастерские, где работал отец, были недалеко от вокзала. Рабочие сколотили бригаду. В нее входили Сергей Федорович Янченко, Яков Толпинский, мой дядя — папин брат — и другие. Перед тем как уйти, они подготовили взрывные устройства и другой материал, чтобы с собой взять.

На водокачке, где заправляли водой паровозы, работал подпольщик Ровняго. Он разобрал все механизмы водокачки, все спрятал и тоже ушел со всеми в партизаны.

Все мужчины пошли в 60-й партизанский отряд. Мы тогда думали, что если такой номер у отряда, значит, их в Беларуси уже больше 60. В партизанском отряде было очень много евреев, но имен их я не знаю.

Забрали и семьи партизан. Подогнали лошадей, погрузили нас всех, и мы уехали. Женщины, старики, дети сначала жили в деревне Рамшино. Через месяц после отъезда умерла моя мать. Она что-то сделала, чтобы избавиться от беременности, стало ей плохо. Как беженку ее привезли в больницу в Шклов. Там она умерла. Нам, детям, до конца войны не сказали о маминой смерти. Нас с братом прикрепили к семье Ровняго. Ровняго — он был в годах, его взрослая дочка-учительница, и сын, 1932 г. р., и семья Соболевских, там было человек пять-шесть: старики и дочь Нина с 8-месячным ребенком, дочь Нюра с детьми...

Ушедших в отряд железнодорожников и их семьи искали. Началась облава на партизан. Нас предупредили, что надо уходить. Партизаны прислали две подводы за нашими семьями.

Когда немцы подходили, из деревень все уходили в лес. Мы приехали в какую-то деревню, а

там никого нет. Поехали в лес. На чистом снегу хорошо были видны следы наших подвод. Через некоторое время наши мужчины, отец Ровняго и двое четырнадцатилетних парней: сын Ровняго и Соболевский решили вернуться посмотреть, есть ли там кто-то из местных, а дети и женщины, остались на подводах. Мы даже не поняли, что происходит, когда увидели, что назад они идут с поднятыми руками, а за ними подвод 12 с французами и «народниками» (народниками тогда было принято называть местных жителей, которых немцы или полиция мобилизовывали на какие-то работы, в том числе для извоза. — *Ред.*). Мы стали объяснять, что беженцы, а прятались, потому что боялись полицаев. Хорошо, что там не было полицаев! Они бы нас точно уничтожили.

Французы нас развернули назад. Забрали припрятанные у аптекарши Нины лекарства, вещи, продукты, лошадей. Все, что можно было отнять, отняли.

Лидия Ципенкова, 1950-е гг.

Нас поместили в маленький домик на окраине деревни. Нюру и Нину заставили общипать всех курей, которых нашли и убили в деревне. Потом их отпустили, и мы все вместе сидели в хатке и со страхом смотрели на то, что происходило.

А ночью стали все в деревне жечь. Весь ужас не передать, не рассказать.

Горели амбары, дома, деревья. Через деревню двигались самые разные немецкие части, солдаты, телеги, лошади, пушки везли.

Потом армия ушла назад. Но мы в деревне остались. Идти было некуда. Мы были на попечении партизанского отряда. Одежды и обуви не было, ходили в рванье и босиком.

Однажды отец пришел с медсестрой, чтобы нас забрать и отправить на самолете в тыл, а мы все лежим тифозные. Кто ж нас больных с ранеными отправит?

Был случай, когда за нами немцы на лыжах и с собаками гнались по густому лесу. Добежали до речки. Через речку лежат две осиновые кладочки. Старый Ровняго нес моего маленького братика, но сил у него уже не было. Ровняго посадил Толика возле речки, и сказал: «Сидите, они вас не тронут». Тогда я начала плакать и умолять: «Дядечка, миленький, только перенесите через речку». Уговорила. И так случилось, что немцы за речку не пошли. Мы спаслись.

Были случаи, когда немцы собирали детей в деревне и бросали в колодец. Бросали на деревни бутылки с зажигательной смесью, бомбы.

Потом нам из отряда еще двух лошадей дали. Обеспечивали продуктами. Мы переезжали из деревни в деревню вслед за отрядом. Летом 1944 года, когда было отступление немцев, выехали на дорогу Могилев — Минск. С дороги уже те, кто ехал до нас, стянули мертвых лошадей и трупы. Очень много вздутых от жары трупов на многие километры. Немецкие трупы по обочинам лежали голые. Видимо, жители их пораздевали. Носить-то было нечего.

Цодова (Шарай) Франя Федоровна, 1928 г. р.
(по документам — 1930 г. р.)

Родилась я в местечке Рыжковичи. У нас в семье было 10 детей. Трое умерли маленькими еще до войны. Я в семье пятая, говорили «пятая — проклятая».

Старший брат, Андрей, 1920 г. р., в 1938 г. уехал на Дальний Восток по мобилизации. Уехал, чтобы получить паспорт. Тогда колхозники не имели паспортов. Во время Отечественной войны он воевал с басурманами в Японии. Второй брат, Захар, 1922 г.р., был летчиком. Чтобы поступить в Могилевское летное училище (школа ОСОАВИАХИМ по подготовке пилотов для гражданской авиации и Красной Армии. — *Ред.*), он подделал документы и стал на 2 года старше. В мае 1941 года Захар училище окончил и его отправили в Ейск на Азовском море.

Во время войны дома было пятеро детей, мама Анастасия, 1895 г. р., и папа Федор, 1890 г. р. Младше меня был и брат Миша, 1935 г. р., сестра Нина, 1929 г. р. Папа болел. Заболел он еще до войны. У него была язва желудка, которая после войны в рак перешла. Мама занималась хозяйством.

Батька мой хорошо говорил по-еврейски. Приходил к евреям на праздники, его как своего принимали, и меня брал на плечи. Помню, как все вокруг стола, накрытого скатертью, сидели, на головы у мужчин что-то накинуто, а на столе перед каждым курица. И батька как все: у него на голове накинуто и на столе перед ним курица,

его не отделяли. Шинки у них были. Горелку продавали. Есть гроши — покупай, нет — в долг бери.

В день, когда началась война, я нянчила маленькую сестренку Зину. Перекинула малышку через плечо и пошла к деду. Только перешла через дорогу, как начали ехать из Шклова в Могилев грузовые машины с низкими бортами, в которых стояли, тесно прижавшись, призванные в армию солдаты с винтовками. Я стояла на краю дороги и смотрела на них. С последней или предпоследней машины немолодой солдат бросил мне жменю конфет «Ласточка» в блестящих синеньких обертках и сказал: «Сестричка, ешь сладкое, чтобы тебе это тяжелое время сладко прошло». Собрала я конфеты, села на камень и заплакала от страха.

Я не очень понимала, что происходит. Нас ничему не учили. Старые люди с палками говорили: «Грамоть не дает гамать», т. е. грамота не дает еды. Плуг, борона, поле, огород — вот что надо знать. Меньше знаешь — спокойней жить.

Федор Леонтьевич Шарай, отец Франи, Шклов, 1936—1937 гг.

Стали у нас в деревне кто окопы рыть, кто блиндажи. Батьку с другими мужиками отправили рыть блиндажи. Начали греметь бомбежки.

За нашим домом было болото. Когда-то колхозный бык, сорвавшийся с привязи, утонул в трясине за нашим домом. Дома

строили на сваях. Чтобы отводить воду от домов и огородов, вырыли большую канаву. Отец вырыл в большой старой канаве недалеко от болота окоп.

У нас был большой двор, выложенный красным кирпичом, добротный дом с хозяйственными постройками, отдельные летние комнаты-беседки без окон во дворе. Все это осталось от помещика. Отец одну такую беседку разобрал и сделал блиндаж. Но потом все же решил отвезти нас всех в деревню Старая Водва. В этой деревне жил папин не родной, кровный брат. Батя служил 25 лет в царской армии вместе с двумя земляками-братьями Ильей и Романом (один брат жил после армии в Водве, другой — в Новоселках). Там они побратались и потом всю жизнь друг другу помогали и поддерживали.

Франя Федоровна Шарай (слева) с братом отца Иваном и родственниками отца, Анатолием и Евгением, Шклов, 1935—1936 гг.

В Водву мы поехали на коне пережидать войну, но и туда пришла война. Ехать было недалеко, 14 километров. Сделали там небольшой ров, пережидали, от пуль прятались. Тихо было, жарко. Маленький шестилетний Миша в трусиках и красной майке выскочил на улицу, на горку. Тут на дороге показались танки. Танкисты были одеты в советскую форму, с красными флагами, танки обмотаны красной тканью, как гробы на похоронах.

— Слава Б-гу, наши!

Я хотела перебежать дорогу забрать Мишу. Танк остановился, вышел солдат, взял Мишу и перевел его. Но когда солдат заговорил, мы сразу поняли, что это был немец. Говорил он по-русски, но очень плохо: «Сталин — капут, а Гитлер — гут!» За танками шла пехота.

Сверху по танкам начали стрелять советские солдаты. Мы кинулись в свою ямку, просто летели один на другого. У сестры около самого уха пуля просвистела. Немцы проехали дальше на Шклов.

Наши бедные солдаты лежали мертвые по всей улице. Дворы, огороды были огорожены колючей проволокой, солдаты пытались под нее подлезть и там их прямо и постреляли. Деревенские мужики вытянули тела из-под проволоки и похоронили около церкви.

Отец собрал все солдатские документы, спрятал, и после войны разослал их родственникам. Помню, что это были сибиряки.

Мы вернулись в Рыжковичи. Вся наша улица сгорела. Спалили свои, соседская молодежь, ярые комсомольцы. Хотели, чтобы врагам не досталось. Они во время затишья бегали, палили наши хаты. Их тоже дома пострадали.

Рассказывали, как комсомольцы кидали бутылки в нашу хату, а хата все никак не зажигалась. Тогда они разорвали солому под крышей и туда подсадили бутылку с чем-то горючим.

А наша хата была не простая. Соседка Кривельская ее «святой» называла, потому что у нас дома хранилось очень много церковной утвари. Весь чердак был ящиками заставлен. Мамин отец все, что было в церкви возле кладбища, что в 1934 году разобрали, перевез к себе домой.

Некоторые иконы раздавал тем, кто брал. Книги дед и мама читали. Все, что было в доме, все иконы в золотистых окладах, старинные книги от начала веков, утварь из церкви, позолоченные и посеребренные сундуки, много посуды — все сгорело. Говорили, что горела хата не огнем, а кровью. Прямо вверх пламя столбом стояло, а стрелы от него отрывались и летели в сторону домов поджигателей. Соседний, «невинный», дом тоже загорелся. Сосед, дед Кузьма Кривельский, остался в своем склепе (сарае) и задохнулся во время пожара.

И что вы думаете, те семьи, что дом поджигали, уже стерлись, как сено в погоду. Даже внуки их все поумирали, ни у кого жизни не было: то их скривило, то сломало.

Мы поехали в другой конец Рыжковичей, подальше от Шклова. Евреев в Рыжковичах уже не было. В большом доме уже жило три семьи погорельцев. Там была пустая хата Шлемки (сын

Сохранившиеся дома возле старого льнозавода, где располагалось гетто Шклова

Шлемки Эля был на фронте, а родителей не было, то ли уехали, то ли уже немцы угнали). Это было еще летом, наверное, в июне-июле. Через несколько дней обнаружили, что стоит пустая хата наших дальних родственников, уехавших в беженцы. Туда мы и перебрались.

Всех евреев из Шклова, Староселья, Рыжковичей собирали в церкви. Людей выпускали, а они ходили по хатам просили что-то поесть.

Немцы пригнали 14 молодых еврейских хлопцев. Высокие, молодые, красивые, головы кудристые, стояли недалеко от нашей хаты. А мы все прятались, смотрели. Потом полицаи, немцы поставили по два человека и повели. Я и подруга взяли коров на поводок и пошли вслед за ними на выезд. Мы привязали коров в кустики, а сами подглядываем. Недалеко там, справа от дороги, напротив кладбища, была ямка от снаряда. Поставили их вокруг ямки и стояли они тихенько и смирно в окружении мужчин с автоматами. Я

Одно из мест расстрела евреев Шклова возле деревни Путники

себе удивляюсь, неужели такие были непонятливые или от страха забитые, или им что сказали, но никто не побежал. Хоть бы попробовали сбежать через ровок! Расстреляли их из пулемета. Немного землей головы присыпали, а ноги торчать остались. Потом наши их закопали, а после войны евреи перезахоронили на кладбище или нет, даже не знаю.

Потом через какое-то время всех остальных собрали, поставили в шеренги. Немцы и полицаи погнали их с автоматами, с собаками на расстрел. Я сама это видела. Расстреливали на Заречье. Кого убивали, кого живым кидали. Там было чистое поле, на обрыве. Там никто не смог спастись. Их после войны перезахоронили.

Во время войны ужас как жили. Батька болел, работать не мог, сестра, 1924 г. р., все время пряталась, чтобы в Германию не угнали.

У нас был свой конь. Нас гоняли в наряды с лошадьми. Ночью поднимали, вечером. Обычно я ездила. Зимой батька запрягал коня, я надевала папин тулуп, армяк, садилась и ехала. Возили немцев, полицаев.

В Корзунах нашего коня убили. Это было так. Приказали собраться и ехать за молодежью в Корзуны. С моим батькой еще с довоенных времен дружил поляк Захар Соколов (или Соколовский). Захар до войны приехал с женой из Польши, в 20-х годах. Когда немцы пришли, он пошел в полицаи. Потом мы узнали, что он имел связь с партизанами. Захар от партизан знал, что там должен был быть бой. Он сказал мне завернуться в платок и сказать, что у меня тиф. Меня отпустили, и кто-то другой на нашей лошади поехал. Там нашего коня убили и взамен дали большого

сивого коня-тяжеловеса. Этот конь бегать не мог, а мог только большие грузы перетаскивать, хоть тонну шагом перетащит. Батька все время работал, строгал, они это видели и помогли ему получить «аусвайс». Батька смог всюду ездить и его никто не проверял. Так он стал связным, но никто про это не знал, кроме Захара. Партизаны предложили отцу обменять его тяжеловоза на своего коня. Конь Каштан был весь израненный, но очень благородный, умный, все понимал. Я его выходила. Каштан был настоящим выездным военным конем.

Меня, маленькую, не трогали. Однажды мама пошла на рынок в Шклов, забыла «аусвайс» и попала в облаву. Ее задержали. Кто-то из наших знакомых рассказал. Я бегом пробежала всю дорогу, через все посты, даже между ног немца пробежала, кричала, что вот мамин документ. Маму отпустили.

Однажды объявили, что надо ехать в Уланово, чтобы забрать и отвести молодежь для отправки в Германию. Приехали мы в Уланово, когда только начало рассветать. Подъехали к крайней хате. Потом я узнала, что там жил староста. Немцы и полицейские убежали, а я подвела Каштана с телегой к сараю, чтобы под стрехой спрятаться от ветра. Там было место, куда снега не намело.

Из хаты шел такой запах свежего хлеба. Такой запах! Мы уже давным-давно хлеба не видали. Ели только бураки и гнилую бульбу. Меня от голода стало тошнить, мутить. Очень хотелось пить. Я стала есть и есть снег, но не помогало, очень хотелось воды. Я зашла в хату. Во всю длину большущей комнаты тянулся деревянный длинный стол. На столе в два этажа стояли горлачи с выпивкой,

на втором ярусе, на досках еда, закуска, окороки и хлеб с пеклеванной корочкой и своим сильным запахом.

Я никогда ничего чужого не брала, и взять без спросу не могла, даже яблока в саду.

Я просила: «Бабушка, дайте воды напиться, хоть трошки!» Стала хозяйка на меня ворчать, но воды медной кружкой зачерпнула и дала. Я с детства меди не переношу, плохо мне от нее, глотнула я, и стало мне еще хуже. Прислонилась к стенке. Тогда женщина оторвала маленький кусочек от корочки хлеба, дала мне: на! и вытолкала за плечи.

Вышла к сараю, а тут пули свистят, взрывы: завязался бой, немцы с партизанами воюют. Мой Каштан был военной лошадью, в боях бывал, пополз он на коленках в сарай и я за ним. Врылся Каштан в сено, ухом поводит и тихонько мне бухтит, вроде как успокаивает: «Не бойся». Когда стало потише, конь встрепенулся, послушал, встал, подал мне знак, чтобы я запрыгнула в сани. Ровно-ровно он вышел на дорогу и по полю вышел на дорогу домой.

Только выехали с дороги на Тросенку, увидела, что тянутся немцы, тащатся полицаи, некоторые раненые. Завалились они на мои санки и командуют: «Гони». Каштан все мог простить женщине в санках, но если женщины нет, а его ударит кто пугой, мог разнести и колеса, и санки. Бока помнет, а сам целым останется. Один немец сел с автоматом ко мне на розвальни и командует: «Гони!» Я сказала, что людей много, коню тяжко. Тогда немец своим автоматом ткнул Каштану в правую ногу. Каштан спокойно поднял ногу и так мотанул, лягнул немца, что тот

откатился вместе с автоматом. Немец закричал, схватился за автомат. Те, что на телеге сидели, схватились за свои автоматы, на немца направили, чтобы он в коня не стрелял. Конь пошел с горы полным шагом, и мы быстро приехали к водокачке.

Батька был хорошим бондарем. Он делал бочки, цебры, ведра, ящики, сальники и возил их на коне продавать по деревням. Жить-то надо было. Немцы отобрали все, что было. Отца, благодаря «аусвайсу», никто не досматривал. Про то, что он был связным, до меня дошло только после войны. Когда батька приезжал, он мне в кулак давал маленькую бумажку и говорил, чтобы я «бежала на одной ноге» к маминой двоюродной сестре Марине, у которой жили «народники» — наши солдаты, которые у немцев служили в так называемой «Народной армии». Я незаметно садилась там, на коридоре, у стенки. Тетка мне вынесет что-то поесть. Подходит мужчина, что-нибудь говорит, а я ему незаметно записочку передавала в руку. Однажды ночью все они, больше 10 человек, ушли в партизаны. Потом, после войны приходил какой-то пожилой мужчина к отцу и говорил: «Ты, дед Федька, нам крепко помог».

Когда батька возил бочки на Черноручье, за Днепр переезжать было нельзя — чтобы ехать за линию, надо было иметь в руках немецкий «аусвайс». У нас в большом зале жили два немца, спокойные, хорошие. Правда, однажды к ним кот заскочил. Это был какой-то необыкновенно ловкий кот. Он умудрялся открывать сальник (ящик для хранения сала) и таскать оттуда сало. Немцы сказали утопить его в Днепре с камнем на шее. Засунул батька кота в мешок и бросил в Днепр.

В 1942 или 1943 году Ершов, главный полицейский начальник Шклова, бывший до войны известным городским пьяницей, собрал всех наилучших коней и устроил гонки со Шклова на Фащевку и назад. Наш Каштан пришел первым, и Ершов его забрал себе. Батька знал Ершова еще до войны, пили вместе. Еще в начале войны, когда нас из-за того, что мы оказались в доме судьи-коммуниста (доме уехавшей родственницы), хотели расстрелять как коммунистов, Ершов за нас заступился.

Когда этот полицай проезжал на Каштане мимо нашего дома, Каштан все время останавливался, топтался на месте, танцевал, не хотел уходить, меня высматривал. Ершов сказал, что если я попадусь ему на глаза, он меня пристрелит. Но мне все равно хотелось на коня посмотреть, хотя бы из-за окна, из-за угла. Если конь меня замечал, то от хаты не отходил. Однажды я шла от соседки и не заметила, как Ершов на Каштане проезжал. Каштаник меня заметил и сразу свернул к нам. Ершов выхватил пистолет. Застрелил бы, не сомневаюсь, но я бегом влетела во двор и спряталась в щель пустого сухого дерева, что у нас во дворе росло.

Вместо Каштана дали маленького, черного, умного, но злого коня, который никого к себе не подпускал, кроме отца и меня. Мы его Тигром звали. Никто из мужиков на спор не мог его распутать и привезти домой. Тигр становился на задние ноги и на людей кидался. Но нас, своих хозяев, не трогал.

Как-то нас всех заставили идти на работы в Шклов. Анюта повезла бревна на этом Тигре. А мы из церкви носили доски. Немец, надзирающий

за работами, ударил тросточкой бок коня, чтобы тот шел быстрее: «Шнель!» Конь рванулся и сам упал в Днепр, и немца в воду скинул. Аня вожжи не удержала, выпустила их и убежала, чтобы ее не побили.

А другой немец ударил меня по локтю: «Русская шваль!» Больно было, а уйти нельзя. Отправили копать окопы. Пришлось одной рукой землю копать. В яме наткнулись на большой камень. Вытащить его не смогли. Немцы его подорвали взрывчаткой, и осколком случайно поранило одну девчонку. Повезли ее на перевязку в лазарет, а нас уже после этого домой отпустили. Тигр тогда сбросил хомут, выбрался из воды и прибежал домой. Потом он тоже в бою погиб и нам дали еще одного коня.

Потом нас на конях погнали на Черноручье везти немцев и полицаев. Там была облава на партизан. Бой был страшный. Наших рыжковцев, которые приехали с конями, было 14 человек. Тогда много немцев и партизан погибло. Когда я увидела, как все вокруг горит, стрельбу, весь ужас, то стала потихоньку отползать. Я ползла под конями, всю дорогу до дома проползла ползком по снегу. Уже и пуль не было, а так страшно было. Все кожухи по дороге порастеряла.

Наша мама, несмотря на то, что имела много детей, на лицо была молодая. Ее хотели забрать в Германию. Весной, перед самым освобождением, прибежали жандармы и стали командовать ей, чтобы собиралась (про Аню жандармы и не знали, она все время пряталась).

Среди полицаев был один немец. В черном был, эсесовец. Он ее спас. Мы все стояли возле печки и плакали. Он пришел и спросил по-русски:

— Корова есть?

— Есть.

— Ясли есть?

— Есть.

— Ложись в ясли посреди. Наверх много-много сена. Я буду по краям штыком колоть.

Пошли в сарай. Все сделали, как немец сказал. Заранее, еще до прихода немца, сестра Анюта тоже спряталась. Она шмыгнула в лаз под сено. Пришли немцы, и «наш» немец с ними. Он видно, не из простых рядовых был, слушались его. Всех отстранил, сказал, что сам проверит. В яслях штыком вдоль стенки провел, все кругом посмотрел. «Ниц», нет никого, руками замахал. Только он, видимо, Анюту заметил. Немного позже пришел и сказал, чтобы сестра туда не пряталась, а то придет другой немец и ее штыком запорет. А маме показал, как лицо сажей мазать, чтобы старше казаться.

Франя Шарай, Шклов, конец 1940-х гг.

Что стало с поляком Захаром, не знаю. После войны его семья у нас уже не жила.

Когда освобождали, мы сидели в окопе. Перестрелка была сверху, в нас не попадало. Сидели долго. Когда снаряды взрываться перестали, я по-тихому вышла, хотела свою подружку найти. Иду по деревне — пусто.

Зашла в ее дом. А там на кровати доски лежат. На досках — немцы. Такой

пилой, что мы дрова пилили, врач раненным пилит ноги и бинтует култышки. Сбоку уже лежат отпиленные руки и ноги. С другой стороны лежат немцы с отпиленными руками, ногами. Стоят какие-то большие бутыли с желтой жидкостью. Тихо. Ни крика, ни плача, ни гвалта. На меня внимания никто не обращает.

Заходит какой-то пожилой немец в белом халате. Смотрит на меня: «Ты?»

Я сказала: «Пан, больно».

«Нет, ему не больно». Меня прижал к себе за плечи и говорит: «Гитлер капут, а Сталин — гут!» Вывел меня и сказал, чтобы быстро домой не шла, а ползла и лежала тихенько.

Что-то сказал по-немецки и выстрелил вверх из винтовки.

Я отошла, легла и лежала долго-долго. Видела, как немцев грузили на фуры и везли на Могилев. Потом вернулась к батьке, рассказала, что видела. Батька меня за ухо схватил: «Не знаю, что с тобой делать». Мама заплакала.

Уже на второй день после освобождения нам вручили повестку о смерти брата Захара. Как сейчас это помню. Тогда подъехала машина из Могилева. Позвали: «Шарай!» Я вышла, мне дали тоненькую беленькую бумажку, я ее взяла, прочла, что извещение о смерти, и с криком побежала домой.

Захар Шарай, 1940-е гг.

Захар погиб 11 января 1944 года в бою в Керчи. В том бою были сбиты 6 самолетов из семерки.

А узнали мы о том, как брат погиб, от того летчика из того седьмого самолета, который остался в живых. После войны он приехал в Шклов. Хотел остановиться в гостинице, а его не пустили. Вот еще какой-то неизвестный приехал! Позвонили в милицию. А брат Андрей тогда уже вернулся домой и работал в милиции, он и пришел в гостиницу по дороге домой. Гость поздоровался с братом по имени-отчеству и сказал, что всегда приезжал с Захаром на выходные в гости в Шклов в нашу семью, когда учился с ним в училище в Могилеве.

Семья Шарай. Стоит справа Франя Федоровна Шарай, Шклов, 1960-е гг.

В день смерти брата маме приснился сон: дед, мамин отец, умерший в 1935 году в возрасте более 100 лет, прилетел вместе с Захаром на самолете в нашу деревню на грунтовку. Дед сказал: «В дом мы не пойдем. Нам нельзя. Дай ему, Захару, что-нибудь поесть». Выходит Захар в нижнем белье и стоит с дедом. Такой вот сон.

Когда брата перезахоранивали в братскую могилу на холме в Крыму, Захар маме еще раз приснился. Брат во сне просил больше не плакать о нем: «Вы целый год плакали — поливали сверху, а снизу — море мочило, и все кости мои перегнили. Теперь я высоко на горе и только маленький край

моря видать. Теперь мне хорошо. Не надо плакать». Я была на его могилке на берегу моря.

Сразу же после освобождения нам дали лес и мы построили дом.

Четыре года я отработала в колхозе, орала, пахала, косила, на коне работала. Ничего не платили. 16 килограммов пустой шелухи давали за целый год. Ушла. Чтобы паспорт получить, завербовалась на шахту в Сибирь. Потом выучилась и работала мастером хлебопекарни, потом, когда из-за некачественной муки испортился хлеб, а меня хотели сделать врагом народа, ушла. Перешла в торговлю.

Шавелько Галина Павловна, 1931 г. р.

До войны мы с мамой, папой и тремя сестрами жили в деревне Заречье, около Шклова. У нас был большой дом.

Мой папа вернулся с фронта Первой мировой войны инвалидом первой группы. Одна нога была короче другой на 14 сантиметров, осколок железный там оставался до самой его смерти, и работать папа не мог. На земле работала мама.

Заречье было небольшой деревней, но детей в семьях было много: по 4 — 6 детей, не так как теперь. Ходили в начальную школу в Заречье. Школа была 4-классная, в старшие классы надо было ходить в Шклов. Я училась с Женей Цейтлиной и очень с ней дружила. Сестра Жени, Хася Цейтлина, училась с моей сестрой. Учились на русском и белорусском языках. Учили арифметику, рисование,

пение, была физкультура. Все предметы вела одна учительница. Оценки ставили словами: «выдатна», «добра», «пасрэдственна» и «дрэнна». В школе было 3 учителя: Евгения Яковлевна, Надежда Степановна, в 4 классе занятия вел Ефим Петрович.

До войны мы хотели переехать в Ташкент, даже дом там купили, но не успели — война помешала. В Ташкенте жили братья папы. Двоих из них — Николая Ивановича, 1921 г. р., и Михаила Ивановича, 1922 г. р., призвали на фронт и об их судьбе мы ничего не знаем. Они числятся пропавшими без вести.

Возле Заречья в начале войны шли бои. Чтобы мы не пострадали от случайной пули, папа спрятал нас в низину, в бульбовник. Там мы лежали, пока все не затихло.

Когда фронт прошел, мы прибежали к советским окопам около кладбища на горе. Запомнились белые тряпки на траве, обмотки, которыми солдаты ноги оборачивали. Ближе к лесу лежали убитые русские солдаты. Один мужчина стонал и

Вид на Шклов со стороны Днепра

просил пить. Я нашла котелок. Забрала его и побежала к Днепру за водой. Когда вернулась, солдатик уже молчал — умер. Я котелок с водой поставила и убежала. Потом наши женщины трупы закапывали.

В Заречье было 5 домов, где жили евреи. В одном жили девочки Цейтлины, Шура и Хася, с папой и мамой. Их дом сохранился. Во втором доме жили их родственники Цейтлины. В третьем — пожилая Года с мужем. Рядом с нами жила Двейра с мужем Исааком, портниха. Она шила нам платья. У них были козы. Она одалживала у нас деньги, бедно жили. У нее было трое детей: Юзик, Бома и пяти- или семилетняя Раечка. Бома был на фронте. Юзик был ранен в руку и был дома. Еще был пятый дом еврея Абромки, но его семья переехала до войны в Ташкент.

В начале войны оставшиеся 4 еврейских семьи жили в своих домах, но однажды осенью приехали каратели. Они были в черном, в высоких шапках, на которых приделан череп с двумя

Сохранившееся здание шкловской синагоги XVII в.

перекрещенными костями. В 4 часа утра немцы выгнали всех евреев из домов и поставили их лицами к стенке. Потом отвезли к Путневскому кладбищу и там, в овраге на краю леса, их расстреляли. Отец почему-то называл карателей финнами.

Могила была очень большой, и, говорят, земля шевелилась три дня. Там были убиты евреи из Шклова и из Рыжковичей. Евреев из Рыжковичей сначала держали в белой церкви в их деревне. Наши соседи видели, как они с консервными банками за водой к Днепру ходили. Наши люди плакали.

Шура Цейтлина ушла в партизаны вместе с дядей.

После войны Бома вернулся и работал деканом в машиностроительном институте в Могилеве. Спустя годы после войны, когда мой сын поступил в Могилевский машиностроительный институт, Бома узнал, что я с Заречья, и очень помог ему. Сейчас Бома уже умер.

Сохранившееся здание молельного дома

20-летний сын Абромки, Хаим, спрятался, когда евреев собирали на расстрел. Он немного косил, поэтому его в армию не взяли. Уйти он не успел. Я видела, как его нашли и забили немцы на школьном стадионе и там же закопали. Семья Абромки жила в Ташкенте. Его родичи после войны, когда вернулись, перезахоронили его останки на кладбище.

После расстрела евреев их дома стояли пустые. Кто-то окна вынимал, что-то разбирал. Потом в деревне разместили немецкий госпиталь. В школе был лазарет. Более легкие раненые жили по хатам, в том числе по еврейским. В наш дом поместили три выселенные семьи, а в их хатах разместили немецких раненых. В Авромковом доме жило 6 раненых немцев. Спали они на двухэтажных нарах.

Врачи с железными ящичками с красными крестами ходили из дома в дом. Лечили иногда и нас. Однажды у сестры был нарыв на ноге. Врач вскрыл его и вылечил сестру.

Когда немцы от советской армии оборонялись, еврейские дома они разобрали и делали из бревен бункеры.

Были немцы, которых у нас звали «австрийцами». Они носили сбоку на фуражке цветочек вроде ромашки. Когда мы видели таких солдат, знали, что бояться их не стоит — они не бьют.

В деревне была девушка 1921 или 1922 г. р., Мария Азаревич. Она хорошо знала немецкий язык, помогала переводить. Она умерла сразу после войны при родах.

Я помню, как однажды, я, сестры, родители и еще несколько односельчан стояли на берегу Днепра. Мимо проходили австрийцы, и один из них сказал, что «пусть Гитлер — капут, Сталин —

капут, а киндеры пусть живут». И показал на нас, детей. Так и стоит перед глазами эта картина. За войну мы все немного выучили немецкий язык.

Наш дом стоял третьим от Днепра, крайний от переулочка. В войну папа помогал партизанам. Он давал им сухари, доставал им сведения. В деревне был староста. Про него говорили, что он доносил немцам. Он рассказал немцам, что к папе кто-то приходил. Пришли к нам в дом. Посмотрели, что отец инвалид, и схватили маму. Ее вывели, положили на бревна и дали ей 20 палок. Маму так избили, что она неделю лежала на животе.

Никаких домашних животных в деревне во время войны не было. Всех коров, курей, коз, лошадей, свиней забрали немцы. Собирали гнилую картошку весной, делали из нее лепешки. Картошку ели с шелухой. Все были опухшие, отекшие. Ели щавель. Мама делала «сковородники из щавлюка». Голодовка была страшная. Мы плакали, говорили маме, что хотим кушать, а мама отвечала: «Попей водички и поспи». Землю копали лопатами. Мама так уставала, что падала на бревна возле дома, подкладывала кулачок под щеку, и там спала. У нее не было сил стащить кирзовые сапоги дома.

Мы росли, как поросятки, немытые, неодетые. Я ходила с кувшинчиком в госпиталь, просила поесть. Давали супа или молока. Мыли котелки раненым, а они нам за это отдавали по 2 кусочка хлеба и какие-то остатки еды. Раненые нас не обижали.

Я помню, как нашла картиночку из книжки. Там были нарисованы бабушка, бочка и мальчик,

который ел булочку. Я помню, что все время смотрела на эту картинку и завидовала ему.

Старшая сестра все время сидела дома в подполе. Ее прятали, чтобы не забрали в Германию. Нас с родителями и младшими сестрами забрали вместе с молодежью, отвезли в деревянную церковь, но немец посмотрел на маму, папу-инвалида, что мы еще малые, и отпустил. Бегом оттуда бежали! В 1944 году у нас родилась еще одна сестра, Ольга.

После войны папе помогали в военкомате. Помню, как развозили на машине из военкомата ящики с американскими галетами, и нам давали несколько баночек галет. Потом папа продал свое и мамино обручальные кольца, которые сумел уберечь во время войны. Военком дал папе лошадь и возок, и папа привез из Мстиславля купленную на вырученные деньги старенькую яловую корову, которая давала 1,5 литра молока, и маленького поросеночка. Так стало Заречье оживать.

Щерба (Грахольская) Александра Антоновна, 1929 г. р.

Родители жили в Заречье. В Заречье у них были земля, хозяйство, родились дочери: старшая Анна, 1922 г. р., Маня, 1926 г. р., Надя и я.

Батька умер, когда мне было два года. Он вез сдавать лен (нужны были деньги, чтобы оплатить большие налоги), напился воды, сразу приключилась чахотка, и он умер.

У мамы был брат — священник Тарас Щерба. Он учился до революции 12 лет. Его в 20-х годах коммунисты сослали

куда-то туда, где сейчас воюют, на горы. Он туда еще маму звал, но она не поехала. Потом их отпустили из ссылки, и он вернулся. В 1938 году дядьку Тараса расстреляли. Голого забрали, вели по выгону и расстреляли. Церковь, где он служил, тогда же разобрали.

Когда война началась, я окончила 4-й класс. В тот день я лежала на чердаке на сене, отдыхала.

Сначала гнали скот. Много-много скота. Думали, что немцы за Днепр не зайдут, и скот сюда к нашему дому на луг пригнали. Коровы ревут недоенные. Дня три стояли и ревели. Жарко. Маму и еще троих хлопцев заставили гнать коров в Горки. Сказали, что дадут за это по корове и по поросенку. Они немного прошли, с полдороги, как стали летать и стрелять по ним самолеты. Скот бросили и скоренько назад вернулись.

Когда мама вернулась, то увидела, что в нашем доме печка топится. Она бегом прибежала. Отступающие солдаты вскрыли магазин, а там было много яиц, потому что покупали тогда в обмен на яйца. Они растопили нашу печь разломанным стулом и пытались варить яйца в большом чугунке прямо без воды. Так мама принесла воды, налила и сварила яйца. Они понабрали полные заплечные мешки тех яиц и ушли. Помню, как уходили солдаты — так плакали! Я боялась, плакала и просила маму, чтобы вела меня в беженцы.

Еще помню, как летали самолеты, бомбили мост. Как разбили мост, весь дом наш колыхался. Многие жители из деревни выехали подальше от реки, от дороги, а у нас возможности не было. Те, кто остался, как мы, — женщины с тремя пожилыми мужиками — залезли в колхозный погреб на поле.

До войны моя сестра, Надя Щерба, поехала в Могилев, выучилась на проводницу, там жила на квартире и познакомилась с машинистом. Они хотели пожениться. Во время обороны города 18-летнюю Надю с братом жениха и его женой поставили втроем защищать какое-то здание, с красными повязками. Там у дома немцы сразу их расстреляли. Расстреляли разрывными пулями, разорвали грудь. Их хоронили в одном гробу. Вот так она почти сразу погибла, даже расписаться еще не успели. Надин жених тогда взял старшую сестру Аню, и она переехала к нему в Могилев. Машинист пожилой был, в армию его не брали.

Пришли немцы. Они все кричали: «Москоу, Москоу». Ехали дня два. Сначала на мотоциклах, а потом на машинах. Улицу перейти нельзя было. Потом немцы сделали небольшой мост через Днепр.

Немцы быстро весь скот собрали и в Германию отправили. Осталась у нас одна корова. Мы ее прятали на колхозном гумне. Наша корова была разумной. Зимой уже мама ее покормит, попоит, она идет на гумно и там весь день стоит. Немцы ходили по дворам, коров и прочую живность забирали, а у нас нет ничего. Соседка тогда немцам кричала: «И у них корова есть, и у них!» Немец посмотрел, что никого нет, и ушел. В конце концов нашу корову тоже забрали и зарезали. Немцев было очень много. Они жили по хатам и держали кухню в доме напротив, варили на улице. Была и комендатура в деревне. Все отбирали.

Я дружила до войны с евреями Цейтлиными. Училась с Хасей Цейтлиной.

Вскоре после того, как немцы вступили в деревню, собрали всех евреев. Еще летом. Всех евреев

пригнали к выкопанному окопу возле деревни Путники около кладбища. Их всех там убили и зарыли. После войны, когда евреи вернулись, они все кости выкопали, и перезахоронили на кладбище. Насколько я знаю, спаслись только сестры Цейтлины.

В еврейские дома люди сразу заселились. После войны только Цейтлины свой дом забрали.

У нас в начале войны остановилась женщина-еврейка с дочкой и ее двумя детьми. Дети, уже не маленькие, ладненькие такие, девочка и мальчик. Мать и дочь работали в Шклове в школе учителями. Они приехали на коне и заехали к нам, потому что мы жили в конце деревни. Мы их поселили в бане.

Иван Лучанок, который тогда был председателем при немцах сначала или старостой, сказал моей маме: «Сонька, и тебя расстреляют, и детей твоих». Мы отвезли женщин с детьми в Густов, километров за восемь. Партизан они там не нашли. Там они пробыли где-то месяц. Деться им было некуда. Оттуда они назад вернулись и сами

Траурная церемония возле обновленного памятника на месте перезахоронения уничтоженных фашистами евреев Шклова на еврейском кладбище, июль 2014 г.

сдались, или их выдали. Их расстреляли. Люди тогда были вредные.

Коня и шубу женщина нам оставила. Потом эту шубу и мой полушубок, ботинки и другие вещи бандиты или партизаны забрали.

Правда, было много жуликов, а не партизан. Жулики ходили по хатам и все отбирали. Приходили мужчины, парни и из своей деревни, и из соседних. Те, что из своих — лица прятали, а из соседних — открыто ходили. Как-то к нам пришли такие бандиты. Мы жили в половине дома, потому что топить было нечем. Один стоял у окна и наблюдал, второй стучал, а третий — пришел в хату угрожать оружием и даже два раза в потолок выстрелил. Как страшно сонным детям! Тот, что у окна стоял, смотрел, что мы будем делать. Мы, сонные, вскочили. А мы уже скопили деньги на корову и прятали их в столике. Присылала деньги из Могилева Анна, которая там работала. Маня схватила деньги из тумбочки и села на них. Жулик, что у окна стоял, увидел.

«Встань, девочка!» — требует. И мама говорит: «Встань, чего ты боишься?» Она же не знала, про деньги. Маня встала, а жулики те гроши забрали.

У нас все забирали: и еду, и одежду. Забрали две пары немецких ботинок, что я купила, одежду теплую. Корову мы купили

Развалины шкловской ратуши. Фото 1945 г.

года через три и вырастили ее еще во времена немцев.

Партизаны убили у нас двух полицейских и еще одного дядьку.

Я ходила пешком в Могилев покупать соль для партизан. У них соли не было. Покупала соль на базаре. А назад меня подвозили, и партизаны встречали на окраине леса.

Первая военная зима была очень холодной. Немцы укутывались так, что только глаза торчали. На калоши надевали лапти. Заглянут такие в окно — страх!

Если бы немцы не издевались, ничего бы не было, но они начали издеваться, и многие кинулись в партизаны. Хотя некоторые немцы были ничего.

Александра Щерба, Шклов, 1940-е гг.

Немцы ездили на телегах с большими бочками и кричали. Мы слышали их крики и загодя несли, что было: яйца, сало. Большого кабана нашего забрали, нашли у женщины двух свиней в погребе. Кабана, корову немцы убили прямо в нашем дворе, разделали и в машину свою кинули. Мы собирали старую картошку гнилую и так жили.

Года через два от начала войны согнали много людей откуда-то. Поселили их в здании школы. Люди эти копали большие окопы до леса. Нас тоже заставляли копать.

Мать и нас, малых, гоняли на работу. Мы таскали дрова.

Маню хотели угнать в Германию. Забрали ее в Шклов. Поместили в дом, где теперь дом инвалидов. Знакомые рассказывали, что дали за свою большой выкуп. У нас было кое-что сховано, и мы дали женщине, которая переправила в документах Манин год рождения на меньший. Маню отпустили. В деревне было два старосты. Первый предупреждал молодежь об облавах, потом наши почему-то его убили.

Маня почти всю войну прожила на чердаке, пряталась. А как пришли партизаны, все в нашей хате собрались. Радовались, что немцев больше не надо бояться. Несли партизанам, что было. Потом ехало подвод 10 раненых немцев. Они у людей лошадей забирали.

Вскоре пришли наши. Так стреляли, что потолок в нашем доме обвалился. Окна у многих повылетали. Сначала шла разведка. Хлопцев шесть было. Двоих немцы убили. Мы живым сделали стол. Они радостно поели и переплыли Днепр.

Когда немцы ушли и стрелять перестали, я пошла в Могилев проведать Анну. Верите ли, вся дорога была покрыта разбухшими немецкими трупами. Машины так по телам и ездили. Я мертвых не боялась, но тут полдороги прошла и бояться стала. Медленно ехала небольшая машина, я тихенько прыгнула в кузов и сидела. Шофер удивился, откуда девка взялась. Сказал, что в Могилев не едет, но я его упросила. В Могилеве горы трупов были. Людей заставляли стягивать трупы во рвы и там закапывать. А бывший Надин жених — машинист, который уже сошелся с Анной, после войны подорвался на мине в Лотве.

Именной алфавитный указатель

А
Абрамович 69
Адинец (Ладнова) 73
Азархи 142
Алейников 143
Альтшулер 92, 94, 95, 98, 99, 100, 101, 102
Альтшулер (Кушилина) 99
Антонов 83
Антонова 83, 84, 85, 88, 89
Артемьев 104, 105, 108
Артемьева (Глушанкова) 105

Б
Береснев 10
Бжеленко 41, 43
Бобцова (Суренкина) 15
Богданович 18
Божков 63
Брилон 78, 79, 80
Брилоны 77, 80
Ведерников 48
Верховцов 61, 67
Ворошилов 114

Г
Гершин 36
Гехт 11, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 63
Гитлер 66, 155, 165
Глушанков 112, 117
Граков 118, 119
Гракова (Глушанкова) 119
Гришин 32, 33, 35
Грудина 139

Д
Двоскины 77
Деревяго 145
Домациевские 74
Дрибинская 78
Дрибинские 77
Дрибинского 78
Дубовская 99
Дубовский 103
Дубовской 96

Е
Ермак 61
Ершов 135, 162

Ж
Ждан 55, 66

З
Златин 27

И
Иванов 68
Ивашко 63
Иоффе 21

К
Каган 48, 63
Каркалов 104
Каскевич 59
Катлинская (Филиппович) 29
Кауфман 92, 103
Кац 68, 69
Кежев 36, 37
Килесо 55, 57, 59, 63
Князев 59
Козлов 108, 114
Костюкевич 63
Кохельники 46
Красная 42
Краснова 44
Красный 40
Кривельская 155
Кривельский 156
Кролик 78
Кролики 77
Кругляница 44
Крупеня 114
Крючковский 63
Кузьмин 122
Кузьмина 124, 128
Кузьмины 129
Куракин 67
Курцерова 28
Курцова 63

Л
Лавренова (Кузьмина) 122
Ладнова 26, 73
Ласиков 104
Левин 27
Левина 26
Левитан 84
Лейзарович 112, 114, 117, 119, 120
Ленин 16, 61, 113
Лукиных 8, 46
Лучанок 176

М
Марголин 76
Матруненко 52
Матруненко (Шершнева) 51
Машеров 74
Мендельсон 12
Меншагин 55, 56, 57
Минин 118, 119
Миронов 108, 114

Н
Набойщикова 99, 130, 133
Набойщиковы-Урины 134
Напрышкин 85
Низовцова (Москалькова) 10
Никитин 107, 114

О
Овчинников 114, 135

П
Певзнер 63

Перцевы 77
Пиотровский 6
Питер 80
Поборцев 104
Приборец 63
Прудников 111

Р
Ратников 114
Ровняго 149, 150, 151
Романов 106
Рудакова 70, 72
Рудакова (Иванова) 68
Рудаковский 90
Рэвяка 136

С
Сапеги 75
Сафонов 56
Семенов 75
Сенокосов 114
Сергеев 116
Соболевских 149
Соколов 158
Соколовский 158
Соланович 61
Сталин 16, 113, 115, 155, 165
Сташкевич 59, 67, 80, 81
Сурто 67

Т
Титаренко 114
Тишко 112
Толпинский 149

У
Узилевская 37, 76
Узилевские 77
Узилевский 38, 79
Улицкая 3
Урин 75, 131, 134
Урина 132
Урины 77, 130
Уфлянд 86

Ф
Федоров 59
Феоктистов 111, 115
Филиппович 29
Филонова 83
Флеер 101, 103
Фрумкина 19, 20, 21

Х
Хартов 106
Хеер 4

Ц
Цейтлин 143
Цейтлина 139, 142, 144, 145, 167, 170
Цейтлины 169, 175, 176
Ципенкова 150
Ципенкова (Романовская) 147
Цодова 10
Цодова (Шарай) 152
Цыбульский (Цыбулькин) 58
Цыбульский 66

Ш
Шавелько 167
Шайников 110
Шайникова 110
Шапиро 71
Шапошников 114
Шарай 153, 154, 165, 166, 178
Шведко 114
Шестаков 119
Шинкевич 63
Шишкин 135
Шкварко 28
Шкредова 18
Шлинк 5
Шляхтов 114
Шуб 27
Шутиков 144, 145
Шутикова 145

Щ
Щерба 164, 173, 175
Щерба (Грахольская) 173

Ю
Юнг 4
Юрьев 143

Я
Яковенко 49, 50
Яковлева 13
Яковлева (Красная) 40
Янченко 126, 149

Содержание

Предисловие 3

Пять вопросов, которые могут возникнуть перед чтением этой книги 3

Воспоминания, объединенные войной 8

Быхов 4

1089 дней оккупации 4

Бобцова (Суренкина) Таисия Никитична 15

Гехт Дора Мироновна 19

Златин Борис Семенович 27

Катлинская (Филипович) Нина Кузьминична 29

Кежев Герасим Степанович 36

Яковлева (Красная) Муся (Мария) Марковна 40

Кругляница Ольга Ивановна 44

Лукиных Валентин Дмитриевич 46

Матруненко (Шершнева) Мария Никифоровна 51

Меншагин Георгий Дмитриевич 55

Рудакова Эмилия Александровна (Иванова) 68

Семенов Виктор Трофимович 75

Шклов 82

1082 дня оккупации 82

Антонова Степанида Пантелеевна 83

Альтшулер Клара Захаровна 92

Артемьев Виктор Иванович 104

Лавренова (Кузьмина) Евгения Александровна 122

Набойщикова Елена Зеликовна 130

Овчинников Леонид Ефимович 135

Рэвяка Аляксандр Андрэявіч 136

Цейтлина Ася Борисовна 139

Ципенкова (Романовская) Лидия Ивановна 147

Цодова (Шарай) Франя Федоровна 152

Шавелько Галина Павловна 167

Щерба (Грахольская) Александра Антоновна 173

Именной алфавитный указатель 180

Разделенные войной
Дети войны вспоминают: Быхов, Шклов

В двух книгах
Книга 1

Составители:
Шендерович Ида Михайловна,
Литин Александр Лазаревич

Компьютерная верстка:
А. Литин
Дизайн обложки:
А.Литин
Корректоры:
И. Заикина,
О. Серякова